

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 50

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19*

МОСКВА, САМИЗДАТ, 1978

ПЕРЕИЗДАНО:

НЬЮ ЙОРК, ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА", 1979

**БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ВЫПУСК 50

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЛЕТА 1978 ГОДА

**Суд над Орловым – Суд над Гамсахурдиа и Коставой – Суд над
Гинзбургом – Суд над Шаранским – Суд над Пяткусом – Суд
над Лукьяненко – Суд над Александром Подрабинеким – Суды
над еврейскими активистами**

ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 50

Copyright © 1979 by Khronika Press

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y., 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Суд над Орловым.....	5
Суд над Гамсахурдиа и Коставой.....	22
Суд над Гинзбургом.....	28
Суд над Щаранским.....	42
Суд над Пяткусом.....	68
Суд над Лукьяненко	75
Суд над Александром Подрабинеком.....	79
Арест и следствие	79
Суд.....	81
Суды над еврейскими активистами.....	87
Демонстрации	87
Суд над Идой Нудель	92
Суд над Владимиром Слепаком	97
Суд над Марией Слепак.....	99
Суд над Иосифом Бегуном.....	102
Указатель имен.....	106

СУД НАД ОРЛОВЫМ

С 15 по 18 мая Московский городской суд рассматривал дело Юрия Орлова, обвинявшегося по ст. 70 УК РСФСР. Председательствовала на процессе судья В.Г. Лубенцова (в октябре 1968 г. она судила "демонстрантов" – Хр. 4). Народные заседатели – Г.Н. Цветков и А.Н. Лебедев. Обвинитель – зам. прокурора Москвы С.А. Емельянов. Защитник – адвокат Е.С. Шальман.

Арестовали Орлова 10 февраля 1977 г. (Хр. 44). О следствии по его делу сообщалось в Хр. 44-49.

* * *

Юрий Федорович Орлов родился в 1924 г. Его отец – шофер и слесарь; в 1933 г. в возрасте 33 лет он умер от туберкулеза. Его отчим – также рабочий; в 1942 г. он погиб на фронте.

Раннее детство Ю. Орлов провел в деревне под Смоленском, затем жил в Москве. С начала войны, не окончив школы, он стал работать токарем на заводе. В своей автобиографии Ю. Орлов вспоминает поразившие его слова его дяди, сказанные в это время: "Надеюсь, что союз с демократическими странами в этой войне приведет к демократизации нашей страны после войны".

В начале 1944 г. Ю. Орлова призвали в армию и направили в военное училище. В училище Орлов стал кандидатом в члены партии. За месяц до окончания войны его послали на фронт.

После войны, продолжая служить в армии, Ю. Орлов интенсивно изучает труды "классиков марксизма" и работы Гегеля. Он вспоминает, что уже тогда в разговорах с близкими товарищами он высказывался против "бюрократической диктатуры", за "возврат к идеям марксизма". Органы госбезопасности пытались привлечь его к секретному сотрудничеству – Орлов решительно отказался.

В конце 1946 г. Орлов демобилизовался, закончил экстерном школу и поступил в Московский университет. В 1948 г. он стал членом партии. В 1952 г. Орлов окончил физический факультет МГУ.

В 1953 г. Орлов начал работать в Институте теоретической и экспериментальной физики (ИТЭФ) АН СССР (директор – акад. А.И. Алиханов).

В начале 1956 г. он закончил кандидатскую диссертацию, тогда же появились его первые научные публикации, его работы были представлены в пяти докладах, направленных на международную конференцию в Женеве.

В марте 1956 г. Ю. Орлов выступил на институтском партийном собрании, обсуждавшем документы XX съезда, с критикой предшествующей линии партии. Он сказал об общем упадке чести и морали, о необходимо-

сти демократических перемен. С резкой критикой на собрании выступили еще несколько человек. 5 апреля в "Правде" появилась разносная статья об этом собрании (без названия института), было также "закрытое письмо ЦК". По решению ЦК Ю. Орлов и еще трое были исключены из партии и уволены с работы. Имя Орлова было снято со всех докладов и статей, ему не дали защитить диссертацию.

Шесть месяцев Орлов не мог найти работу. Во многих физических институтах Москвы для него и его товарищей, находившихся в аналогичном положении, собирали деньги.

По предложению члена-корреспондента АН СССР А.И. Алиханяна, брата А.И. Алиханова, Орлов переехал в Армению, где в Ереванском физическом институте занялся ускорителями. В 1958 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в 1963 г. — докторскую, в 1968 г. его избрали членом-корреспондентом АН Арм.ССР.

В 1972 г. Орлов вернулся в Москву. После шестимесячных стараний акад. Л.А. Арцимович с трудом устроил Орлова в Институт земного магнетизма и распространения радиоволн АН СССР (ИЗМИРАН).

После переезда в Москву Орлов активно включился в движение за права человека. В сентябре 1973 г. он выступил с открытым письмом Брежневу в защиту А.Д. Сахарова. В октябре 1973 г. Орлов стал одним из членов-основателей советской группы "Международной Амнистии".

1 января 1974 г. Орлов снова был уволен. С тех пор он жил частными уроками по математике и физике, продолжая свои научные занятия дома. В течение нескольких лет в его квартире регулярно собирался руководимый им семинар по физике.

В феврале 1974 г. Орлов выступил с протестом против изгнания Солженицына. В июне 1974 г., в связи с международным симпозиумом, организованным А. Воронелем (Хр. 32), Орлова подвергли десятидневному домашнему аресту.

В 1976 г. была опубликована статья Ю. Орлова "Возможен ли социализм нетоталитарного типа?" (Самиздат, а также сб. "Самосознание", Нью Йорк, "Хроника-пресс"). В статье доказывается, что концентрация политической и экономической власти в руках централизованной бюрократии неизбежно ведет к утрате личных свобод (Хр. 38).

В мае 1976 г. Орлов организовал и возглавил Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР — Московскую группу "Хельсинки" (Хр. 40). Позднее образовались группы "Хельсинки" в Литве (Хр. 43), на Украине (Хр. 43), в Грузии (Хр. 44), в Армении (Хр. 46).

* * *

Суд проходил в помещении народного суда Люблинского р-на г. Москвы (Егорьевская ул. 14) — там же, где судили А.Э. Краснова-Левитина (Хр. 20), В. Буковского (Хр. 23), А. Твердохлебова (Хр. 40).

Никого из многочисленных друзей и знакомых Орлова, собравшихся у здания суда задолго до начала заседания, в зал не впустили — как обычно, "из-за отсутствия мест". На суд были допущены лишь жена Орлова Ирина Анатольевна Валитова и его сыновья (от первого брака) Алек-

сандр и Дмитрий Орловы. В первый же день суда у них отобрали магнитофоны, им запрещали вести записи, выходить во время перерывов и даже подходить к окнам. Перед началом и по окончании заседаний их подвергали личным обыскам (сыновей при этом дважды избili, а жену раздели донага в присутствии трех мужчин – сотрудников КГБ).

* * *

При "установлении личности" подсудимого судья подчеркнуто фиксирует то обстоятельство, что с 1974 г. Орлов "не работал". Лубенцова несколько раз прерывает Орлова, когда в ответ тот объясняет, что, как профессиональный ученый, независимо от штатной должности, он постоянно занимался наукой, писал и публиковал статьи, а кроме того работал на общественных началах в Ереванском физическом институте.

Далее Орлов заявляет суду свои ходатайства. Его объяснения мотивов ходатайств, как и все, что он говорит потом на протяжении всего процесса, прерываются окриками судьи: "Вас не спрашивают (о том-то и том-то)!", "Стойте прямо, не облокачивайтесь", "Вы не на лекции" и т. п.

Орлов просит пригласить в суд английского адвоката Дж. Макдональда, которому его жена поручила его защиту (Хр. 45).

Орлов ходатайствует о вызове дополнительных свидетелей. Среди них Л. Серый (Хр. 42, 43), В. Павлов (Хр. 43), В. Хайло (Хр. 36, 48), Н. Светличная, Н. Строкатова, О.Я. Мешко, С. Караванский, упомянутые в документах Московской группы "Хельсинки", инкриминируемых Орлову. (Павлов и Хайло приехали на эти дни в Москву и были у здания суда.) Среди них также несколько научных работников из Москвы и Еревана, которые могут охарактеризовать Орлова как ученого. Орлов просит пригласить в суд директора ИЗМИРАНа чл.-кор. АН СССР В.В. Мигулина, письма которого в КГБ повлияли на формулировку обвинения, а также С. Липавского (см. "Суд над Щаранским") и А. Градобоева (см. "Суд над Гинзбургом"), показания которых есть в его деле (с Градобоевым Орлов не знаком, а Липавского он видел лишь один раз на пороге своей квартиры). Орлов просит вызвать в суд члена Московской группы "Хельсинки" В. Слепака (по документу № 9 о евреях с. Ильинка – Хр. 43), и. о. секретаря советской группы "Международной Амнистии" В. Альбрехта, директора Института психиатрии АМН СССР проф. А.В. Снежневского (по эпизоду, связанному с Л. Плющом – Хр. 36) и переводчицу Антонову, переводившую беседу Орлова с итальянским журналистом М. Дзоппелли.

Орлов ходатайствует о приобщении к делу дополнительных документов – например, справки из Министерства обороны о лишении П.Г. Григоренко воинского звания и пенсии и документов по "делу Григоренко", справки из АН СССР о том, членом каких проблемных научных советов и комиссий он (Орлов) состоял.

Адвокат Шальман ходатайствует о приобщении к делу научных статей Орлова, опубликованных в 1974-78 гг. в СССР и за границей, справок и отзывов о научной деятельности Орлова. Он просит вызвать в суд ряд лиц, которые могут засвидетельствовать попытки Орлова устроиться на штатную работу в Москве и Ереване.

Суд отклоняет все ходатайства подсудимого и его защитника. Об Антоновой, Градобоеве, Снежневском Лубенцова говорит, что они не могут явиться в суд по болезни (известно, что в этот день Снежневский осматривал пациентов в клинике); в последующие дни Лубенцова говорила, что Снежневский уехал в командировку.

* * *

Зачитывается Обвинительное заключение (40 стр.). В нем говорится, что Орлов, давно не работающий как ученый, будучи враждебно настроен, пытался подорвать основы советского строя. Он неоднократно давал западным корреспондентам интервью, в которых порочил советский государственный и общественный строй; изготовлял антисоветские клеветнические документы, которые через иностранных корреспондентов передавал враждебным радиостанциям, а также посольствам и правительствам западных стран (участниц Хельсинкского совещания – Хр.), за что получал вознаграждение в виде денежных переводов и посылок, вещи из которых сдавал на продажу в комиссионные магазины.

Орлову инкриминируются изготовление и распространение

– документов Московской группы "Хельсинки" №№ 3, 4, 6-9, 11-14 и дополнений к документам №№ 7, 11, 14, 17 (Хр. 41-44); документов Группы "Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека в СССР" (Хр. 41) и "Рождественские репрессии" (об обысках у 5 членов Украинской группы "Хельсинки" – Хр. 43);

– письма Брежневу (1973 г.);

– писем "О правах ученых", "К ученым мира", "Открытое письмо художникам";

– письма радиостанциям Би-Би-Си и "Голос Америки";

– "Московского обращения" (13 февраля 1974 г. – о Солженицыне – Хр. 32), обращения московских ученых о С. Ковалеве;

– заявления о голодовке А. Марченко (1975 г. – Хр. 35), заявления о П. Старчике (Хр. 42, 43) и заявления в защиту летчика Зосимова (Хр. 43);

– заявлений "10 декабря – международный день прав человека" и "30 октября – день политзаключенного" (1975 и 1976 гг.);

– статьи "Возможен ли социализм нетоталитарного типа?".

Орлову инкриминируется также хранение "Архипелага ГУЛаг".

В Обвинительном заключении говорится, что в этих документах содержатся "клеветнические измышления" о том, что в Советском Союзе отсутствуют демократические свободы, постоянно нарушаются международные соглашения о правах человека, имеют место "психиатрические репрессии", преследуют за политические и религиозные убеждения, желающих выехать из СССР подвергают притеснениям.

И обвинение, и суд тщательно избегали называть группу "Хельсинки"; иногда только говорилось: "Орлов с группой других лиц..."

На вопрос, понятен ли ему Обвинительное заключение, Орлов отвечает отрицательно. На вопрос, признает ли он себя виновным, Орлов выражает

желание, прежде чем ответить, дать разъяснение. Его желание удовлетворяется лишь после его заявления об отказе в противном случае от дальнейшего участия в процессе.

* * *

В своей "разъяснительной" речи Орлов сказал, что он является сторонником постепенных демократических изменений советского общества, он не призывает ни к какому подрыву, его отношение к существующему строю, как и к любому государственному строю, — критическое. Это известно из инкриминируемого ему письма Брежневу. В этом письме он не называет, как приписывает ему обвинение, наше общество рабовладельческим или феодальным, а лишь указывает на некоторые черты рабовладения (15-20 млн. человек в сталинских лагерях) и феодализма (прикрепление крестьян к колхозам). Не называет он также советский строй нацистским, а сравнивает только заключение инакомыслящих в психбольницы с практикой нацистских врачей. Орлов просит, чтобы суд огласил его письмо Брежневу.

Говоря об обвинениях, связанных с делом Плюща, Орлов вспоминает о своем визите (вместе с женой Плюща) к проф. Снежневскому (Хр. 36). Последний сказал им: "Неужели вы думаете, что в лагере Плющу было бы лучше, чем в больнице?" Именно поэтому Орлов просил вызвать Снежневского свидетелем. Орлов напоминает, что по делу Плюща, давно уже законченному, подвергались преследованиям Ковалев и Твердохлебов. Потом так же будут судить тех, кто будет утверждать, что процесс Орлова — политический, а не уголовный. "Это — порочный круг, круг лжи, из которого вы никогда не выйдете".

Разбирая эпизоды обвинения, связанные с документами о праве на эмиграцию (№№ 9, 11-14), Орлов настаивает на приобщении к делу документа № 5 (не инкриминируемого ему), содержащего много фактов преследования верующих. Что касается требований выезда по политическим и экономическим причинам, то Орлов заявляет, что он никому не "приписывал" такие намерения, как это утверждает обвинение, и говорит: "Ко мне приходили люди, которые прямо об этом заявляли. Что же мне говорить? Что они "по семейным обстоятельствам" хотят уехать?". Орлов просит огласить соответствующий документ Группы, основанный на достоверных свидетельствах реально существующих людей (среди них — В. Павлов, Л. Серый). Судья стандартно отвечает: "Суду известно содержание этого документа".

По эпизодам "клеветы" на условия содержания во Владимирской тюрьме и в лагерях Орлов говорит, что члены Группы "Хельсинки" выступали, прежде всего, против пыток холодом и голодом. Он приводит нормы питания, рассказывает о помещении в карцер больного туберкулезом Сергиенко, мать которого, О.Я. Мешко, он просит вызвать свидетелем, говорит о поведении лагерных врачей.

По поводу обвинений, связанных с обнаруженными у него при обыске вырезками из газет и записью одной передачи радиостанции "Свобода", Орлов объясняет, что просил знакомых корреспондентов присылать ему

вырезки и другие материалы по проблемам прав человека. "Я хочу знать, как трактуется вопрос о правах человека в других странах". Он возражает против объявления криминальными – с помощью слова "связь" – его знакомств с иностранными корреспондентами.

Орлов говорит об интервью норвежскому корреспонденту. Фактически интервью не было, т. к. норвежец этот не знал ни русского, ни английского. Между тем содержание его статей, появившихся в "Посеве" и где-то еще, инкриминируется Орлову. Орлов говорит, что если бы суд интересовался тем, что в действительности он говорил корреспондентам, то суд должен был бы вызвать свидетелем переводчицу Антонову, так как в "дело" вошел искаженный перевод статьи Дзопелли.

В конце своей разъяснительной речи Орлов сказал:

"В основу работы Хельсинкской группы легло доверие к людям, обращавшимся к нам за помощью, и я считаю, что этот принцип полностью себя оправдал..."

* * *

Следующая часть процесса – допрос подсудимого. Отвечая на вопросы, Орлов говорит, что документы Группы передавались посольствам 35 стран и корреспондентам – каким именно, он говорить не желает. Он заявляет, что несет полную ответственность за содержание документов Группы, но не станет отвечать на вопросы – кому, где, когда они передавались. Следует вопрос прокурора об *"изготовлении"* и *"распространении"* письма Брежневу. Орлов отвечает, что он *написал* письмо, *послал* его по почте адресату и в редакции "Правды" и "Известий". Он показал это письмо также директору ИЗМИРАНа В.В. Мигулину и начальнику отдела кадров Яншиной (чтобы они знали, за что они его увольняют).

Прокурор спрашивает о "клеветническом заявлении по делу Зосимова, который утнул из СССР военный самолет с секретными документами". Орлов отказывается отвечать на вопросы о Зосимове, так как дело это относится к проблеме беженцев, а не к проблеме воздушного пиратства. Он просит суд затребовать из МИДа справку о том, на каком самолете перелетел Зосимов границу – на гражданском или военном и имелись ли в самолете секретные документы. Просьба Орлова отклоняется.

* * *

Второй день суда целиком посвящен допросу 15 свидетелей, вызванных по предложению обвинения (свидетели, затребованные защитой, в суд не были вызваны).

Первый допрашиваемый свидетель В. Варна оказывается всего лишь о д н о ф а м и л ь ц е м Я. Варны, фигурирующего в дополнении к документу № 7 Хельсинкской группы в списке четырех рабочих Рижского порта, репрессированных за забастовку против ухудшения продовольственного снабжения. (См. также "Суд над Гинзбургом".)

Свидетель Яншина, начальник отдела кадров ИЗМИРАНа, дает показания об обстоятельствах, при которых Орлов дал ей для ознакомлений и передачи директору института Мигулину свое письмо Брежневу, а также высказывает несколько замечаний, претендующих на оценку научной

деятельности профессора Орлова. Заявленное тут же ходатайство адвоката – приобщить к делу отзыв о научной деятельности Ю.Ф. Орлова, подписанный Мигулиным, – отклоняется.

Свидетельницы В.П. Блохина и Л.А. Любарская (Хр. 38), врачи-психиатры, осуществлявшие надзор за Леонидом Плющом в Днепропетровской СПБ, дают показания об обстоятельствах и мотивах этого надзора, противоречащие одно другому и предыдущим заключениям о здоровье Плюща. Блохину, назвавшую болезнь Плюща "вялотекущей шизофренией в параноидальной форме", Орлов спрашивает, согласна ли она с мнением проф. Снежневского, что "вялотекущая шизофрения никогда не переходит в параноидальную форму". Ответа не было. После допроса этих двух свидетельниц Орлов с трудом добивается разрешения дать дополнительные показания и рассказывает о своей беседе со Снежневским, в ходе которой тот сказал, что "случай Плюща сложный и надо посоветоваться в Институте Сербского"... После этого разговора Плющу была проведена экспертиза, через месяц – еще одна. Диагнозы разошлись.

Врач-психиатр районного психоневрологического диспансера г. Москвы Н.М. Георгиевская, вызванная в связи с вопросом о правомерности принудительной госпитализации Петра Старчика осенью 1976 г. (Хр. 42, 43), заявила: "Старчик состоял в диспансере на учете, но я его никогда не видела. Однажды в диспансер позвонили из милиции и сказали, что у него на квартире собирается человек до пятидесяти, курят на лестничной площадке, мешают соседям, слушают песни антисоветского содержания, исполняемые Старчиком. После этого звонка главный врач диспансера решил это прекратить. Старчик был вызван в диспансер для беседы с главврачом". Отвечая на вопросы Орлова, Георгиевская сказала, что ни она, ни главврач И.А. Сапожникова никогда не слышали песен Старчика; она не знает ни о принудительной госпитализации Старчика, последовавшей за "беседой" с Сапожниковой, ни о том, что главный психиатр Москвы Котов, послушав песни Старчика, распорядился отпустить его.

Врач Владимирской тюрьмы Л. Сухачева заявила суду, что в тюрьме нет вредных работ, что все заключенные, в том числе А. Сергиенко (Хр. 40), Г. Суперфин, Я. Сусленский (Хр. 41), "практически здоровы", так что ничто не мешало водворению их в карцер; она не считает аморальным держать в тюрьме больных людей, поскольку у всех у них "есть статья"; выяснилось, что о существовании статьи 100 ИТК РСФСР, касающейся освобождения заключенных по болезни, Сухачевой не известно.

Врач из Мордовских лагерей И. Емельянова свидетельствует, что пища в лагере доброкачественная, тяжело больных заключенных в нем нет, больных никогда не направляют на работу. С. Караванский (страдающий церебральной недостаточностью), Ю.П. Федоров (хронический нефрит), В. Мороз, А. Мурженко, как и все прочие заключенные, "... практически здоровы. В случае необходимости мы оказываем немедленную медицинскую помощь. У нас в лагере есть не только советские, но даже импортные лекарства". Далее Емельянова признает фактическое совпадение

диагнозов из лагерных историй болезни и из соответствующего документа Хельсинкской группы; на вопрос Орлова, обращенный к судье, в чем же в таком случае состоит клеветнический характер документа, Лубенцова молчит.

Начальник лагерной больницы Пермского лагеря 35 Ю. Шелия (Хр. 44) сообщает суду, что "условия, в которых находятся больные заключенные, — не просто хорошие. Они — отличные! Я считаю, что лучше и быть не может..." Когда Орлов, прерываемый, как и при любом почти своем вопросе, спрашивает о случае с Пронюком, попавшим в больницу из ШИЗО, судья объявляет перерыв.

После пятиминутного перерыва, во время которого Орлов видел, как его следователь Трофимов выходил из комнаты, где находились свидетели — заключенные Анисимов (Хр. 44) и Довганич (Хр. 48), Орлов ходатайствует перед судом о выяснении причин этого грубого нарушения закона. Лубенцова отклоняет ходатайство: "Это не имеет отношения к делу; следователь имеет право находиться там, где ему нужно и когда ему нужно". Заключенный Владимирской тюрьмы Анисимов на суде показал, что "лично ему" никогда не давали тухлой пищи, что в тюрьме часты наказания за "межкамерные связи" (В.Г. Лубенцова уточняет: "Т. е. за нарушение режима!"), что некоторые заключенные (он назвал в этой связи Абанькина) только делают вид, что объявляют голодовку, но не держат ее... Орлов, посмотрев на страшно бледного, худого, изрытого морщинами и запуганного Анисимова, не стал задавать ему никаких вопросов.

* * *

После суда политзаключенный А. Здоровый (Хр. 44, 48) послал в Верховный суд РСФСР следующее заявление:

Из сообщений прессы мне стало известно о суде над членом-корреспондентом АН Арм.ССР доктором физико-математических наук Орловым Ю.Ф., борющимся за претворение в жизнь Хельсинкского соглашения и за выполнение советским правительством обязательств, взятых на себя в отношении прав человека, для граждан СССР, против нарушений этих прав в СССР.

В числе обвинений, выдвинутых против него советскими органами, ему инкриминируются как "клеветнические" и "ложные" утверждения о нарушениях элементарных прав человека в ИТУ МВД СССР: о пониженном и неполноценном питании заключенных, о тяжелом 8-часовом принудительном труде 6 дней в неделю, о неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях.

Для "доказательства ложности и клеветы" таких утверждений Орлова Ю.Ф. органы следствия используют показания недобросовестных свидетелей, специально подобранных и заранее подготовленных органами КГБ в МЛС из числа заключенных. Эти люди, как правило, являются завербованными осведомителями работников КГБ при ИТУ или оперативных работников ИТК и находятся в полной зависимости от них — им прямо говорят или намека-

ют: "Дашь нужные показания – заработаешь улучшение своего положения или участи". Из таких лжесвидетелей, допрашиваемых органами следствия и суда в качестве свидетелей обвинения по делу Орлова, я лично знаю нескольких человек. Один из них – Анисимов В.Н. (1937 г. р. ?), уголовник-рецидивист, судимый за бродяжничество, хулиганство, воровство, вооруженный грабеж, побег и, наконец, – за "политику" по ст. 70 УК РСФСР: спасаясь от угрозы быть зарезанным в бытовом лагере, срочно написал листовку и повесил ее на дверь лагерьной столовой. Благодарный оперработник КГБ, скусающий от недостатка работы в бытовой зоне, быстро организовал Анисимову срок и перевод-спасение во Владимирскую тюрьму. Здесь его осенью 1974 г. по инициативе старшего оперуполномоченного КГБ Обрубова Н.А. "очистили" от рецидива (найдя какую-то юридическую возможность), затем простили что-то по одной из бытовых статей, затем перевели из "полосатых" в "черные". Все это он должен был "отрабатывать", и Анисимова стали использовать в качестве "подсадной утки" в камерах, где сидели политзаключенные, особенно же там, где сидели вскоре освобождающиеся или те, к которым со стороны администрации и Обрубова было особое отношение. В частности, его долгое время содержали в камерах, где находились з/к Константиновский В., Макаренко М., Любарский К., Буковский В., Давыдов Г., Сафронов А., Суперфин Г., Гайдук, Абанькин, Сергиенко и др. Таким же образом и я вынужден был сидеть с ним в одной камере Владимирской тюрьмы в общей сложности восемь месяцев. Я имел возможность хорошо узнать этого субъекта, его "дела" и ту мерзкую роль, которую он согласился играть в отношении заключенных по настоянию и наущению Обрубова, а также инспектора капитана Дойникова А.А. и оперработников тюрьмы л-та Александрова и др. Я также имел возможность наблюдать и слышать, как этого субъекта готовили к роли лжесвидетеля по делу Орлова (и, возможно, намеревались использовать его показания по делам других граждан: Гинзбурга, Лукьяненко и др.). Возвращаясь после очередной беседы-инструктажа, на которые его вызывали почти ежедневно (бывало и по два-три раза в день), он, дабы объяснить сокамерникам свои подозрительные визиты, часто проговаривался, делился своими мыслями и прямо говорил, что его подготавливали к даче свидетельских показаний по делу Орлова Обрубов и какой-то, как он говорил, "следователь из управления". Анисимова дважды вызывали для допроса по делу Орлова: сначала местные кагебисты, затем приезжий следователь из Москвы (как утверждал сам Анисимов). Он же говорил, что Обрубов Н.А. и другие лица заверяли его, что если он даст надлежащие показания, то может рассчитывать на льготы в содержании, сокращение срока или, минимум, на освобождение из тюрьмы в другую зону по истечении полсрока.

Подготавливая Анисимова в качестве лжесвидетеля, Обрубов Н.А., Дойников А.А. и др. обеспечили ему в тюрьме постоянное

питание по норме 5-Б (предусмотрено для больных язвой желудка, туберкулезом и т. п.). Сам же Анисимов по медпоказаниям не имел основания для получения нормы питания 5-Б...

По возвращении во Владимирскую тюрьму Анисимов подвергся бойкату со стороны политзаключенных.

В сентябре он сидел в одной камере с Шаранским.

* * *

Допрашивается заключенный 36 Пермского лагеря Довганич (ст. 70 он заработал в лагере, где сидел за "нарушение правил о валютных операциях"; до этого он был судим за спекуляцию; с легкой руки В. Буковского его прозвали "Завбаничем": во всех зонах в промежутках между пребыванием в больнице, где он ухитрился быть месяцами, он "работал" зав. баней или парикмахером). Свидетель сообщил суду об очень хороших, как он полагает, условиях содержания заключенных в лагере: ежедневная смена белья, ларек с вафлями, повидлом и карамелью, миллиард, занятия спортом. Довганич неодобрительно отозвался о "зачинщиках из молодых" (Глузман, Альтман, братья Залмансон), плохо относящихся к "пожилым заключенным" на том лишь основании, что те в войну расстреливали евреев, а сейчас помогают лагерному начальству.

В качестве свидетелей по документу Хельсинкской группы №9 (Хр. 43, 48, 49) из села Ильинка вызваны старший птичник колхоза "Россия" Ейн Яковлевич Кожокин и председатель колхоза В.Д. Тарасов. Оба рассказывают суду о материальном и культурном изобилии в Ильинке (телевизоры, мотоциклы, продукты, клуб). Кожокин говорит, что не знает, многие ли его односельчане собрались уезжать (полученный им самим вызов из Израиля он сдал Тарасову, а тот, в свою очередь, — в райком), а Тарасов, хоть и не помнит статистических данных, свидетельствует, что эмиграция осуществляется беспрепятственно. Имея в виду слова из документа № 9 "... Ильинка буквально изолирована властями от внешнего мира" (речь шла о перехватах властями вызовов из Израиля), судья задает Кожокину вопрос об "изоляции села". Свидетель, "опровергая клевету", говорит, что в село ходит автобус, доставляются газеты и журналы.

Последние три свидетеля призваны охарактеризовать научную деятельность Ю.Ф. Орлова (способный человек, но карьерист и честолюбец) и его "общественное лицо" (не патриот, каким должен быть — по определению — советский ученый, а, напротив, клеветник).

Старший научный сотрудник ИТЭФ А.В. Лебедев читал письмо Орлова о положении советских ученых и считает его клеветническим: все права советского ученого, — удостоверяет Лебедев, — охраняются советским законом, любой советский физик может свободно публиковаться, выезжать на конгрессы и семинары за границу, свободно общаться с зарубежными коллегами вне зависимости от своих взглядов и убеждений — никакие случаи дискриминации Лебедеву не известны. После увольнения Орлова в 1956 году его только исключили из партии, но позволили защи-

тить кандидатскую и докторскую диссертации и допустили его избрание в члены-корреспонденты Армянской Академии наук, следовательно, он – клеветник.

Орлов задает несколько вопросов: знает ли свидетель, что произошло в 1956 г. с его докладами, посланными на международную конференцию, сколько времени он был без работы после 1956 года и после 1973 года, чья фамилия была вычеркнута из списка авторов проекта ускорителя, почему его фамилия вычеркнута из списка кандидатов на Государственную премию за 1974 год, как был уволен из ИТЭФ проф. А.С. Кронрод (Хр. 1)? Свидетель на все вопросы отвечает: "Не знаю". На вопрос, как он мог бы узнать, что какой-то ученый уволен по политическим мотивам – не из газет ли, Лебедев долго молчит (из зала реплика: "Дурак какой-то!"), после чего Лубенцова объявляет свидетелю, что он свободен.

Сосед Орлова по дому, секретарь партбюро одного из институтов АН СССР, кандидат экономических наук Б. Синицын часто видел у дома, как он выразился, дипломатические машины и считает это выражением стремления Орлова к известности на Западе. Он помнит, что Орлова не устраивают однопартийная система в СССР и препятствия к свободной эмиграции, но нюансов разговоров с Орловым не помнит, вопросов его не понимает и по окончании допроса с видимым облегчением пытается покинуть помещение суда, на что Лубенцова вынуждена ему сказать, что до перерыва его все равно не выпустят.

Секретарь партбюро Ереванского физического института доктор физико-математических наук Акоп Алексанян считает Орлова физиком высокого класса, но он ставил ультиматум институту: если его не сделают академиком, то он уйдет; так и говорил: "Уйду, уйду!". Реплику Орлова "Акоп! Ведь это же брехня!" судья пресекает и, выслушав соображения свидетеля о необходимости гармонического единства творческих и моральных качеств советского ученого, отпускает его.

* * *

Третий день суда начинается с удостоверения наличия в деле ряда документов, называемых прокурором. Закон предусматривает процедуру о г л а ш е н и я (ст. 292 УПК РСФСР), которую и пытается осуществить Орлов, когда наступает его очередь. Он называет полностью документ и пытается изложить его содержание. Судья каждый раз обрывает его: "Называйте только номер тома и страницу. Суду известно содержание документов! У суда была целая неделя для ознакомления с документами!". Среди документов, названных Орловым, были: справка о штрафовании верующих, справка о жалобе заключенных на недоброкачественную пищу, протоколы осмотра личных дел Караванского (факт наказания во время болезни) и Ковалева (факт наказания после операции), информация о посещении Снежневского и медуправления МВД в "Хронике текущих событий" № 36 (Судья: "Это не относится к делу"). Орлов: "Я могу ссылаться на публикацию как на доказательства факта".), медицинское заключение о Плюще от 29.3.75, сообщение ТАСС, в котором Орлов объявлен агентом НТС (Хр. 44).

Далее Орлов передает суду ходатайства: 1) о возвращении И.А. Валитовой некоторых изъятых документов и вещей; 2) о вызове четырех дополнительных свидетелей (А.И. Гинзбурга, И.А. Валитовой, научного сотрудника ИЗМИРАНа Стаханова и председателя месткома этого института Курдюмова); 3) об отказе от адвоката (при этом Орлов благодарит Е.С. Шальмана за юридическую и моральную помощь). Первые два ходатайства отклоняются без мотивировки, третье, после долгих препирательств, удовлетворяется.

* * *

Во время перерыва Шальмана, оставшегося в зале, силой выводят оттуда и запирают в какой-то комнате. Там, однако, оказался телефон, и после переговоров с президиумом Коллегии адвокатов дверь открыли, и Шальман прошел в зал суда.

* * *

Начинаются прения сторон. Прокурор Емельянов произносит обвинительную речь: "Товарищи! 60 лет назад... под руководством коммунистической партии рабочие и крестьяне нашей страны захватили власть в свои руки – началось строительство нового, коммунистического общества... В настоящее время советские люди приступили к строительству коммунизма – светлой мечте человечества... Чтобы опорочить наш строй, империалистами изобретаются домыслы о различных "вариантах социализма", например, о "демократическом социализме". На самом деле существует только один социализм – р е а л ь н ы й социализм, построенный в нашей стране. Это единственный в мире подлинно демократический строй... Чтобы очернить советский строй, империалисты делают ставку на политически незрелых людей внутри нашей страны, различных неудачников, не брезгают даже душевнобольными... В 1956 году под предлогом критики культа личности Орлов хотел извратить политику нашей партии и оказался вне партии. Постепенно Орлов попадает под влияние антисоветских организаций и пропагандистских центров.

В конце 1973 года Орлов увольняется с работы и с тех пор полностью посвящает себя антисоветской деятельности... Орлов пишет письмо Брежневу, в котором сравнивает наше общество с рабовладельческим и феодальным строем, отождествляет социализм с фашистским рейхом. В этом письме Орлов клеветает на советскую науку... СССР проложил дорогу в космос... У нас печатают английских книг вдвое или втрое больше, чем в Англии советских... В письме Орлова содержатся нападки на нашу идеологию... Естественно, что это письмо активно использовалось антикоммунистической пропагандой в подрывных целях...

Орлов спекулирует на интересе западной общественности к Хельсинкским соглашениям. Маскируя свои подрывные цели, он фабрикует документы о якобы имеющих место фактах нарушения этих соглашений в СССР и рассылает их в посольства капиталистических стран, в редакции зарубежных газет и радиостанций... Орлов пытался опорочить внутреннюю и внешнюю политику СССР, призывал к подрыву существующего в нашей стране строя и борьбе с ним...

Орлов был пешкой, хотя, надо заметить, сознательной пешкой. Хочу обратить внимание суда, что Орлов является опасным государственным преступником. Винодность Орлова в проведении антисоветской агитации и пропаганды в целях подрыва и ослабления советской власти, в фабрикации и распространении клеветнических измышлений и документов, порочащих советский общественный и государственный строй, полностью доказана”.

Прокурор призвал суд приговорить Орлова к 7 годам лишения свободы в ИТК строгого режима и к 5 годам ссылки.

* * *

В своей защитительной речи Орлов сказал, что обвинительная речь на 3/4 была политической. А пока существуют политические обвинительные речи, будут существовать и политические заключенные. Обвинение основано на идеологии; поэтому и он, Орлов, вправе говорить об идеологии. И судят его не за уголовные преступления, как утверждает прокурор, а за идеологические (или политические). Кроме того, Орлов считает речь прокурора оскорбительной для него лично.

Судья Лубенцова прерывает Орлова, заявив, что он напрасно отказался от адвоката, поскольку ему, видимо, не известно, как ”положено” произносить защитительные речи.

Орлов просит не прерывать его. Далее он характеризует речь прокурора как образец идеологической нетерпимости, во всех случаях вредной, а в масштабах общества в целом – опасной. Он пытается вновь изложить свои взгляды, охарактеризовать деятельность руководимой им Московской группы ”Хельсинки”, отметить общий клеветнический по отношению к нему характер обвинительной речи и отметить искажения в ней конкретных фактов по отдельным пунктам обвинения, но его ежеминутно прерывают судья, указывающая ему, о чем следует, а о чем не следует говорить в защитительной речи, прокурор, ”обращающий внимание” суда на то, что обвиняемый и в зале суда продолжает заниматься ”агитацией”, ”клеветой” и ”демагогией”, и враждебные, оскорбительные выкрики ”публики”.

Орлов говорит: ”Мы убедились, что обращения к нашему правительству через правительства других стран оказываются более эффективными, нежели непосредственные. Поэтому мы хотели, чтобы документы Московской Хельсинкской группы обсуждались на Белградской конференции... (Лубенцова очередной раз прерывает его.) В любой стране существуют собственные законы... Естественно, что эти законы могут вступить в противоречие с гуманностью и с международными соглашениями и договорами. И естественно также, что в каждой стране появляются люди и группы людей, стремящиеся к тому, чтобы внутренние законы их стран опирались на международные акты и соглашения и применялись наиболее гуманным образом...”

Судья: ”Подсудимый Орлов, вы не понимаете, как положено себя защищать. Я объявляю вашу защитительную речь оконченной. Переходите к последнему слову”.

На подготовку к последнему слову Орлову дали пять минут. "Вы можете приговорить меня к семи годам тюрьмы, – сказал Ю.Ф. Орлов, – можете меня расстрелять, но я убежден, что подобные суды не помогают устранить те беды и недостатки, о которых свидетельствуют документы Хельсинкской группы и о которых я пытался здесь говорить..."

В этот момент члены суда покидают зал заседаний, а конвой уводит подсудимого, так и не дав ему окончить последнее слово. Заключительное заседание назначается на 10 часов утра следующего дня.

В 13 часов 30 минут 18 мая судья Лубенцова зачитывает приговор, описательная часть которого по существу повторяет Обвинительное заключение. Юрий Федорович Орлов приговаривается к семи годам лагеря строгого режима и пяти годам ссылки.

* * *

Как обычно в таких случаях, здание суда было оцеплено милицией и сотрудниками ГБ в штатском. От предыдущих случаев (например, суд над Твердохлебовым) действия милиции и ГБ отличались разве лишь большей, прямо-таки демонстративной грубостью, наглостью, беззастенчивостью. Уже перед началом заседания 15 мая нескольких человек, с раннего утра находившихся в здании суда (в частности, Сергея Ермолаева – Хр. 48, 49), буквально выкинули из входных дверей на улицу. Оцепление было по меньшей мере в три ряда: у самых дверей (чтобы никто не проник в здание), у палисадника, метрах в 20-30 от дверей (каждого, кто проходил через этот заслон от здания, назад уже не пропускали, так что толпа "болельщиков" у дверей заметно поредела еще к полудню) и на "дальних подступах" к зданию суда (там осуществлялось "первичное", грубое "просеивание": "кирпич" не пропускал ближе к зданию суда машины корреспондентов, кто-то тут же брался под наблюдение агентами ГБ и т. п.).

Часа через два после начала суда, когда И. Валитова (в первый и последний раз) смогла выйти в перерыв и стала рассказывать о своих впечатлениях западным корреспондентам, группу ее слушателей буквально растаскивали в стороны, вырывая из рук репортеров фотоаппараты и магнитофоны. Вышедшего через "второй кордон" с группой друзей Юрия Гольфанда схватили и затолкали в черную машину, стоящую наготове у третьего заграждения; его отвезли в 103 отделение милиции, обыскали и, не найдя ни записей, ни магнитофонных кассет, разочарованно отпустили. Обстановка накалялась еще и тем, что с утра, как стало известно, начались обыски по делу арестованного накануне Александра Будрабинка у задержанной дома Татьяны Великановой, срочно посланного в командировку Вячеслава Бахмина и успевших доехать до суда Татьяны Осиповой и Леонарда Терновского.

Вечером того же дня схватили и затолкали в машину Мальву Ланду, успевшую доехать до метро "Таганская". В 70 отделении милиции ее в течение трех часов допрашивали: "Что вы делали у суда?", "Зачем приехали в Москву, где не имеете права жить?" и т. п., сопровождая допрос оскорблениями и угрозами 15 суток – "за неповиновение", а то и 30 –

”для выяснения личности”. Второй раз Ланду задержали 19 мая на улице Волгина, когда она вышла из дома Гинзбурга, и отвезли в то же отделение милиции; там ей заявили, что она и вообще-то не имеет права находиться в Москве, а для ”занятий антисоветской деятельностью” – тем более. После очередного тура оскорблений и угроз ”начальник угрозыска” провел ”изъятие” бумаг (относящихся к суду Орлова). Копию описи изъятых вручить Ланде отказались: ”У нас все на честность!”

17 мая, после того как он побывал у здания суда, был арестован Иосиф Бегун (см. ”Суд над Иосифом Бегуном”).

Кроме милиции и охраны в штатском все 4 дня возле суда собиралась довольно большая толпа, олицетворявшая ”гнев народа”. Хулиганские выкрики и порой более активное провокационное поведение этой толпы (ее состав заметно отличался от немногочисленных действительно случайных прохожих, привлеченных любопытством) явно играли двойную роль: спровоцировать инциденты и оправдать присутствие многочисленной милиции для охраны от разгневанных ”работяг”.

В один из дней суда группа людей окружила приехавшего на суд баптиста В. Хайло. Он охотно вступил в дискуссию и продолжал терпеливо что-то объяснять, когда его ”оппоненты” стали осыпать его матом и издевательскими шутками. Наконец, когда кто-то просто плюнул ему в лицо (Хайло и тут пытался лишь усюветить хулигана), вмешалась милиция. В. Хайло увели в отделение, где его обвинили в том, что он оскорблял граждан и в кого-то плюнул, – нашелся и ”свидетель”.

Утром 18 мая А.Д. Сахаров и Е.Г. Боннэр, подойдя к оцеплению, стали настаивать на том, что уж на чтение приговора по закону должны пустить всех. Несколько человек громко их поддержали. Когда А.Д. Сахаров и Е.Г. Боннэр просто пошли на оцепление, кто-то из милиционеров сильно ударил Е.Г. Боннэр. В ответ она дала этому милиционеру пощечину. Ее схватили и, заломив ей руки, поволокли в милицейскую машину. Какой-то милиционер оттолкнул бросившегося ей на помощь Сахарова – Андрей Дмитриевич замахнулся, его тоже затолкали в машину.

Тут же схватили Дмитрия Леонтьева, Елену Арманд, Виталия Коротича (Коротича при этом избивали) и Нокина. Всех увезли в 103 отделение милиции. Оттуда их отвезли в суд, где Е. Арманд приговорили к штрафу 20 руб., Коротича, Леонтьева и Нокина – к 15 суткам ареста.

С А.Д. Сахаровым и Е.Г. Боннэр в 103 отделении беседовал районный прокурор Ушков. Сахаров заявил ему, что никто из задержанных не сделал ничего противозаконного; незаконными были лишь действия судьи Лубенцовой, не допустившей публику на чтение приговора, и милиционеров, распустивших языки и руки. Их отпустили в 14 час. 30 мин. по звонку какого-то генерала начальнику отделения милиции.

В протоколе задержания Д. Леонтьева было записано, что он ”способствовал освобождению гр. Боннэр”. Когда Леонтьева привели к судье, он (Леонтьев) заявил, что свидетели, записанные в протоколе, ему не известны, и потребовал вызвать свидетелем А.Д. Сахарова. Судья ответил, что таких, как Сахаров, надо расстреливать. Узнав, что Леонтьев – по профессии музыкант, судья сказал: ”Так я и знал – дармоед, бездельник”. Вы-

писав Леонтьеву "15 суток", судья крикнул ему вдогонку: "Надо было завести уголовное дело, таким и 15 лет мало!" Д. Леонтьева в течение нескольких дней возили по разным отделениям, т. к. нигде его не хотели принимать: "Нам больные не нужны" (Леонтьев страдает бронхиальной астмой, постоянно пользуется ингаляционным аппаратом). 23 мая Леонтьева выпустили, приказав ему явиться 30-го со справкой от врача дослуживать 10 суток. В этот день его "приняли", хотя справку он не принес.

2 июня Сахаров и Боннэр были вызваны в 103 отделение, откуда их препроводили в районный суд (то же здание на Егорьевской), где приговорили к штрафу за "неповиновение законным распоряжениям" работников милиции: Сахарова оштрафовали на 50 руб., Боннэр – на 40 руб. Согласно милиционерскому протоколу, они мешали проходу в здание суда и не подчинились требованию освободить проход.

* * *

22 мая Ирина Валитова и сыновья Юрия Федоровича Александр и Дмитрий обратились к судье Лубенцовой с заявлением о предоставлении им полагающегося по закону свидания. Лубенцова велела им прийти на следующий день. 23 мая в канцелярии суда им сказали, что Лубенцова в отпуске. В последующие дни один из заместителей председателя Мосгорсуда, к которому обращались по этому поводу родные Ю.Ф. Орлова, адресовал их к другому заместителю и т. д., пока, наконец, сам председатель Мосгорсуда Л.Е. Алмазов не сказал им, что этот "вопрос" (о предоставлении полагающегося согласно ст. 360 УПК РСФСР свидания)... выходит за пределы его компетенции. В конце концов родным Орлова дали понять, что следует дожидаться кассационного разбирательства дела.

18 июля 1978 г. Верховный суд РСФСР рассмотрел кассационную жалобу Ю.Ф. Орлова.

Кассационную жалобу полностью не зачитывали. Судья-докладчик лишь кратко пересказал ее: в кассационной жалобе Орлов пишет, что суд односторонне и необъективно рассмотрел дело; что свидетели, которых он просил вызвать, вызваны не были; что его ходатайства не были удовлетворены; что содержание инкриминируемых ему документов не оглашалось и не анализировалось; что протокол судебного заседания не соответствует ходу судебного разбирательства.

Прокурор Воробьев заявил, что количество документов, которые изготовил и распространил Орлов, и нелегальный способ изготовления и распространения говорят о наличии цели подрыва существующего строя. Он сказал, что жалобы Орлова на необъективность суда неосновательны. "Прерывали Орлова на суде справедливо – за неправильные высказывания, так как Орлов и в зале суда продолжал заниматься антисоветской агитацией и пропагандой". Он заявил, что и после суда Орлов продолжает заниматься антисоветской клеветой, называя фальшивкой протокол судебного заседания.

Верховный суд оставил приговор Московского гор. суда без изменения.

Только 21 июля Валитова и сыновья Орлова получили по сорокаминутному свиданию.

4 августа Орлов прибыл в 35 Пермский лагерь. По прибытии он заявил лагерному начальству, что продолжает считать себя членом Московской группы "Хельсинки" и находится в лагере не только как политзаключенный, но и как наблюдатель от Группы.

21 августа Валитова получила трехсуточное свидание с мужем. На свидании Орлов рассказал жене, что сразу же после ареста следователи стали угрожать ему обвинением по ст. 64 УК РСФСР ("Измена Родине"), так как он якобы "получал инструкции от американского конгресса". Постоянно фигурировали и угрозы применить ст. 88 УК РСФСР, для чего в качестве "валютной операции" собирались рассматривать сдачу в комиссионный магазин нескольких предметов из посылок (для этой же цели, видимо, и были забраны на обыске уже после ареста Орлова несколько мотков импортной шерстяной пряжи – Хр. 45). На протяжении 16 месяцев следствие неоднократно меняло формулировку обвинения, всякий раз подгоняя показания свидетелей к очередной версии.

Касаясь утверждения прокурора кассационного суда о том, что Орлов продолжает клеветать на советскую власть и после суда, называя протокол судебного заседания фальшивкой, Орлов, помимо многочисленных искажений его вопросов свидетелям, их ответов и его защитительной речи, а также полного умолчания о грубых репликах судьи и прокурора и выкриках "общественности", мешавших ему вести и без того трудную защиту, специально упомянул о преднамеренном искажении в протоколе позиции его защитника Е.С. Шальмана, которому он искренне признателен за ходатайство о полной невиновности подзащитного, сделанное в конце следствия (Хр. 49), и квалифицированную помощь в ходе судебного разбирательства; между тем, в протоколе он изображен чуть ли не помощником прокурора (эта "версия" позиции адвоката заботами "информационных источников" проникла даже в передачи западного радио).

Рассказал Орлов и о конфискации рукописей выполненных во время следствия трех его научных работ по теоретической физике и математической логике; о поразивших его условиях этапа (грубость и издевательство конвоя и надзирателей, грязь в переполненных "столыпинских" вагонах и камерах пересыльных тюрем, где он был вместе с уголовниками, ночной пеший шестикилометровый переход под конвоем с собаками, когда ему, заболевшему на этапе, пришлось тащить мешок со своими вещами за оборванные лямки).

Орлов просил передать прессе и общественности, что он, в качестве представителя Хельсинкской группы в лагере, намерен, в частности, снова поставить вопрос о скверном питании в местах заключения, а также специально обратиться в прокуратуру с жалобой на противозаконную практику тюремной и лагерной администрации, наказывающей заключенных за их жалобы.

СУД НАД ГАМСАХУРДИА И КОСТАВОЙ

С 15 по 19 мая Тбилисский городской суд рассматривал дело Звиада Гамсахурдиа и Мераба Коставы, обвинявшихся в "антисоветской агитации и пропаганде" (ст. 71 УК ГССР). Председательствовал в суде заместитель председателя Тбилисского горсуда А.В. Кобахидзе, в качестве государственного обвинителя на суде выступал помощник прокурора ГССР Г.А. Угулава, защитниками подсудимых были адвокаты М.В. Алхазидзе и О.Ш. Николаишвили.

* * *

Звиад Гамсахурдиа (1939 г. р.) – руководитель Грузинской группы "Хельсинки", член Инициативной группы защиты прав человека в Грузии, член советской группы "Международной Амнистии". О его деятельности см. Хр. 34, 36-38, 42-44. З. Гамсахурдиа – кандидат филологических наук, преподавал в университете, перед арестом работал ст. научным сотрудником в Институте литературы им. Шота Руставели АН ГССР, был членом Союза писателей Грузии. Его отец – крупный грузинский писатель Константинэ Гамсахурдиа.

Мераб Костава (1939 г. р.) – член Инициативной группы. По специальности – музыковед, перед арестом работал преподавателем в музыкальном училище.

Арестовали обоих 7 апреля 1977 г. (Хр. 45; см. также Хр. 46).

* * *

Судебные заседания происходили в помещении Верховного суда ГССР. В зале – 126 мест; во время процесса в нем стояли телевизионные камеры. На заседание пропускали по пригласительным билетам, но билеты эти были не именные и, например, преподавателям университета получить их было не очень трудно. Из родственников в зале присутствовали жена З. Гамсахурдиа Манана, мать Мераба Коставы и его восемнадцатилетний сын Ираклий. В последний день пустили бывшую жену Мераба Русудан Беридзе. Около здания, где происходил суд, собиралось человек по 50-100.

* * *

Подсудимые обвинялись в изготовлении, хранении и распространении антисоветской литературы.

Большая часть Обвинительного заключения относилась к Звиладу Гамсахурдиа. Ему инкриминировались распространение и, в некоторых случаях, размножение "литературы": "Архипелага ГУЛаг", сборника "Мир и насилие", книги Сахарова "О стране и мире", сборника статей П.Г. Григоренко "Мысли сумасшедшего", статьи Ю. Орлова "Возможен ли социализм нетоталитарного типа?", выпусков 32-34 "Хроники текущих событий", нескольких номеров издающейся в Париже газеты "Русская мысль" и др.

Мерабу Коставе инкриминировались статья о книге Сахарова "О стране и мире" (Хр. 45), письмо в защиту Старчика, статья "Месхи-турки или месхи-грузины" (Хр. 41), перевод на грузинский работы Шафаревича "Социализм", книги Сахарова "О стране и мире" и вышеупомянутой статьи Орлова.

Кроме того, обоим подсудимым инкриминировалось издание нескольких "клеветнических" журналов, особенно журнала "Сакартвелос моамбе" ("Вестник Грузии"; Хр. 45).

Согласно сообщению АПН,

подсудимые... на протяжении нескольких лет систематически готовили, размножали и распространяли антисоветские листовки. Стремясь придать своей антисоветской деятельности систематический характер, Гамсахурдиа и Костава в 1976 году организовали нелегальный выпуск так называемых "журналов". В них помещались материалы, содержащие клевету на внутреннюю и внешнюю политику советского государства, возвеличивались лица, которые в годы второй мировой войны вели вооруженную борьбу против СССР на стороне фашистской Германии, пропагандировались изготовленные подсудимыми и другими авторами антисоветские материалы вплоть до листовок заграничной эмигрантской организации НТС (Народно-трудовой союз) с призывами к борьбе с советской властью.

* * *

Отвечая на вопросы судьи, Гамсахурдиа сказал, что он признает себя виновным и раскаивается; Костава на оба вопроса ответил отрицательно.

* * *

Давая объяснения по предъявленному обвинению, Гамсахурдиа выступил с двухчасовой речью (по отзывам присутствовавших, говорил он с обычным своим красноречием). Он сказал, что сначала не признавал себя виновным, но, подумав, понял, что действительно нарушал советские законы. Он признает себя виновным в распространении антисоветской литературы, хотя не все, что они распространяли, было таковым. Его взгляды по многим вопросам изменились, но в вопросах религии, образования и языка он считает себя по-прежнему правым – его национально-патриотические взгляды не изменились.

Судья. Об этом с вами никто не спорит.

Гамсахурдиа. Верно, и я благодарен за это.

Гамсахурдиа сказал, что все факты, перечисленные в Обвинительном заключении, верны. Раньше он полагал, что все наши недостатки вызваны особенностями нашего строя, – теперь понимает, что это неверно. Он ориентировался только на международные пакты, а на советские законы не обращал внимания – и вот он их нарушил. Гамсахурдиа познакомился с людьми, имеющими "самиздат". Такова человеческая психология – что запрещено, то и привлекает. Много литературы изготавливается за границей. Там пишут, что мы живем плохо. Это неправда: у грузинского крестьянина, как правило, есть собственная машина.

Гамсахурдиа выразил сожаление, что распространял "Архипелаг ГУЛаг": эта книга написана с большой злобой; ее автор все видит в черном свете; он забывает, что 37-й год признан ошибкой; 37-й год был виной отдельных личностей, а не системы.

Гамсахурдиа сказал, что у него ко всему было негативное отношение, а человек должен прежде всего видеть хорошее. Он хочет, чтобы общество и суд убедились, что он – не враг. Он понял, что должен уважать закон или же уехать за границу. Его называют диссидентом, но это неверно. Он не хочет жить за границей и никогда не был сторонником капитализма.

Гамсахурдиа заявил, что он дважды встречался с Белоусовичем (первый секретарь посольства США – Хр.) и получал от него литературу, но это не значит, что он выполнял чье-то задание. (Согласно тому же сообщению АПН, Гамсахурдиа “отметил пагубное влияние, которое оказали на него американцы Белоусович, Шиплер, Френдли”).

Гамсахурдиа сказал, что на Западе всячески стараются доказать, будто там лучше, но это не так. Отрицательные явления есть всюду. На Западе анархия, убивают президентов, убили Моро. Он пришел к выводу, что так поступать, как поступал он, нельзя. Путь, который он выбрал, не совместим с патриотизмом. “Патриот должен идти официальным путем. У нас есть такие пути. Я говорю все это не потому, что испугался тюрьмы, – я осознал свою вину”.

Судья. Чем вызвано ваше покаяние? Не оказывалось ли на вас во время предварительного следствия какое-нибудь воздействие?

Гамсахурдиа. Воздействия не было. Я подумал, проанализировал свою позицию и понял, что она была ложной.

Судья. Какие передачи зарубежного радио вы слушали?

Гамсахурдиа. “Голос Америки”, “Немецкую волну”, “Свободу”. “Свободу” глушат и правильно делают – ее передачи сильно искажают нашу действительность.

Судья. Что вы знаете об этих станциях?

Гамсахурдиа. Что их финансируют западные разведки. Например, “Свободу” финансирует ЦРУ.

Судья. Использовали ли они в своих передачах ваше имя?

Гамсахурдиа. Да.

Судья. А с чем же вы тогда были не согласны в статьях советской прессы?

Гамсахурдиа. С тем, что я работал по заданию западных разведок.

Судья. Какую литературу распространял Костава?

Гамсахурдиа. Работу Шафаревича “Социализм”.

Адвокат. Передавали ли вы сами свои статьи на Запад?

Гамсахурдиа. Нет.

Адвокат. До конца ли вы поняли вредный характер распространяемой вами литературы, особенно – книги Солженицына?

Гамсахурдиа. Раньше я этого не понимал, теперь понял. В решении собрания Института литературы, в котором я работал, говорится, будто я сказал, что не прекращу издание журнала. Это неверно. Я сказал, что его издание зависит не только от меня. Я теперь выбрал свой путь. Я не жду от суда никаких поблажек. В начале предварительного следствия я не давал показаний, но потом мне предъявили много документов, и я стал давать показания. Мераба беспокоит, что подумают, будто он дал пока-

зания. Мераб только подтвердил факты и сделал это по моей просьбе. Я все беру на себя. Мераб не был соредактором журнала "Сакартвелос моамбе".

Судья. Какие права человека вы защищали?

Гамсахурдиа. Я ошибался.

Прокурор. Вы раскаиваетесь?

Гамсахурдиа. Да.

Прокурор. Когда вы осознали свои ошибки?

Гамсахурдиа. Через несколько месяцев после ареста.

Адвокат. Ваше покаяние – чистосердечное или оно может впоследствии измениться?

Гамсахурдиа. Я не прошу, чтобы вы поверили моему слову. Не стоит доказывать, что ничего не изменится.

Во время речи Гамсахурдиа пораженная Манана воскликнула: "Звиад! Опомнись! Ты понимаешь, что ты делаешь?", на что он, обернувшись к ней, ответил: "Это ты не понимаешь, о чем говоришь!"

* * *

Костава начал свое выступление с заявления: "Ничего из того, что мы делали, мы не скрывали; под каждой статьей мы подписывались. Поэтому наша деятельность не была нелегальной". Он сказал, что до марта 1978 г. он, считая свой арест несправедливым, вообще не давал показаний. Потом по просьбе Гамсахурдиа он подтвердил эпизоды, в которых участвовал. Возражая Гамсахурдиа, Костава сказал, что свои статьи он писал по собственной инициативе, а не по его заданиям, и был равноправным соредактором журнала "Сакартвелос моамбе". Он заметил также, что ни на предварительном, ни на судебном следствии он не сказал ничего такого, чего должен был бы стыдиться. Костава сказал, что у него нет никаких претензий к следователям. Книгу Сахарова он перевел, потому что хотел иметь ее на грузинском языке. "Кое в чем я с Сахаровым не согласен, – сказал он, – но отношусь к нему с огромным уважением".

Судья. Считаете ли вы книгу Сахарова антисоветской?

Костава. Я воздержусь от ответа на этот вопрос.

Судья. Является ли ваша статья о месхах антисоветской?

Костава. Я ее такой не считаю.

Судья. Вы говорили, что тюрьмы и психбольницы полны борцами за справедливость.

Костава. Раньше было именно так, теперь положение немного улучшилось. Например, когда я был в психбольнице (в Тбилиси, на психиатрической экспертизе – Хр.), из политических я там был один.

Судья. В своем журнале вы напечатали листовку НТС. В этом вы тоже не раскаиваетесь?

Костава. Эта листовка была раскритикована, не будучи опубликованной. Я считаю правильным сначала напечатать, а потом критиковать.

Судья. А статья о генерале Маглакелидзе? (Во время войны Маглакелидзе перебежал к немцам и организовал "грузинский легион", был

выкраден агентами Берии; его не судили; последние годы жил в Грузии, работал адвокатом – Хр.)

Костава. Возможно, публикация этой статьи была преждевременной, хотя будущими историками судьба Маглакелидзе будет, вероятно, восприниматься так, как нынешними – судьба Георгия Саакадзе (возмущение в зале); кроме того, уважение к сильному и умному врагу с древних времен характеризует человека – вспомните, например, Эсхила и Гомера. Что касается моей статьи о сельском хозяйстве, то я по-прежнему считаю, что крестьянам должна быть предоставлена возможность личной инициативы. Этот вопрос еще ждет решения. Не решен также вопрос о месхах.

* * *

На суде допросили 21 свидетеля. Среди них был доставленный в суд под стражей Виктор Рцхиладзе (Хр. 44, 45, 48). Были допрошены также люди, участвовавшие в массовом ксерокопировании "Архипелага ГУЛаг" (Хр. 38).

Во время суда Гамсахурдиа всячески старался выгородить Коставу, вмешивался при его допросе.

Суд вынес обоим одинаковый приговор: по 3 года лагерей и 2 года ссылки.

* * *

21 мая "Правда" опубликовала сообщение ТАСС под заголовком "Преступники наказаны" – о суде над Юрием Орловым и о суде над Гамсахурдиа и Коставой. 24 мая "Литературная газета" напечатала большую статью Гурама Глдanelи "Тень в пустыне" – о Звиаде Гамсахурдиа.

* * *

24 мая в помещении Тбилисского УКГБ был зарегистрирован повторный брак между Мерабом Коставой и его бывшей женой Р. Беридзе. Русудан Ивановна Беридзе – доцент механико-математического факультета Тбилисского университета. Их сын Ираклий Костава окончил 2-й курс этого факультета.

* * *

После суда по Центральному телевидению было показано "покаянное" выступление Звиада Гамсахурдиа (ср. "Обсуждение проекта Конституции в Грузии" в Хр. 49). Американские корреспонденты Пайпер и Уитни написали в своих статьях, что, по мнению людей, близких к З. Гамсахурдиа, его выступление сфальсифицировано. 28 июня Гостелерадио СССР возбудило против них в Московском городском суде иск по ст. 7 ГК РСФСР "Защита чести и достоинства" ("Правда" от 29 июня).

2 июля член Христианского комитета защиты прав верующих в СССР Глеб Якунин сделал заявление для прессы:

Я, священник Глеб Якунин, свидетельствую, что жена моего друга Звиада Гамсахурдиа Манана, а также другие лица по ее поручению во время телефонных разговоров из Тбилиси рассказали мне, с просьбой передать иностранным корреспондентам, что во

время свидания Мананы в тюрьме со своим мужем после демонстрации его "телепокаяния" Звиад Гамсахурдиа утверждал, что никаких заявлений перед телекамерами не делал и не имеет представления о том, как оно было создано.

Находящийся во время процесса над Юрием Орловым около здания суда член Грузинской группы "Хельсинки" Исай Гольдштейн, приехавший из Тбилиси, выражал уверенность в неправильности информации, которая передавалась официальными источниками о суде над З. Гамсахурдиа. Появившееся "телепокаяние" вызвало подозрение, что оно – фальшивка, сфабрикованная с целью дискредитировать Гамсахурдиа в глазах грузинского народа. Это подозрение усиливалось, в частности, тем, что, как сообщила Манана, бросалось в глаза явное несоответствие внешнего вида Звиада Гамсахурдиа, изображенного на телеэкране, физическому состоянию его в суде и на свидании, где он был худым, бледным, изможденно-больным. Возникло предположение, что "телепокаяние" создавалось в начальной стадии предварительного следствия и явилось плодом фотомонтажа эпизодов, снятых скрытой камерой...

18 июля состоялось заседание Московского городского суда, рассматривавшего иск Гостелерадио. На этом заседании в качестве свидетеля выступил З. Гамсахурдиа ("Известия" от 19 июля). Его выступление в суде было заснято и передавалось по Центральному телевидению.

* * *

М. Костава подал в Верховный суд ГССР кассационную жалобу. Суд оставил ее без удовлетворения. В середине августа Костава прибыл в 37 Пермский лагерь.

З. Гамсахурдиа кассационной жалобы не подавал. Президиум Верховного Совета ГССР в порядке помилования изменил ему приговор, заменив неотбытую часть наказания на 2 года ссылки. С 26 июля он отбывает ссылку в пос. Кочубей Кизлярского р-на Дагестанской АССР. Ему вернули имущество, изъятое на обыске при аресте. Он назначен на должность, на которой ему полагается вести культпросветработу среди грузинских пастухов, отгоняющих стада на дагестанские пастбища.

* * *

По словам Гамсахурдиа, линия, которую он проводил на следствии и на суде, его "раскаяние" объясняются тем, что в противном случае, во-первых, ему был бы вынесен "максимальный" приговор, который вызвал бы в Грузии народные волнения, на что власти ответили бы жестокими репрессиями, подобными тем, которые были в Грузии в 1956 г. после XX съезда; во-вторых, тогда пострадали бы многие связанные с ним люди, о деятельности которых КГБ было известно; в-третьих, тогда были бы уничтожены все те положительные результаты, которых он и его друзья добились своей деятельностью.

Гамсахурдиа говорил также, что он пошел на компромисс с КГБ и в результате добился ареста епископа Гайоза (Хр. 34), прекращения артиллерийского обстрела монастыря Давид-Гареджа (Хр. 38), открытия трех церквей и сохранения в Конституции статьи, объявляющей грузинский язык государственным (ср. Хр. 49).

О своем "покаянном" выступлении по телевидению Гамсахурдиа сказал, что это была запись на видеомагнитофон, сделанная с его согласия следствием: "Вот сейчас вы говорите одно, а где у нас гарантия, что на суде вы не поведете себя по-другому?"

По его словам, выступая в Московском городском суде в качестве свидетеля, он не смог сказать того, что хотел, — судья и прокурор не дали ему этого сделать. Кроме того, он рассчитывал на присутствие на суде корреспондентов-ответчиков, которые зададут ему вопросы.

СУД НАД ГИНЗБУРГОМ

С 10 по 13 июля Калужский областной суд рассматривал дело Александра Гинзбурга, обвинявшегося по ст. 70 ч. 2 УК РСФСР. Состав суда: председательствующий — А.И. Сидорков, народные заседатели — С.М. Брандт и Н.П. Паршина. Обвинителем на суде выступал прокурор В.В. Савкин, защитником — московский адвокат Е.А. Резникова (перед защитительной речью Гинзбург отказался от адвоката и произнес защитительную речь сам). Второму защитнику Гинзбурга, американскому адвокату Э.Б. Уильямсу (Хр. 44), не дали разрешения на въезд в СССР.

Гинзбург был арестован 3 февраля 1977 г. (Хр. 44). О предварительном следствии см. Хр. 44-49.

* * *

Александр Ильич Гинзбург родился в 1936 г. в Москве. После окончания школы работал актером и помощником режиссера в театре, репортером в газете. В 1956 г. поступил на факультет журналистики Московского университета.

В 1959-60 гг. Гинзбург выпустил в Самиздате несколько номеров сборника стихов различных поэтов "Синтаксис". Вскоре он был арестован и за подделку документов (при попытке сдать экзамен за знакомого) осужден на 2 года лагерей. Почти до конца следствия, которое вел КГБ, Гинзбурга обвиняли также в антисоветской агитации и пропаганде.

В 1962 г., после освобождения, с трудом прописавшись в Москве, Гинзбург пытался устроиться на любую работу, но повсюду наталкивался на противодействие властей. Работал ассенизатором, токарем, лаборантом, библиотекарем.

В 1964 г. Гинзбурга несколько дней продержали на Лубянке. Вскоре в "Вечерней Москве" появилось письмо за подписью Гинзбурга, в котором тот отмежевывался от сенсаций в западной прессе вокруг своего имени. Гинзбург действительно составлял подобное письмо, но опубликованный текст сильно отличался от авторского.

В 1966 г. Гинзбург поступил учиться в Историко-архивный институт.

В январе 1967 г. за составление "Белой книги" (сборника материалов о суде над А. Синявским и Ю. Даниэлем) он был арестован. В январе 1968 г. его судили вместе с Ю. Галансковым, В. Лашковой и А. Добровольским (Хр. 1,2). По ч. 1 ст. 70 УК РСФСР его приговорили к 5 годам лагерей строгого режима.

Заключение Гинзбург отбывал в Мордовских лагерях и во Владимирской тюрьме.

В 1972 г. Гинзбург, отбыв срок, освобожден. В Москве ему жить не разрешили, и он вынужден был поселиться в Тарусе. Все последующие годы его подвергали постоянным преследованиям: два раза ставили под надзор, не позволяли приезжать в Москву – к матери, жене и детям, чинили трудности при устройстве на работу и одновременно угрожали обвинением в "тунеядстве".

С 1974 г. Гинзбург – официальный распорядитель солженицынского Фонда помощи политзаключенным. С момента основания Московской группы "Хельсинки" Гинзбург – ее член.

А.И. Гинзбург женат на Ирине Сергеевне Жолковской. Арест Гинзбурга в 1967 г. произошел за 5 дней до регистрации их брака. После суда Гинзбург и Жолковская стали добиваться разрешения оформить брак. Их требование поддержали многие товарищи Гинзбурга по лагерю, пять политзаключенных объявили голодовку. Голодовка, продолжавшаяся 3-4 недели, окончилась победой: 21 августа 1969 г. на лагерьной вахте брак был зарегистрирован.

У Гинзбурга двое сыновей – пяти и трех лет.

* * *

Судебное разбирательство строилось, в основном, на рассмотрении трех тем:

1. Хранение и распространение литературы;
2. Участие в составлении документов;
3. Деятельность Гинзбурга в качестве распорядителя Фонда помощи политзаключенным.

1. Хранение и распространение литературы

Согласно Обвинительному заключению, Гинзбург хранил и распространял следующие издания: произведения А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг", "Бодался теленок с дубом" и "Прусские ночи"; сборники "Сахаров говорит" и "Из-под глыб"; журналы "Континент" и "Вестник русского христианского движения"; номера газеты "Русская

мысль"; выпуски "Хроники текущих событий" и "Хроники защиты прав в СССР"; книги "Большой террор" Конквеста, "Жизнь Ленина" Фишера и "Крушение поколения" Бергера.

Обвинение по этому пункту основывалось на материалах обысков (Хр. 44) в доме А. Гинзбурга в Тарусе и на квартирах его жены И.С.Жолковской и его матери Л.И. Гинзбург в Москве, а также на показаниях следующих свидетелей:

- А. Градобоев (жил в Тарусе, ранее четырежды судим за хищение, подделку документов и порнографию);
- В. Подобайлов (житель г. Кемерово, электрик; услышав о Гинзбурге по зарубежному радио, специально приехал к нему познакомиться);
- Т. Давыдович (знакомая Подобайлова);
- С. Ханженков (бывший политзаключенный, живет в Минске – Хр. 46);
- И. Иванов (рабочий, живет в Тарусе);
- П. Новикова (сестра Иванова);
- В. Пестов (бывший политзаключенный – Хр. 45; живет в Свердловске);
- В. Ваганов (знакомый Пестова);
- М. Хвощов (художник из Тарусы);
- А. Шеметов (писатель, член ССП; живет в Тарусе);
- В. Калниньш (бывший политзаключенный – Хр. 41).

Свидетели В. Подобайлов и С. Ханженков настаивали на том, что сами просили у Гинзбурга книги, причем Ханженкову Гинзбург книг не дал. Свидетели В. Ваганов, Т. Давыдович, А. Шеметов и П. Новикова показали, что книги ими получены не от Гинзбурга, причем первые двое с Гинзбургом не знакомы. В. Пестов и В. Калниньш на суде не присутствовали; первый – по болезни, второй выехал из СССР в мае 1978 г. Были зачитаны их показания на предварительном следствии, несмотря на то что Калниньш в заявлении, направленном Калужскому УКГБ в апреле, отказался от всех своих показаний.

Сам Гинзбург заявил, что преступный характер литературы, распространение которой ему инкриминируется, должен быть доказан в судебном заседании. В противном случае, сказал Гинзбург, ни на один из вопросов, где говорится "антисоветская литература", он не станет отвечать.

Суд зачитал справки из КГБ, в которых деятельность издательств "Посев" и "Имка-Пресс" определяется как антисоветская.

Гинзбург ответил, что благодарен этим издательствам за публикацию материалов о современном положении в России, и отказался отвечать на дальнейшие вопросы суда относительно передачи книг разным лицам.

На вопрос судьи, почему у Гинзбурга при обыске было найдено 5 экземпляров "Хроники текущих событий", тот объяснил, что постоянно пользовался "Хроникой" для работы по Фонду, а поскольку ее

всегда изымают при обысках, то нужно было иметь не пять, а десять экземпляров.

2. Участие в составлении документов

Инкриминируемые документы – документы Московской группы “Хельсинки” № 3 (об условиях содержания в лагерях и тюрьмах), дополнение к документу № 7 (о забастовке в Рижском порту), № 8 (о злоупотреблениях психиатрией), № 13 (об эмиграции по экономическим и политическим мотивам), № 17 (о положении больных политзаключенных), “Оценка влияния ...” и “Рождественские репрессии”, сборник “Выходи из нее, народ Мой” (о пятидесятниках), а также 3 письма, направленные в Президиум Верховного Совета СССР и в Комиссию по правам человека ООН.

Все вышеперечисленные документы квалифицировались Обвинительным заключением как клеветнические.

В самом начале судебного разбирательства, еще до оглашения Обвинительного заключения, Гинзбург заявил большое количество ходатайств – о вызове в суд дополнительных свидетелей и о приобщении к делу ряда документов, необходимых для защиты.

Среди этих документов были: сборник действующих приказов МВД, регулирующих положение заключенных, документы о нормах и качестве питания в местах заключения, выписки из приговоров и личных дел заключенных, а также многочисленные письма из тюрем и лагерей – для подтверждения сведений, содержащихся в документе № 3; выписка из приговора по делу Я. Варны и др., планы меню столовых Рижского порта и копии распоряжений о введении “рыбного дня” – по дополнению к документу № 7; журналы приема и Инструкция о неотложной госпитализации душевнобольных – по документу № 8; копии историй болезни и акты о смерти политзаключенных, архивное дело Ю. Галанскова (Хр. 28), нормы больничного питания в лагерях и тюрьмах – по документу № 17.

Ни одно из ходатайств не было удовлетворено.

По документам № 3 и № 17 допрашивались:

– Ю.И. Федоров (Хр. 42, 44, 45), Д. Демидов (Хр. 33, 46), Кранов – бывшие политзаключенные;

– Тындюк (в Пермских лагерях работал поваром, потом – зав. столовой) и Дилеев (политическую статью получил в уголовном лагере) – политзаключенные;

– Ю. Фесенко – начальник медсанчасти женского политлагеря в Мордовии (учр. ЖХ-385/3-4);

– Угодин – начальник Владимирской тюрьмы.

(Демидов и Угодин были вызваны в суд по ходатайству Гинзбурга, заявленному на предварительном следствии.)

Свидетели Федоров и Демидов подтвердили оценку условий в лагере, данную в документах Хельсинкской группы.

Кранов рассказал, что познакомился с Гинзбургом и Галансковым в

лагерной больнице. Его, Кранова, лечили хорошо. Он помнит, что Галанскова лишали ларька. Вопрос Гинзбурга, насколько серьезным было, по мнению свидетеля, состояние Галанскова и можно ли было его в таком состоянии наказывать, судья снял, сказав, что Кранов – не врач. (До ареста Кранов закончил 4 курса мединститута.)

Тындок и Дилеев охарактеризовали условия в лагерях как приемлемые и утверждали, что нормы питания соблюдаются.

Фесенко и Угодин свидетельствовали, что условия содержания в лагерях и тюрьмах хорошие. Однако Фесенко подтвердил, что норма питания 96 (для помещаемых в штрафной изолятор – Хр. 33) существует. Вопрос Гинзбурга о том, какова эта норма, был отклонен судьей. Угодин на вопросы подсудимого и адвоката ответил, что карцер более чем на 15 суток не дают. По просьбе адвоката суд удостоверил наличие в деле документа, из которого следует, что заключенный Владимирской тюрьмы Абанькин сидел в карцере 45 суток: 15 суток, интервал – 3 дня, 15 суток, интервал – 5 минут, 15 суток (ср. Хр. 46).

По дополнению к документу № 7 были допрошены:

- Шаехов – рабочий Рижского порта;
- Леров и Дижбит – журналисты, опровергавшие в печати сообщения о забастовке в Рижском порту.

На суде свидетели утверждали, что никакой забастовки не было. Шаехов сообщил при этом, что в столовой Рижского порта "и в рыбный день дают мясо", а Леров заявил, что там вообще нет рыбных дней. На вопрос адвоката о письмах рижским портовикам из-за границы, о которых упоминается в статье Лерова в "Огоньке" (№ 17 за 1977 г.), последний сослался на Дижбита. Дижбит, однако, утверждал, что ничего об этих письмах не знает.

По документу № 8 были допрошены Печерникова, руководитель отдела мед. экспертизы Института им. Сербского, и Кузьмичева, врач психиатрической больницы № 14 г. Москвы. Они утверждали, что никаких злоупотреблений психиатрией не существует.

По остальным инкриминируемым документам никто из свидетелей не допрашивался. Ходатайство Гинзбурга об установлении адреса Ю. Машкова и вызове его в суд для доказательства того, что именно он является автором приписываемых Гинзбургу писем, оставили без удовлетворения (бывший политзаключенный Юрий Машков недавно уехал из СССР).

На вопросы суда по поводу "хельсинкских документов" Гинзбург ответил, что он является автором документа о забастовке в Рижском порту, а за остальные разделяет ответственность со всеми членами Группы "Хельсинки" и не намерен уточнять степень своего участия в каждом из них. Сборник "Выходи из нее, народ Мой" составлен из писем и документов пятидесятников. Гинзбург заявил, что несет полную ответственность за него, так как является его составителем.

3. Деятельность Гинзбурга в качестве распорядителя Фонда помощи политзаключенным

В Обвинительном заключении сказано, что Гинзбург, используя средства, получаемые из-за границы, занимался антисоветской деятельностью с целью подрыва и ослабления Советской власти. Упомянуто также, что Гинзбург жил на средства Фонда.

По этому пункту обвинения допрашивались Градобоев, Федоров, Дилеев и Ткачев (также бывший политзаключенный).

Градобоев утверждал, что Гинзбург "покупал информацию" у тарусских алкоголиков, расплачиваясь то рублями, а то и сертификатами. Ему, Градобоеву, подсудимый помогал деньгами, пригласил и оплатил для него адвоката. За это Гинзбург просил Градобоева поехать к баптистам и собрать информацию о них, но тот отказался.

Градобоев также показал, что существует нелегальная организация диссидентов, которая пользуется системой конспирации – самостирающимися дощечками, и что организация эта поддерживается с Запада.

Свидетели Федоров, Ткачев и Дилеев показали, что Фонд помогал многим заключенным и их семьям без каких-либо условий. Ткачев высказал предположение, что действия Гинзбурга объясняются желанием, чтобы о нем хорошо говорили, "когда он провинится". Свидетели не подтвердили версию обвинения о том, что Гинзбург жил на средства Фонда.

На допросе Гинзбурга фигурировало его письмо Наталье Солженицыной, изъятое у кого-то на таможне. Гинзбург заявил протест против чтения его личной переписки, однако прокурор зачитал цитаты из этого письма, где говорится, что "Архипелаг" множится и ходит по стране и что он (Гинзбург) хотел бы приобрести 30 экземпляров.

Суд расспрашивал Гинзбурга о лицах, которым он оказывал помощь. "Ни ваших денег, гражданин судья, ни денег прокурора, ни денег КГБ в нашем Фонде не было, и поэтому я не собираюсь перед вами отчитываться. Я отчитываюсь только перед учредителями Фонда и ни на какие ваши вопросы о нем отвечать не буду", – сказал Гинзбург.

* * *

В конце обвинительной речи прокурор потребовал признать Гинзбурга особо опасным рецидивистом, но, "учитывая, что на иждивении Гинзбурга находится двое маленьких детей, а также то, что в конце следствия он стал давать показания", дать ему 8 лет лагерей особого режима и 3 года ссылки.

(Говоря о "показаниях в конце следствия", прокурор, по-видимому, имел в виду, что Гинзбург, в течение целого года вообще не разговаривавший со следователями, в конце следствия сделал несколько заявлений, в том числе о том, что только он один является автором дополнения к документу № 7.)

В своей защитительной речи Александр Гинзбург сказал, что он не признает себя виновным. Литературу, о которой шла речь, антисоветской

не считает, и суд не доказал ее криминальный характер. Все факты, изложенные в документах Хельсинкской группы, соответствуют действительности, и, знакомясь с материалами дела, он еще раз в этом убедился. Гинзбург повторил, что не собирается отчитываться перед судом о работе Фонда, но считает необходимым заявить, что на себя лично он денег Фонда не использовал, а жил на зарплату – свою и жены, а также на гонорары от его книги, изданной на Западе.

Последнее слово Гинзбурга было кратким. Он сказал, что пользуется возможностью передать привет друзьям и выразить солидарность с Анатолием Щаранским, которого судят в эти же дни. "Мне понятно, – сказал Гинзбург, – что такое 17 месяцев ждать в камере смертного приговора". Он заявил, что ему самому все 17 месяцев угрожали предъявлением статьи 64 и высшей мерой наказания.

Суд признал А. Гинзбурга виновным:

- в хранении и распространении антисоветской литературы;
- в составлении документов и статей, содержащих клевету на советский строй;
- в организации антисоветской деятельности на средства, получаемые из-за границы.

Суд признал Гинзбурга особо опасным рецидивистом и приговорил его к восьми годам лагерей особого режима. Согласно приговору Гинзбург должен уплатить 1500 рублей судебных издержек.

* * *

Спецкор АПН В. Лысенков изложил приговор так:

... суд установил, что Александр Гинзбург на протяжении 1973-77 гг. систематически распространял получаемые по нелегальным каналам из-за рубежа и изготовленные им лично антисоветские материалы, призывающие к насильственному изменению существующего в СССР государственного и общественного строя.

Гинзбург на поступающие из-за границы денежные средства финансировал враждебную деятельность антисоветских элементов, в том числе профессиональных уголовников, а также пособников немецких фашистов, принимавших в годы второй мировой войны участие в массовых расстрелах советских граждан, подстрекал указанные элементы к совершению антиконституционных акций.

* * *

На суд была вынесена лишь часть тех "обвинений", которые в течение полутора лет разрабатывали органы КГБ. Так, в Обвинительном заключении не упоминается валюта, которую якобы хранил Гинзбург в квартире своей жены и которая была "изъята" на обыске (Хр. 44). Исчезли также обвинения чисто уголовного характера, которыми была наполнена статья А.А. Петрова (Агатова), опубликованная в "Литературной газете" накануне ареста Гинзбурга. Весной и летом 1977 г. следствие

усиленно разрабатывало версию о нелегальной политической организации, для которой Фонд был легальным прикрытием (см. выше показания Градобоева и о допросах Ю. Федорова в Хр. 46). Тем не менее в Обвинительном заключении и в приговоре об этой "организации" нет ни слова. Позднее, в конце 1977 г., ряд свидетелей допрашивался о деятельности Гинзбурга в лагере в 1968-1970 гг., об установлении им нелегальной связи с волей, об организации голодовок и т.д. При этом некоторым сообщалось, что Гинзбург способствовал гибели своего подельника Юрия Галанскова. Эта тематика также не затрагивалась в судебных заседаниях. (Она почему-то возникла на суде над Щаранским – см. в соотв. разделе допрос В. Платонова.)

Следует отметить, что разработку упомянутых сюжетов следствию не удалось сохранить в тайне и они заблаговременно становились предметом обсуждения мировой общественности.

И следствие, и суд проявили пристальное внимание к моральному облику Гинзбурга. Хотя Гинзбург формально не обвиняли ни в растрате средств Фонда на личные нужды, ни в безнравственном поведении, судья и прокурор подробно расспрашивали свидетелей о том, брал ли Гинзбург из Фонда деньги для себя лично, а также о том, бывали ли в его доме женщины, оставались ли они там ночевать, сколько в доме кроватей и т.д. Главным свидетелем и здесь оказался Градобоев. Он сказал суду, что Гинзбург много пил, подробно изложил свои предположения относительно интимной жизни подсудимого, его тарусских и московских знакомых. Градобоев сказал, что, по его мнению, невозможно, чтобы через руки человека прошло 270 тысяч (оборот Фонда) и чтобы он ничего не взял себе; он подчеркнул, что ни Гинзбург, ни его жена нигде не работали. О "туеядстве" Гинзбурга говорил также свидетель Левашов, начальник турбазы под Тарусой.

Адвокат Резникова предъявила суду трудовую книжку своего подзащитного, опровергавшую обвинения в "туеядстве". Несмотря на это, в приговоре было указано, что Гинзбург нигде не работал.

Из 23 свидетелей, допрошенных судом, восемь вообще не были знакомы с Гинзбургом, остальные были знакомы с ним поверхностно. Тем не менее суд отклонил просьбы А. Сахарова, В. Помозова, В. Ронкина и других, хорошо знавших Гинзбурга, о вызове их на суд в качестве свидетелей. Были также оставлены без внимания заявления многих политзаключенных ("Хронике" известны фамилии В. Балахонova, С. Ковалева, А. Сергиенко, А. Сафронова, Л. Хноха, З. Антонюка, Г. Суперфина), потребовавших, чтобы их вызвали на суд в Калуге в качестве свидетелей, дабы они могли дать показания по поводу положения в лагерях и тюрьмах.

Ходатайства самого Гинзбурга о вызове 27 дополнительных свидетелей были отклонены. Например, было отклонено ходатайство Гинзбурга о вызове в суд следователей КГБ Саушкина, Сучкова, Гайдельцова, Оселкова, Никифорова, Парушева, Гусева. Гинзбург мотивировал свое ходатайство желанием доказать, что следствие велось необъектив-

но, сопровождалось угрозами и шантажом. Прокурор заявил, что это ходатайство направлено на компрометацию следственных работников.

По словам Гинзбурга, показания Федорова на предварительном следствии доказывают, что его шантажировали. (Суд отказался зачитать эти показания.) Свидетелю Подобайлову было сказано, что "он может поменяться местами с Гинзбургом". Свидетеля Д. Демидова вызывали из комнаты для свидетелей "для беседы со следователем" непосредственно перед выступлением на процессе. Ему были обещаны "все бла-га", если он будет "хорошо отвечать на суде" (на предварительном следствии Демидова не допрашивали).

Гинзбург и его адвокат настойчиво пытались доказать правдивость и точность фактов, изложенных в инкриминируемых Гинзбургу документах. С этой целью перед началом судебного следствия Гинзбург заявил и обосновал более 80 ходатайств о вызове дополнительных свидетелей, о приобщении к делу ряда документов и т.д. (см. выше). После окончания допроса свидетелей он просил удостоверить наличие в деле около 800 документов, не фигурировавших в суде, причем сумел при этом кратко изложить суть многих документов и причины, по которым он считает необходимым некоторые из них также огласить. Суд отклонил все ходатайства Гинзбурга. Тем не менее ходатайства, прозвучавшие в суде, позволили подсудимому продемонстрировать наличие в деле и вне его массы аргументов в пользу защиты.

Некоторые факты, опровергающие обвинение, выяснились при допросе свидетелей, хотя вопросы к ним защитника и подсудимого постоянно снимались судом. (Последнее в особенности относится к допросам должностных лиц — Угодина, Фесенко, Печерниковой, Кузьмичевой.) В приговоре все это не нашло никакого отражения.

* * *

Уже в первый день процесса физическое состояние Гинзбурга было крайне плохим, у него резко поднялось давление. Он даже просил суд дать ему возможность заявлять ходатайства не вставая (суд отказал ему в этом). В соседней комнате постоянно дежурил врач. В конце третьего дня Гинзбургу стало совсем плохо; ему сделали укол, дали лекарство, однако состояние его не улучшилось. Вскоре после суда, на свидании, Гинзбург сказал жене, что из-за сильного головокружения и общей заторможенности он не сумел произнести задуманную многочасовую защитительную речь.

* * *

В зал суда пропустили жену Гинзбурга И.С. Жолковскую и его мать Л.И. Гинзбург. Никто из друзей и знакомых подсудимого, приехавших в Калугу и каждый день толпившихся у здания суда (около 50 человек), не был допущен на судебное разбирательство. Не пустили на суд также второго секретаря посольства США Бенджамина Туа и иностранных корреспондентов. Однако на суде присутствовал специальный предста-

витель МИД, который в перерывах между заседаниями давал корреспондентам информацию о процессе. Информация эта была неполной и тенденциозной.

По окончании судебного процесса судья А. Сидорков также говорил с иностранными корреспондентами. Он сообщил им, что Гинзбургу снижен срок до 8 лет ввиду того, что тот якобы давал показания на А. Шаранского и Ю. Орлова. По словам Сидоркова, этот факт отражен в приговоре (что также не соответствует истине).

Никому из знакомых Гинзбурга, приехавших в Калугу, не удалось остановиться в гостиницах города – для них “не было мест”. Исключение составили И.С. Жолковская и Л.И. Гинзбург.

Людей, находившихся у здания суда, постоянно фотографировали. Им же пользоваться фотоаппаратами запрещали. Один из знакомых Гинзбурга попытался сделать несколько снимков, но ему заявили, что дружинники возражают против того, чтобы их снимали: его отвели в отделение и там засветили пленку. Был задержан и доставлен в милицию для удостоверения личности бывший политзаключенный В. Ронкин. Однако и это задержание было кратковременным. В Москве из электрички был высажен В. Кувакин. Его отвезли в милицию и после проверки документов отпустили.

Во второй день процесса, во время повторного допроса, свидетель Градобоев заявил, что Гинзбург и Жолковская – тунеядцы, сообщил суду, что диссиденты на деньги, присылаемые с Запада, могут нанять убийц, чтобы расправиться с ним, Градобоевым, и что Жолковская уже угрожала ему расправой. (В действительности Жолковская сказала ему: “Бог тебя накажет!”.) Судья призвал свидетеля изложить жалобу на Жолковскую в письменном виде, чтобы можно было пресечь ее противозаконные действия. (Позже Градобоев написал такую жалобу.) И. Жолковская с места попросила суд заслушать ее заявление в связи с клеветническими показаниями Градобоева. Судья потребовал, чтобы Жолковская замолчала. Жолковская сказала, что уголовнику и клеветнику была дана возможность говорить три часа, и попросила разрешения объяснить суду, что Градобоев лжет. Судья потребовал вывести Жолковскую из зала. Когда ее выводили, она сказала: “Это – не суд, а грязное судилище. Вы не дали рассказать о Гинзбурге ни его друзьям, ни академику Сахарову, а дали лжецу. Вы не давали работать ни моему мужу, ни мне. Я, преподаватель МГУ, с трудом устроилась домработницей, а теперь вы кричите, что мы тунеядцы”. Гинзбург ходатайствовал, чтобы его жене было разрешено вернуться. Судья пригласил Жолковскую и потребовал, чтобы она извинилась и пообещала не нарушать порядок. Жолковская попросила разрешить ей зачитать объяснение по поводу показаний Градобоева и своего поведения в связи с этим. Тогда ее вновь вывели из зала. Несмотря на ее письменные обращения в суд, а также телеграммы Брежневу и Андропову, ей так и не было разрешено присутствовать на судебном разбирательстве ни в этот, ни в последующие дни.

Вскоре после этого, когда свидетель Леров — с места — обвинил защитника Е. Резникову в том, что она своими вопросами дискредитирует советскую прессу, его не только не выдворили из зала, но даже не призвали к порядку, несмотря на требования адвоката.

В первые три дня процесса дружинники, оперативники и милиционеры, дежурившие возле здания суда, вели себя сдержанно и корректно. Случайные прохожие — жители Калуги — относились к происходящему нейтрально или даже выражали сочувствие Гинзбургу. Но в день вынесения приговора появилась большая группа лиц, демонстрировавших "народное возмущение". Эти люди выкрикивали оскорбления, антисемитские лозунги, провоцировали друзей Гинзбурга. "Выражение народного гнева" было тщательно организовано и удерживалось в определенных рамках. Оно началось и окончилось по команде, серьезные инциденты допущены не были.

* * *

Если проходивший параллельно процесс А. Щаранского комментировался в советской прессе, упоминания о нем звучали по радио и телевидению, то о деле А. Гинзбурга органы информации во время процесса хранили молчание. Только через две недели после вынесения приговора в калужской газете "Знамя" от 27 июля была помещена статья А. Щеглова "Низость души". Вот несколько цитат из этой статьи:

Гинзбург всячески старался затянуть и запутать дело... Он заявлял бесчисленное множество ходатайств, настаивал приобщить (так в тексте! — Хр.) к делу новые документы. Большинство их никакого отношения к выдвинутым обвинениям не имели. Суд терпеливо все выслушивал, частично удовлетворял ходатайства, но увести процесс в сторону не позволял ... Типам, подобным Гинзбургу, нет и не будет места в нашем обществе ... Приствовавшие на процессе калужане приговор встретили аплодисментами.

* * *

Через несколько дней после окончания суда у Гинзбурга отобрали Библию, словари, учебники японского языка, юридическую литературу, ручки, запасные очки, домашнюю одежду. Хотя приговор еще не вступил в законную силу, его переодели в полосатую тюремную одежду (т.е. в одежду заключенного особого режима).

* * *

18 августа Верховный суд РСФСР, рассмотрев кассационную жалобу А. Гинзбурга, оставил приговор без изменения.

Кассационная жалоба

Считаю, что мой приговор неправилен, подлежит отмене и направлению на новое рассмотрение со стадии предания суду по следующим основаниям:

1. Односторонность предварительного и судебного следствия, выразившаяся в том, что :

а) Не были допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для дела.

Ходатайства об их вызове заявлялись мной и моим защитником неоднократно. В выборе свидетелей особенно ярко отразился односторонний тенденциозно-обвинительный характер следствия и суда.

Документы Группы содействия о нарушениях прав человека оценивались лишь на основании показаний непосредственных исполнителей этих нарушений и их пособников. Что бы вы сказали, если бы на процессах о зверствах в фашистских концлагерях заслушивались только показания эсэсовцев из охраны и капо, а жертвы не допускались на свидетельское место, т.к. той же охраной "характеризуются с отрицательной стороны"?

б) Не были истребованы документы, имеющие существенное значение.

Прокурор правильно отметил, что некоторые мои ходатайства направлены на компрометацию свидетелей. Скомпрометировать документами можно лжесвидетелей и ложные показания. Это не устраивало ни следствие, ни суд. Особенно существенным был отказ в истребовании и осмотре официальных документов – инструкций, приказов, правил, упоминаемых в материалах Группы содействия в качестве самостоятельных фактов нарушения прав человека. С каких это пор приказ министра внутренних дел или здравоохранения стал для судьи неоспоримым законом, а соответствие действий тюремщика этому приказу или секретной инструкции – свидетельством отсутствия нарушений человеческих прав?

в) Не установлены с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого.

Сообщенные мною данные об образовании (4 курса факультета журналистики МГУ) ничем и никем не оспаривались, но в приговоре стоит: "Образование среднее".

Сведения в приговоре: "до ареста не работавшего" – не только лживы, но и оскорбительны для меня. Я горжусь оказанным мне доверием – работой у академика Сахарова по трудовому соглашению с декабря 1975 г. до самого ареста.

2. Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Выводы суда не подтверждены доказательствами, добытыми в судебном заседании.

Это касается прежде всего клеветы, якобы содержащейся в инкриминируемой мне литературе и документах. По установившейся традиции

политических процессов клеветой и сейчас была признана отрицательная оценка имевших место фактов нарушения прав человека (провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах и т.д.). В то же время по точному смыслу комментария к ст. 130 УК РСФСР для обвинения в клевете ("клеветнических измышлениях") требуется "заведомо для виновного ложный характер распространяемых сведений", а "распространение правильных, хотя и позорящих сведений (диффамация) не составляет преступления". Ни ложность сведений, имеющихся в инкриминируемой мне литературе и документах, ни заведомость этой ложности не подтверждены ничем. Кроме декларируемой "убежденности" в этом суда.

3. Существенное нарушение УПЗ – нарушены требования ст. 46 УПК, гарантирующей право обвиняемого на ознакомление с документами обвинения. Это лучше всего видно на примере материалов, положенных в основу документов Группы содействия. Эти материалы были изъяты при обысках в январе-феврале 77-го года – у членов Группы. Я не смог добиться получения хотя бы в копиях не только документов, изъятых у других членов Группы и имеющих существенное значение для дела, но и многих документов, изъятых у меня и моих родных ...

4. Неправильное применение уголовного закона .

а) Применена ст. 70 УК, противоречащая ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Ссылка на 3-й пункт этой статьи несостоятельна. Не скажете же вы, что публикация компартии США "Положение в области прав человека в США" или марш индейцев на Вашингтон подрывают государственную безопасность Соединенных Штатов.

б) Не применена ст. 13 УК, а в ней сказано: "Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью настоящего Кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны. (Курсив мой – А.Г.)

Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства".

Со времени обсуждения и принятия Всеобщей декларации прав человека права человека во всем мире стали заботой международной общественности. Использование в их защиту от общественно опасных посягательств печатного слова безусловно не выходит за рамки необходимой обороны.

Я не намерен ни опровергать, ни признавать распространение литературы. Эти действия вполне защищены во Всеобщей декларации прав человека и в Международном пакте о гражданских и политических пра-

вах. Оставляю совести, гражданскому мужеству и государственной мудрости суда решать, являются ли они особо опасными преступлениями.

"Архипелаг ГУЛаг" должен прочесть каждый. Я радовался, когда его читали следователи и судьи. Рад, что прочтете вы. Даже от этого мир станет немного лучше.

Публицистика Солженицына и Сахарова широко известна всему миру. И по тому, преследуется ли она, будут судить не обо мне, а о вас и о стране в целом.

Я не намерен опровергать хранение литературы. Сжигают книги у нас в последнее время почти исключительно члены ССП (Оттен, Шеметов). Остальные читают и – хранят.

Я не хочу опровергать "изготовления и распространения" документов Группы содействия и других, инкриминированных мне. Независимо от степени моего участия или неучастия в составлении отдельных документов, я готов отвечать за любой из предъявленных мне. Даже одностороннее следствие подтвердило истинность большинства изложенных в них фактов.

Я отрицаю цель подрыва и ослабления советской власти в своих действиях. Я не вижу объекта для подрыва и ослабления. Если власть у Советов когда-либо и была, то она так подорвана всевластием партийного аппарата, что ее и властью не назовешь.

Я отрицаю использование мною в каких-либо пропагандистских и даже правозащитных целях (правозащитными я называю, например, документы Группы содействия) средств, полученных из-за рубежа. Группа содействия не потратила ни копейки на размножение своих документов и в остальном (поездки, почта и т.д.) существовала на личные средства своих членов. Это никем не оспаривалось.

Я отвергаю обвинение в безыдейности, подкрепленное в приговоре цитатой, вырванной из моего личного письма. Контекст письма ясно свидетельствует, что речь идет не об идеологии, а об организационных предложениях по незадолго до того основанному Фонду.

Я отвергаю обвинение в корысти и использовании средств Фонда в личных целях или для нужд своей семьи. И "хозяев" за рубежом у меня нет. Есть друзья и их много. В этом вы, наверняка, могли убедиться. Я не прошу об изменении срока.

После 3-х лет напряженной работы, после года следствия под непрерывной угрозой множества статей УК, три из которых включают смертную казнь, и прямых угроз расстрелом, после полугода твердых обещаний максимума по ст. 70 ч. 2 с тюрьмой в начале (дело Шаранского подтверждает, что угрозы статьей об измене Родине – не пустые слова, дело Филатова – что и расстрел у нас не забыт. Надеюсь, на сей раз достанет ума не приводить его в исполнение) – после всего этого восьми годам можно только радоваться. Тем более особому режиму. Это ж единственный остров нынешнего Архипелага, где я еще не был.

Я не требую смягчения наказания, я не жду невозможного – правосудия, я хочу всего лишь невероятного – отмены приговора и суда,

менее бесцеремонно попирающего законы, которыми он якобы призван руководствоваться.

* * *

В начале сентября Гинзбург прибыл в 1 мордовский лагерь.

* * *

Участие мировой общественности в деле Гинзбурга вышло далеко за рамки обычного интереса Запада к политическим процессам в СССР. Здесь не представляется возможным перечислить все письма, заявления и протесты, демонстрации, представления советским официальным органам комитетов в защиту Александра Гинзбурга. В этой кампании приняли участие многие видные писатели, общественные и государственные деятели, массовые организации в разных странах. Внутри СССР дело Гинзбурга побудило высказаться в его защиту сотни людей, а также целые религиозные общины.

Подробное изложение хода следствия и тексты писем и заявлений опубликованы в "Информационных бюллетенях" № 1 (Хр. 45), № 2 (Хр. 47, 48), № 4 (Хр. 49). Вскоре после процесса в Самиздате была выпущена книга "Калуга, июль 1978 года", материалы которой здесь широко использованы.

СУД НАД ЩАРАНСКИМ

Дело Анатолия Щаранского, обвинявшегося по статьям 64 и 70 УК РСФСР, слушалось с 10 по 14 июля коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР в здании народного суда Пролетарского р-на г. Москвы (Серебряническая наб. 15/17). Состав суда: председатель – член Верховного суда РСФСР П. Луканов, народные заседатели – Л. Петров и Г. Самсонов. Обвинение поддерживал старший помощник прокурора РСФСР П. Солонин. В судебных заседаниях принимали участие 2 эксперта – Булгаков и Буравов. В качестве защитника на суд явилась назначенная судом адвокат С.А. Дубровская.

* * *

Анатолий Борисович Щаранский родился в 1948 г. В 1972 г. он закончил Московский физико-технический институт и начал работать инженером-математиком во ВНИИ нефти и газа. В 1973 г. Щаранский подал документы на выезд в Израиль. С тех пор он "в отказе". Уволился и стал зарабатывать на жизнь частными уроками. К 1975 г. он стал активным участником эмиграционного движения евреев. Щаранский помогал отказникам как переводчик на пресс-конференциях и встречах с иностранными политическими и общественными деятелями. В результате он стал хорошо известен иностранным корреспондентам и дипломатам как

человек, свободно владеющий английским и добросовестно относящийся к информации. С момента организации Московской группы "Хельсинки" Щаранский стал ее членом и постоянно активно участвовал в ее работе. После ареста Гинзбурга и Орлова и эмиграции Алексеевой Щаранский продолжал интенсивно заниматься составлением документов Группы и организацией пресс-конференций. Сначала в январе, а потом в марте Щаранского постоянно сопровождал конвой оперативников. 4 марта 1977 г. газета "Известия" (московский вечерний выпуск) обвинила Щаранского в шпионаже. 15 марта Щаранский был арестован. За время следствия по делу Щаранского было допрошено более 100 человек (в основном, отказников) в 20 городах Советского Союза. Почти все они либо отказались от участия в следствии, либо охарактеризовали обвиняемого как честного человека и законопослушного гражданина. Свидетели подтверждали свои подписи под коллективными документами, инкриминируемыми Щаранскому. Многие советские граждане подписали коллективные письма в защиту Щаранского. Арест и следствие по делу Щаранского вызвали небывалое количество протестов со стороны западной общественности и западных политических деятелей. О следствии по делу Щаранского подробно рассказано в Хр. 44-48.

* * *

Слушание дела началось в 10 часов утра. В зале, имеющем около 70 мест, находилась публика со специальными пропусками и оперативники. Присутствовал прокурор по надзору за органами ГБ М. Илюхин. Около 20 мест оставались свободными. Возле каждого участника судебного разбирательства стояли микрофоны, запись процесса велась студийными магнитофонами.

После удостоверения присутствия участников процесса суд перешел к установлению личности подсудимого. Не отвечая на вопрос судьи, Щаранский спросил, закрытый ли это суд, почему в зале нет никого из его близких. Судья ответил, что мать и брат подсудимого вызваны в суд в качестве свидетелей, но не явились. Щаранский возразил на это: "Передо мной лежит список свидетелей — их в нем нет". Он заявил, что отказывается участвовать в судебном заседании до тех пор, пока в зале не будет хоть кого-нибудь из его родных. Прокурор предложил суду позвать отца подсудимого. Судья объявил перерыв и послал коменданта в близлежащий переулок, где собрались родные и друзья подсудимого. Комендант, узнав, что отца подсудимого возле здания суда нет, посоветовался и привел в зал заседаний брата подсудимого — Леонида Щаранского. Л. Щаранский присутствовал затем на всех заседаниях, кроме закрытых.

После разъяснения участникам процесса их прав и обязанностей и ряда других формальностей Щаранский заявил ходатайство об отводе защитника.

Судья комментировал это ходатайство: матери обвиняемого было дано время, чтобы выбрать защитника, однако с декабря 1977 г. по

июнь 1978 г. она этого не сделала; в связи с этим следствие пригласило адвоката Дубровскую (Хр. 48). Прокурор не возражал против самозащиты подсудимого, и суд освободил Дубровскую от участия в деле.

Уже обладая функциями защитника, Щаранский заявил, что за полтора года, прошедших с момента его ареста, ему не дали возможности выяснить позицию родственников по поводу адвоката.

Затем прокурор ходатайствовал о вызове матери обвиняемого И.П. Мильгром в качестве свидетеля. Щаранский возразил, что еще на предварительном следствии его мать отказалась быть свидетелем, усматривая в этом попытку лишить ее возможности присутствовать на предстоящем процессе. Прокурор заявил, что мать может рассказать суду о жизненном пути обвиняемого. Суд принял ходатайство прокурора. (Леонид Щаранский крикнул брату, что мать стоит у здания суда, и в наказание был пересажен на последний ряд.)

На вопрос, имеются ли еще ходатайства у подсудимого, Щаранский ответил, что во время закрытия дела он подал список ходатайств на 39 страницах, но прокуратура, изучив за 4 дня 51 том дела, все его ходатайства отвергла. Прокурор попросил у суда десятиминутный перерыв для ознакомления со списком ходатайств. После перерыва он заявил, что поддерживает 4 ходатайства подсудимого. Просоветовавшись около часа, суд согласился с мнением прокурора и объявил, что приобщает к делу 4 документа: Международный пакт о гражданских и политических правах, Заключительный акт Хельсинкского совещания, показания свидетеля Л. Вольвовского на предварительном следствии (они не вошли в дело из-за того, что Вольвовский написал на протоколе несколько дружеских слов, обращенных к Щаранскому) и сообщение Центральной междугородной телефонной станции о передаче в КГБ магнитофонных записей международных телефонных разговоров А. Щаранского. (Ходатайствовал Щаранский о приобщении к делу самих записей.)

Обвинительное заключение

По ст. 64 УК РСФСР А. Щаранский обвиняется в "шпионаже" и "оказании иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР".

* * *

"Шпионаж" конкретизируется в Обвинительном заключении следующим образом:

Щаранский собрал и передал на Запад материалы о 1300 лицах, располагавших военными и иными секретами Советского государства. Эти материалы содержали информацию о дислокации, ведомственной принадлежности и режиме секретности 200 предприятий в разных городах Советского Союза, о руководящих работниках этих предприятий. Из текста Обвинительного заключения следует, что эти материалы пред-

ставляли собой списки лиц, которым было отказано в выезде из СССР в целях сохранения государственной тайны. Утверждается, что вплоть до ареста Шаранский накапливал, группировал, хранил эти списки и по разным каналам с соблюдением мер конспирации передавал их на Запад.

Согласно Обвинительному заключению, в ноябре 1976 г. Шаранский передал такого рода списки "агенту американской военной разведки" Роберту Тоту (Хр. 46), работавшему в Москве "под видом журналиста". Тот использовал их против интересов СССР, примером чему является статья "Советский Союз косвенно раскрывает центры секретных работ", опубликованная им в нескольких американских газетах.

Шаранский, как утверждает обвинение, делал все это по заданию иностранных разведывательных служб. Задание Шаранский получил в переданном по диппочте письме Виталия Рубина, эмигрировавшего в июне 1976 г. (Хр. 41). Рубин, по утверждению обвинения, давно был завербован ЦРУ. Помимо этого Шаранскому была передана по диппочте некая анкета с перечнем вопросов разведывательного характера. На ее обороте имеется текст, адресованный Шаранскому. Согласно экспертизе, этот текст написан женой Рубина Инессой Аксельрод.

В Обвинительном заключении говорится также, что Шаранский помогал Р. Тоту устанавливать конспиративные контакты с учеными и специалистами, причастными к хранению секретной информации. Создавая обстановку доверительных бесед с этими людьми, Шаранский помогал Тоту в сборе секретных сведений. Таким образом Р.Тот получил не подлежащую публикации в открытой печати информацию, касающуюся парапсихологии, космических и социологических исследований. По заданию Тота Шаранский опросил советского специалиста о развитии генетики в СССР, перспективах этой науки и об учреждениях, разрабатывающих проблемы генетики.

В этой части обвинение ссылается на показания, данные на предварительном следствии свидетелями Липавским, Цыпиным, Рябским, Адамским, Распиным, Рухадзе, Игольниковым, Запылаевой, Панченко, Дорониной, Смирновой, Петуховым, Тотом, Поповой – московской секретаршей Тота и Захаровым – дворником дома, в котором жил Тот.

Вещественными доказательствами здесь служат: списки отказников, представленные Запылаевой; список отказников, изъятый на квартире Панченко (Хр. 44); кусок ксерокопированного списка отказников, найденный дворником Захаровым в мусорном ящике Тота; анкета для сбора данных об отказниках с письмом к Шаранскому на обороте, взятая в конце 1976 г. на обыске у одного из московских отказников; письмо Рубина к Шаранскому, пришедшее в Москву по диппочте американского посольства и переданное органам ГБ Липавским.

* * *

"Оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР" конкретизируется в Обвинительном заключении следующим образом:

Щаранский систематически фабриковал и передавал за рубеж материалы, намеренно искажающие действительную картину жизни в СССР. Установив преступные контакты с рядом иностранцев, проживавших в СССР, в том числе с теми, кто не скрывал свои связи с разведслужбами, а также с сионистскими эмиссарами, приезжавшими в СССР под видом официальных лиц, религиозных деятелей или туристов, Щаранский по своей инициативе и по заданию этих лиц снабжал их такого рода материалами. Эти материалы содержали измышления о советской эмиграционной политике, о нарушениях гражданских прав лиц, подавших заявления на выезд из СССР, о дискриминации евреев, о растущем якобы в СССР антисемитизме. Они широко использовались реакционными кругами на Западе для проведения враждебной деятельности против Советского Союза, о чем Щаранскому было известно.

Щаранский призывал правительства ряда стран, чтобы они – под предлогом заботы о правах человека – оказывали непрерывное давление на Советский Союз, побуждая его изменить внутреннюю и внешнюю политику.

Обвинение утверждает, что Щаранский являлся автором или участвовал в составлении писем и телеграмм, а также обзоров, дискредитирующих советскую эмиграционную политику, организовывал для этой же цели националистические сборища, собирал подписи под воззваниями по поводу поправки Джексона-Вэника. Эта деятельность привела к принятию конгрессом США упомянутой поправки и мешала переговорам СССР и США о торговле. Советскому Союзу не был предоставлен статус наибольшего благоприятствования в торговле, что отразилось на экономическом положении страны.

Щаранскому инкриминируются следующие эпизоды: в 1974-1976 гг. он лично подготовил и передал на Запад не менее 17 документов клеветнического характера. Это телеграмма сенаторам Джексону, Джавитсу, Рибикову, посланная в связи с принятием поправки (1974 г.); поздравление по поводу двухсотлетия США (1976 г.); письмо кандидатам на пост президента США Дж. Картеру и Дж. Форду (1976 г.); поздравление Дж. Картеру в связи с избранием на пост президента (1976 г.); письмо по поводу поправки Джексона – Вэника (12 января 1976 г.); обращение к американскому народу и конгрессу; коллективные письма отказников "Мы обращаемся к вам ..." и "Дорогие братья ..." (1975 г.); документы "Выезд евреев" и "Эмиграционная политика СССР", направленные в начале 1976 г. сионистскому конгрессу в Брюсселе; документ "Уроки судов над Ройтбурдом и Малкиным" (17 сентября 1975 г.); 4 обзора положения с эмиграцией евреев в разных городах Советского Союза, относящиеся к 1974-1976 гг. Кроме того, Щаранский участвовал в конспиративных встречах еврейских активистов с американскими сенаторами и конгрессменами, приезжавшими в Москву с официальным визитом в 1975 г., выступил перед ними с речью, в которой призывал к жесткой и бескомпромиссной политике в отношении торговли с Советским Союзом, и передал им пись-

мо отказников, призывающее требовать от СССР изменения эмиграционной политики.

4 июня 1975 г. он имел в холле гостиницы "Советская" тайную и конспиративную встречу с американским ученым Пайпсом. Пайпс, являясь связующим звеном между отказниками и американскими сионистами и дипломатами, дал Щаранскому инструкции по сионистской деятельности. Он одобрил выступление Щаранского перед сенаторами и сказал, что они получили преимущество, повидавшись в Москве с еврейскими активистами до официальных встреч. Затем Пайпс дал Щаранскому инструкции по созданию Хельсинкской группы.

Инкриминировалась Щаранскому и встреча с американским сенатором Бруком: в феврале 1976 г. Щаранский привез Брука на квартиру Владимира Слепака, где Слепак, Щаранский и еще несколько еврейских активистов подписали письмо к Джексону по поводу поправки (письмо от 12 января 1976 г.). Это письмо было заранее заготовлено самим Джексонем и прислано в Москву с Бруком. Оно должно было помочь сенатору Джексону, выдвинувшему свою кандидатуру в президенты, на предварительных выборах в демократической партии.

Здесь же Щаранскому инкриминировалась конспиративная связь с антисоветски настроенными американскими журналистами и дипломатами А. Левицки, Дж. Пресселом, А. Натансон, П. Осносом, Дж. Кримски, А. Френдли, Р. Тотом. Обвинение утверждает, что все они были связаны с секретными службами и давали Щаранскому инструкции по подрывной деятельности.

В эту же часть обвинения вошли контакты Щаранского с приезжавшими в Москву представителями зарубежных еврейских общин и сионистских организаций, а также телефонные разговоры Щаранского с известным сионистским деятелем в Англии Майклом Шернборном. В Обвинительном заключении сказано, что представители сионистских организаций давали Щаранскому инструкции по подрывной деятельности в Советском Союзе.

Щаранский обвиняется в организации пресс-конференции после беседы еврейских активистов с зам. заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС Альбертом Ивановым в феврале 1976 г. (Хр.40), пресс-конференции после избиения евреев, пришедших в приемную ПВС 19 октября 1976 г., и пресс-конференции после приема в связи с этим событием выборных представителей отказников министром внутренних дел СССР Щелоковым 21 октября 1976 г. (Хр. 43).

В этой части обвинением использованы в качестве доказательств показания на предварительном следствии свидетелей Липавского, Цыпина, Рябского, Раслина, Адамского. Вещественными доказательствами здесь служат вышеупомянутые документы.

* * *

По ст. 70 УК РСФСР А. Щаранский обвиняется в изготовлении и передаче за рубеж материалов, умышленно порочащих советский обществен-

ный и государственный строй. В Обвинительном заключении говорится, что эти материалы использовались реакционными кругами для срыва важных внешнеполитических мероприятий советского государства и для оказания давления на СССР в ряде внутренних дел. Щаранский был связующим звеном между сионистски настроенными людьми и иностранными корреспондентами. Деятельность Щаранского и его сообщников вдохновлялась и поддерживалась из-за рубежа.

Основной вес обвинения здесь приходится на деятельность Щаранского в Московской группе "Хельсинки". Щаранскому инкриминировались все документы и обращения Группы, которые он подписал. Это документы №№ 2-6, 8, 9, 11-14, 16-19, документ "Оценка влияния ...", ряд обращений и заявлений Группы. Все документы Группы названы в Обвинительном заключении "антисоветскими пасквилями".

По ст. 70 квалифицированы также некоторые коллективные письма еврейских активистов. Это "Обращение к коммунистическим партиям Франции и Италии", написанное в январе 1976 г. накануне XXV съезда КПСС, обращение "В Верховный Совет СССР и Конгресс США", письмо "Еврейским общинам Америки" (по поводу организации "ХИАС") и заявление по поводу смерти полковника Давидовича (Хр. 40). Сюда же относится заявление для печати, сделанное несколькими отказниками, о которых идет речь в телефильме "Скупщики душ", показанном осенью 1976 г. по Центральному телевидению.

В Обвинительном заключении сказано, что материалы, составленные при участии Щаранского или переданные им на Запад, использовались такими враждебными организациями, как издательства "Посев", "Имка-пресс" и "Хроника-пресс", журнал "Континент", радиостанции "Свобода", "Свободная Европа", "Немецкая волна" и "Голос Америки".

Кроме того, Щаранскому по ст. 70 инкриминируется участие в английском телефильме "Рассчитанный риск", снятом в Москве в 1976 г. Включен в обвинение и фильм об Анатолии Щаранском "Человек, зашедший слишком далеко", сделанный английским телевидением после его ареста.

Обвинение использует в качестве доказательств клеветы многочисленные справки из мест заключения, специальных и общих психиатрических больниц, показания должностных лиц, работающих в этих учреждениях, показания бывшего политзаключенного В. Платонова (Хр. 1, 32, 47) и "политического из уголовников" Эпельфельда (политзаключенные 1 мордовского лагеря летом 1977 г. упоминали его в своих письмах в числе тех подонков, которых администрация натравливает на них), а также показания Липавского, Цыпина и вернувшейся из Израиля дочери Давидовича.

* * *

Обвинение утверждает, что Щаранский действовал в корыстных целях, стремясь любой ценой завоевать себе репутацию в глазах определенных кругов Запада и обеспечить тем самым благоприятные условия

в случае выезда за границу. Ссылаясь на несколько денежных переводов, полученных Щаранским в 1973-1974 гг. из-за границы, обвинение утверждает, что его деятельность оплачивалась иностранными спецслужбами.

В Обвинительном заключении сказано, что Щаранский не отрицает свою причастность к изготовлению инкриминируемых ему документов, но виновным себя не признает.

Комментарий к Обвинительному заключению

“Хроника” считает необходимым рассказать о некоторых документах, событиях и лицах, упомянутых в Обвинительном заключении, а также о содержании двух телефильмов, продемонстрированных на процессе в качестве вещественных доказательств.

* * *

Как известно (Хр. 44, 45), особую роль в деле Щаранского сыграл С.Л. Липавский. Познакомившись в 1972-1973 гг. со многими московскими отказниками, он стал постоянно помогать известным активистам как врач. Наблюдая в качестве врача за голодовками протеста еврейских активистов, он сблизился с семьей Виталия Рубина. Вплоть до отъезда Рубиных из СССР Липавский был частым гостем в их доме, где радушно принимались многие знакомые, в том числе и иностранцы. Липавский охотно знакомился и завязывал дружеские отношения с иностранцами. Часто бывал в доме у Рубиных и Щаранский. В конце января 1977 г. Липавский предложил Щаранскому снять на двоих комнату в центре Москвы (оба они были прописаны в Подмосковье), вскоре нашел комнату и любезно перевез туда вещи Щаранского. Поселившись вместе, виделись они редко, т.к. Щаранский в эти дни был целиком загружен работой в атакуемой властями Хельсинкской группе и часто оставался ночевать у знакомых. В конце февраля Липавский неожиданно исчез, а 4 марта в “Известиях” появилось его открытое письмо, содержащее донос на еврейских активистов и саморазоблачение в шпионаже. В марте 1978 г. президент США Картер сообщил прессе, что, проверяя, нет ли Щаранского в списках ЦРУ, он не нашел его, но обнаружил в них фамилию Липавского и выяснил, что Липавский работал на ЦРУ около девяти месяцев.

О свидетельнице Запылаевой известно, что Липавский помог ей снять комнату в коммунальной квартире, где жили Рубины. Липавский постоянно советовал своим знакомым обращаться к Запылаевой для перепечатки на машинке.

О свидетеле Л.Б. Цылине подробно рассказано в статье “По чужому сценарию” (“Вечерняя Москва” от 17 мая 1977 г.). К этому можно добавить, что с тех пор, как в 1972 г. двадцатилетний Леонид Цылин получил отказ в выезде в Израиль (не дали разрешения родители), он

постоянно находился в среде еврейских активистов. В 1976 г. обнаружилось, что Цыпин сотрудничает с органами. Почувствовав, что отношение к нему переменилось, Цыпин сделал несколько неудачных попыток объясниться. Затем он исчез из поля зрения отказников.

Американский журналист Роберт Тот с 1973 по 1977 гг. работал в Москве в качестве штатного корреспондента газеты "Лос-Анджелес Таймс". Среди корреспонденций Р. Тота о Советском Союзе – статьи о развитии науки, о проблемах прав человека, об эмиграционной политике властей. Шаранский иногда помогал Тоту как переводчик. Ни Р.Тот, ни Шаранский никогда не скрывали своего близкого знакомства.

В июне 1977 г., за неделю до отъезда из СССР, Р. Тот был задержан на улице после встречи с биологом Петуховым. Последовало заявление МИД о "недопустимой деятельности" Р. Тота, затем его дважды допросили в КГБ по делу Шаранского (Хр. 46). Спустя некоторое время ТАСС, а затем и "Литературная газета" (31 августа 1977 г.) объявили Тота шпионом. Вернувшись в США, Р. Тот неоднократно публично опровергал эти обвинения.

О Валерии Петухове рассказано в самиздатской корреспонденции М. Поповского "Москвичи о "деле" Р. Тота" (Хр. 46). Поповский пишет, что Петухов – биофизик, имеет докторскую степень, член КПСС. В 1973 г. работал в Швейцарии во Всемирной организации здравоохранения, затем возглавил лабораторию в ГИСК им. Тарасевича. Петухов настойчиво рекламировал свой интерес к проблемам парапсихологии, с этой целью просил Шаранского познакомить его с Тотом. Р. Тот был задержан сотрудниками КГБ сразу же после того, как Петухов передал ему для опубликования на Западе свою статью по парапсихологии. Следствие объявило, что материалы Петухова секретны. По мнению Поповского, Петухов – давний агент КГБ.

Ричард Пайпс – известный американский историк, профессор Гарвардского университета. Пайпс специализируется по русской истории: его тема – либерализм в России. Он автор нескольких книг, неоднократно приезжал в Советский Союз и хорошо известен советским историкам. Летом 1975 г. Пайпс провел в Москве около месяца, работал в научных библиотеках, встречался со многими московскими знакомыми.

Сенатор Брук – участник негритянского движения, крупный политический деятель США. Он приезжал в Москву с официальным визитом в феврале 1976 г. и посетил московских отказников.

Перечисленные в Обвинительном заключении американские корреспонденты и работники посольства Оснос, Кримски, Френдли, Левицки, Прессел, Натансон широко общались с участниками правозащитного движения и еврейскими активистами. Обвинения их в сотрудничестве с ЦРУ впервые появились в советской прессе зимой 1977 г. во время активной кампании по поводу проблемы прав человека.

О списке отказников известно следующее. Еврейские активисты начали вести такой список со времени возникновения длительных отказов в выезде некоторым людям на фоне сравнительно свободной эмиграции большинства подающих документы на выезд в Израиль. Люди, получившие отказ, передавали сведения о себе лицам, ведущим список, непосредственно или "по цепочке" знакомых. Иногда еврейские активисты дежурили в ОВИРах и опрашивали людей, приходящих за ответом на свои заявления. В список заносились фамилия, имя и отчество получившего отказ, город, а иногда и адрес, по которому он проживает, даты подачи заявления и получения отказа, мотив отказа. Поскольку существуют 3 основных причины отказа, в этой графе списка значилось или "служил в армии", или "не дают разрешения родственники", или "по режимным соображениям". (Теперь все чаще появляется запись – "нет воссоединения семей".) В нескольких экстраординарных случаях проставлялось место работы, чтобы продемонстрировать нелепость отказа по секретности.

В списке сохраняются фамилии уже выехавших отказников – нумерация в нем сквозная. (При этом на сегодня в списке насчитывается всего около 800 фамилий, из них около 250 – москвичи, около 150 – ленинградцы.)

Существование этого списка никогда не было секретом ни для широкого круга лиц, подавших заявление на выезд, ни для интересующихся проблемой эмиграции из СССР. Многие отказники знали, кто именно ведет список. Тщательно выверенный, этот список передавался на Запад еврейским организациям, занимающимся эмиграцией советских евреев. Чаще всего его читали по телефону при международных телефонных разговорах. Иногда передавали через приезжающих в СССР представителей еврейских общин.

На основании этого списка велись аналогичные списки за границей. Дополнительным источником информации для них служили рассказы людей, выехавших из Советского Союза. Из-за недобросовестности некоторых информантов заграничные списки пополнялись иногда несуществующими отказниками. Тем не менее общая структура и объем сведений о лицах, получивших отказ, в московских и западных списках совпадают.

Осенью 1976 г. группа еврейских активистов предложила составить отдельный список лиц, которым отказано в выезде по режимным соображениям. Было решено включить в него некоторые сведения об учреждениях, работа в которых послужила причиной отказа. Составители списка придерживались следующей концепции: если формально открытые учреждения, в которых работали отказники, ведут секретные работы, то иностранные фирмы не должны продавать им сложное техническое оборудование, если же это действительно открытые организации, то мотивы отказов – дутые.

Такой список был составлен к февралю 1977 г. Кроме тех сведений, которые содержались в традиционном списке, сюда вошло открытое название места работы и в нескольких случаях фамилии директоров институтов. Иногда были указаны фамилии ранее выехавших сотрудников этих учреждений. Названия предприятий были указаны независимо от того, есть ли на их зданиях вывеска или нет. (В списке оказалось лишь несколько учреждений, на которых нет вывесок.) Руководители названы лишь в том случае, когда это хорошо известные за рубежом "выездные" ученые, с тем чтобы западные коллеги могли ходатайствовать за отказников непосредственно перед ними. Никаких других сведений этот список не содержал. В списке было около 70 фамилий (3 стр. на машинке).

Составление этого списка также не держалось в секрете – желающие попасть в него передавали свои данные сами или через знакомых.

Составители списков пользовались услугами Запылаевой. Они отдавали Липавскому рукописные черновики. Через некоторое время он возвращал их машинописные копии вместе с черновиками. Непосредственно с машинисткой никто, кроме Липавского, дела не имел. В феврале 1977 г., когда был отпечатан список отказников по режимным соображениям, Липавский вернул составителям перепечатанный список без черновика и рассказал путаную историю пропажи черновиков. 4 марта на обысках машинописные экземпляры списка были изъяты. (У Щаранского обыск в этот день не проводили.)

Черновик нового списка был написан Диной Бейлиной, регулярно занимавшейся составлением и сверкой списков и отдававшей их для перепечатки Липавскому. Не вызывает сомнения, что органам КГБ все это было хорошо известно, тем более что Бейлина не скрывала своего участия в составлении списков. В марте 1978 г. давней отказнице Д. Бейлиной было предложено срочно уехать из СССР (Хр. 48, 49). Причастность Щаранского, как и многих других еврейских активистов, к составлению списка ограничивается тем, что он иногда дежурил в ОВИРе или читал списки во время телефонных разговоров с Англией. В составлении списка отказов по режимным соображениям Щаранский вообще не участвовал.

Списки, переданные следствию дворником Захаровым, были найдены им, как зафиксировано в деле, 14 апреля 1977 г. (через месяц после ареста Щаранского). Это была ксерокопия каких-то машинописных списков с пометками на ней рукой Р. Тота. На предварительном следствии Тот показал, что, обсуждая с Щаранским план статьи "Советский Союз косвенно раскрывает центры секретных работ", получил от него совет воспользоваться списками отказников, имеющимися в распоряжении еврейских организаций США и Англии. По рассказам Р. Тота, он собирался сделать серию статей о советских научных учреждениях, удерживающих своих бывших сотрудников в СССР, и о торгующих с ними американских фирмах. Уже первая его статья вызвала недовольство таких фирм, и Тот прекратил работать над темой.

* * *

Упомянутые в Обвинительном заключении встречи Тота с научными работниками, проходившие при участии Щаранского, послужили ему материалом для статей о развитии советской науки, опубликованных в американской прессе. Тот собирал информацию для своих статей также и при официальных встречах с советскими учеными.

Об анкете, присланной Щаранскому женой Рубина, известно, что она пришла в Москву по диппочте американского посольства. Конверт был передан американцами Липавскому. Липавский принес его в дом одного из отказников с просьбой отдать Щаранскому. Сделать это не успели – через несколько дней в доме был обыск, на котором конверт с анкетой изъяли. Анкета была составлена для лиц, получивших отказ по режимным соображениям.

Обращения отказников к американским политическим деятелям подписаны многими людьми, в том числе и Щаранским. В этих документах высказана благодарность за внимание к проблемам отказников, дается положительная оценка защите отказников на Западе, некоторые из них включают информацию о текущем положении дел с эмиграцией. Письма к зарубежным еврейским общинам и сионистскому конгрессу информируют о текущих событиях движения евреев за выезд, содержат просьбы о поддержке в каких-то вопросах или защите тех или иных лиц. Документ "Уроки судов над Ройтбурдом и Малкиным" представляет собой резолюцию собрания еврейских активистов Москвы, под ним стоят подписи 38 человек. В нем выражено беспокойство по поводу уголовного преследования евреев, подавших документы на выезд из СССР, обсуждается проблема призыва таких лиц в армию (Хр. 37).

Во встречах отказников с сенаторами и конгрессменами участвовали еврейские активисты и иностранные корреспонденты. Встречи проходили открыто, Щаранский был на них переводчиком.

Английский телефильм "Рассчитанный риск" рассказывает о проблемах некоторых национальных меньшинств в СССР – крымских татар, немцев, литовцев, евреев. В фильм включено интервью Щаранского об эмиграции, сняты те места Москвы, где проходили демонстрации крымских татар и евреев-отказников. В английский фильм "Человек, зашедший слишком далеко" включены кадры из ленты "Рассчитанный риск", интервью о Щаранском, взятое у еврейских активистов в Москве, интервью с Майклом Шернборном и с женой Щаранского, кадры, снятые на демонстрациях и митингах в защиту Щаранского на Западе.

* * *

На вопрос судьи, признает ли он себя виновным, Щаранский ответил: "Виновным себя не признаю, обвинение считаю абсурдным".

При установлении порядка исследования доказательств прокурор

предложил все, что связано с обвинением в шпионаже, рассмотреть в закрытом заседании. Щаранский категорически возражал — все известные ему материалы следствия и уже зачитанное Обвинительное заключение не содержат никаких секретных сведений, а все, что он собирается говорить, не выходит за рамки Обвинительного заключения. Он добавил, что следствие велось необъективно, об этом говорят многочисленные жалобы допрошенных в прокуратуру. Сам он 1,5 года находился в изоляции, и слава Богу, что хоть в судебном заседании ему удалось увидеть брата. Теперь наиболее абсурдную часть обвинения — в шпионаже — выносят в закрытое заседание. Судья объявил, что решение о закрытом слушании принято в распорядительном заседании суда.

* * *

Затем начался допрос обвиняемого. На предложение дать показания по поводу обвинения и известных ему обстоятельств дела Щаранский отвечал более часа.

Прежде всего, он предупредил, что конкретно по каждому пункту обвинения, письму или заявлению показаний давать не будет, о чем неоднократно заявлял на следствии. Он отвечает на обвинение в целом. Тем не менее он не отрицает своего участия в составлении предъявленных ему документов даже, если это участие ограничилось лишь обсуждением. Щаранский добавил, что готов давать разъяснения по каждому пункту обвинения, если суд будет действительно открытым и на него допустят иностранных корреспондентов, его родных и друзей.

Щаранский сказал, что Советский Союз, ратифицировав в 1973 г. Международный пакт о гражданских и политических правах и другие пакты о правах человека, должен был привести собственные законы в соответствие с этими документами. Однако это не сделано, и в результате возникают многие проблемы. Например, до сих пор не существует законов, четко регламентирующих эмиграцию, — отсюда произвол в этом вопросе. Здесь Щаранский сослался на беседы отказников с А. Ивановым в феврале и октябре 1976 г. (Хр. 40, 43). (Иванов говорил отказникам, что никаких специальных законов об эмиграции нет и не будет.) Щаранский отметил, что его ходатайство о вызове А. Иванова свидетелем суд отклонил.

Далее Щаранский говорил о положении людей, подавших заявление на выезд: такие лица фактически лишаются многих прав, а желание эмигрировать нередко рассматривается властями, как предательство, совершенное под влиянием буржуазной пропаганды. Щаранский приводил конкретные примеры из жизни отказников. Он добавил, что сама система выезда только по "вызову" порочна и является нарушением прав человека.

Щаранский утверждал, что проблема эмиграции не привнесена, а рождена внутри страны, причины ее — экономические, религиозные, национальные, культурные и стремление к воссоединению семей. Одной из

причин эмиграции евреев Шаранский считает "возросший в результате сталинской национальной политики" антисемитизм. Здесь он отметил, что сличение текстов недавно изданной в СССР книги Бегуна "Ползучая контрреволюция" и знаменитых "Протоколов сионских мудрецов" говорит об их идентичности. (Ходатайство Шаранского о приобщении к делу этих книг не увлекло.) Другая причина эмиграции евреев, по мнению Шаранского, — отсутствие в Советском Союзе очагов еврейской культуры. Прокурор спросил, кто же тогда читает книги 70 авторов, пишущих на идиш. Шаранский посоветовал поинтересоваться средним возрастом таких читателей и напомнил, что даже в Еврейской автономной области нет ни одной школы на идиш, а иврит преподавать фактически запрещено. Он может назвать около 20 человек, желающих преподавать иврит официально.

Отвечая на обвинение в связях с сионистскими организациями, сионистскими эмиссарами и т.д., Шаранский кратко рассказал об истории сионизма. Подытожив рассказ словами: "Сионисты — это те люди, которые хотят жить в Израиле или считают Израиль своей родиной", Шаранский сказал, что в этом смысле сам он тоже сионист. Вернувшись к обвинению в связях с сионистами, подсудимый заметил, что существовавший в Советском Союзе Еврейский антифашистский комитет обращался во время войны к еврейским организациям и получал от них миллионы долларов. Но интерес тех же организаций к положению советских евреев рассматривается как вмешательство во внутренние дела, а обращение к ним отказников — как подрывная деятельность.

По поводу обвинений, связанных с поправкой Джексона-Вэника, Шаранский сказал, что она была выдвинута в 1972 г., когда он еще не подавал заявления на выезд и не принимал участия в еврейском движении. Он заявил: "Обвинение в том, что по вине отказников СССР не был предоставлен статус наибольшего благоприятствования в торговле, — абсурдно. Не наша вина, что Советский Союз не смог найти компромиссного решения, как смогла, например, сделать Румыния. Именно нежелание властей выполнять взятые ими международные обязательства привело к поправке". Говоря от имени всех отказников, Шаранский утверждал, что в письмах, обращениях и при встречах с политическими деятелями США они призывали к компромиссам; следствие и обвинение выдергивают одну часть обращений отказников, не желая видеть другой.

Коротко коснувшись обвинения в шпионаже, Шаранский сказал, что списки отказников существовали еще до того, как он начал активно заниматься проблемой выезда. Они не содержат ничего секретного, и их составление никогда не было тайной.

Шаранский говорил, что нелепо называть его встречи с иностранцами конспиративными. В частности, он рассказал о встрече с сенаторами и конгрессменами: она состоялась по инициативе американцев и проходила в холле гостиницы "Россия" при участии множества иностранных корреспондентов. На вопрос прокурора, почему не были пригла-

шены советские корреспонденты, Щаранский ответил: "В этом зале сидят советские журналисты, можно задать им вопрос, пошли ли бы они по такому приглашению". Он рассказал, что было сделано несколько попыток пригласить работников советской прессы, а также корреспондентов восточно-европейских газет и западных коммунистических газет "Унига" и "Юманите".

Перейдя к обвинению в составлении документов Хельсинкской группы, Щаранский рассказал, что основным источником информации были беседы с людьми, о которых идет речь в документах.

Здесь прокурор принял активное участие в допросе подсудимого. Его вопросы и реплики сводились к тому, что Щаранский не был осведомлен о фактах, изложенных в документах.

В связи с документом № 9 прокурор спросил, был ли сам подсудимый в колхозе "Россия". Щаранский ответил, что его задержали в нескольких километрах от села Ильинка, но тем не менее он встречался с колхозниками из "России" и знает, что там есть около 70 человек, намеренных эмигрировать из СССР. Щаранский отметил, что следствие допросило четырех человек, не собирающихся покидать Советский Союз, но даже из этих допросов ясно, что в колхозе есть желающие эмигрировать.

Относительно документа № 8 прокурор сказал, что публично поднимать вопрос о больных людях неэтично — больных это травмирует. Он добавил, что Щаранский — не врач. В ответ Щаранский процитировал отрывки из историй болезней, включенные следствием в его дело. Плющ — "Страдает манией реформаторства, нуждается в дальнейшем лечении." Сивак (Хр. 43) — "Страдает манией выезда", а в конце медицинского заключения: "Мании выезда больше нет. Подлежит выписке."

По поводу документов Группы о тюрьмах и лагерях Щаранский сказал, что изложенные в них факты известны от заключенных или от их родственников. Подсудимый добавил, что в настоящее время у него появились собственные впечатления — во время следствия он дважды сидел в карцере. Прокурор решил выяснить, заслуженно ли Щаранский попал в карцер. Анатолий ответил: "Речь здесь идет об условиях. Что же касается причин заключения в карцер — могу говорить и об этом". Судья прервал Щаранского.

Затем прокурор завязал с Щаранским дискуссию по поводу документа "Уроки судов над Малкиным и Ройтбурдом". Спор зашел о том, должны ли отказники призываться в армию и не служило ли порой желание эмигрировать причиной призыва. Щаранский говорил, что подача документов на выезд привела Малкина к исключению из института, а это, в свою очередь, к призыву в армию.

Около часа заняло выяснение подробностей биографии подсудимого. Завязался долгий спор о семейном положении Щаранского — в документах, представленных суду, он числится холостым, хотя в 1974 г. он заключил брак с Натальей Штиглиц (Авитель Щаранской) соглас-

но иудейскому обряду. Используя иудаистскую терминологию, судья и прокурор выясняли, все ли детали иудейского свадебного обряда были соблюдены. По просьбе прокурора к делу приобщили ходатайство раввина московской синагоги Фишмана в Верховный раввинат Израиля об аннулировании религиозного брака Щаранских. Щаранский возражал, что в современном иудаизме имеются разные мнения по этому вопросу, а его свидетельство о браке подписано одним из самых крупных авторитетов в этой области — Маневичем.

Спросил прокурор и о том, дискриминировались ли Щаранский или члены его семьи как евреи. Щаранский не стал отвечать на этот вопрос.

* * *

В закрытых заседаниях, проходивших 11 июля и в первой половине дня 12 июля, рассматривалось обвинение в шпионаже. Было допрошено 12 свидетелей: Липавский, Цыпин, Рябский, Рухадзе, Раслин, Игольников, Адамский, Захаров, Запылаева, Доронина, Смирнова, Панченко.

Показания Липавского и Цыпина соответствовали тому, что было опубликовано в газете "Известия" 5 марта 1977 г. и 8 мая 1977 г. (в московском вечернем выпуске соответственно 4 марта и 7 мая) и в газете "Вечерняя Москва" 17 мая 1977 г. Эти показания легли в основу обвинения Щаранского в шпионаже.

Показания свидетеля Рябского по сути мало отличались от показаний Липавского и Цыпина. (Рябский — один из знакомых Виталия Рубина. О нем известно лишь, что он отказался от своего намерения выехать в Израиль.)

Конкретные подробности показаний киевлянина Раслина не известны. (Раслин — бывший отказник, раздумавший эмигрировать, он — герой публикаций в киевской прессе, аналогичных статье о Цыпине.)

Отказник из Вильнюса Петр Адамский показал, что привозил в Москву список вильнюсских отказников. В Москве ему говорили, что списки будут отправлены за границу, чтобы показать фиктивность "режимных отказов" и помочь тем самым отказникам выехать.

Показания Липавского, Цыпина, Рябского, Адамского, Раслина вышли за пределы обвинения в шпионаже и касались всех пунктов Обвинительного заключения. В связи с этим Щаранский ходатайствовал о вызове этих свидетелей в открытое заседание.

О показаниях Игольникова и Рухадзе ничего не известно. (Игольников — житель Минска, был дружен со многими отказниками, собирался эмигрировать. Рухадзе — отказник из Грузии.)

Запылаева показала, что печатала списки отказников и что приносил и забирал эту работу Липавский; он говорил, что это делается для Щаранского. На вопрос Щаранского Запылаева ответила, что сам Анатолий никогда к ней не обращался.

Свидетельницы Смирнова и Доронина — хозяйки квартир, из ко-

торых Щаранский говорил по телефону с Майклом Шернборном. Одна из них сказала, что во время этих разговоров бывала на кухне, другая — что помнит, как Щаранский диктовал по телефону фамилии, но, чтобы он диктовал при этом другие сведения, она не слышала.

Свидетельница Панченко, приятельница выехавшей из СССР в январе 1977 г. Лидии Вороной (Хр. 44), давала показания о бумагах, изъятых у нее во время обыска 4 марта 1977 г. (Хр. 44). Она хранила эти бумаги, не заглядывая в них, считала, что они принадлежат Лидии Вороной.

Вопросы Щаранского к свидетелям часто отклонялись судьей. Все свидетели были допрошены 11 июля.

Кроме того, в открытом заседании были оглашены показания Р. Тога и В. Петухова. В качестве вещественных доказательств были рассмотрены уже упомянутое письмо Виталия Рубина и анкета, списки, перечисленные в Обвинительном заключении, а также записные книжки Щаранского. В записных книжках были обнаружены фамилии и адреса 15 отказников, значащихся в списке. Суд счел это доказательством того, что списки составлял Щаранский. Ни на одном из имеющихся в деле или предъявленных суду документов не стоял гриф секретности. Ни один из списков оглашен не был.

Кроме того, суд рассмотрел некие официальные документы о пребывании в СССР иностранцев, с которыми Щаранский поддерживал преступные связи, и о контактах этих иностранцев с разведслужбами.

В заключении, данном экспертизой, по поводу списков говорится, что содержащиеся в них сведения "по совокупности являются государственными секретами и в целом составляют государственную тайну Советского Союза", а относительно анкеты — что при заполнении некоторых ее граф могут быть указаны секретные сведения.

* * *

12 июля в открытом заседании допрашивались Сухачева, Емельянова, Платонов, Гаськова, Абрамов, Сусихина и Щербаков. По ходатайству Щаранского были дополнительно приглашены Липавский, Рябский и Цыпин. О Раслине и Адамском сказали, что они уже выехали из Москвы.

Сослуживец Щаранского Щербаков рассказал о его поведении на работе: до подачи заявления на выезд работал хорошо, потом стал пренебрегать работой. Соседка Л. Вороной Ирина Сусихина показала, что Щаранский жил у Вороной и что в квартире бывал Роберт Тот. Однажды она видела, как Щаранский передал Тоту страниц 30-40 какого-то текста. Что там было написано, она не знает. О Щаранском она сказала, что он выдержанный, воспитанный человек. По настоянию судьи Сусихина подтвердила показания, данные ею на предварительном следствии, что Щаранский оставлял на кухне немытую посуду.

Врач Владимирской тюрьмы Л. Сухачева, как и на процессе Орлова, заявила, что медобслуживание в тюрьме нормальное, и привела при-

мер заключенного Федоренко (Хр. 38, 39, 43, 44), которого лечат от гастрита. (В документе № 17 сказано, что у Федоренко крайнее истощение, явления паралича.)

Врач из Мордовских лагерей Емельянова утверждала, что в камерах температура 18°–24°. (Она также была свидетелем на суде над Орловым.)

Вячеслав Платонов рассказал о событиях, связанных с голодовкой Гинзбурга и его друзей в лагере в 1969 г., о том, как собиралась информация о голодовке и других событиях, как в лагере художником Юрием Ивановым были написаны портреты заключенных. Он дал показания, которыми интересовалось следствие по делу Гинзбурга (Хр. 46, 47). Сам Платонов заявил, что не понимает, какова его роль на данном процессе, поскольку с Щаранским он не знаком. На вопрос о медицинском обслуживании и питании в лагере ответил: нормально, сносно. На вопрос судьи, заслуженно ли он понес наказание, ответил: "Да, но могли бы дать срок поменьше".

Основное время заняли допросы, касающиеся деятельности Щаранского как еврейского активиста.

Зам. директора по кадрам консервного комбината из г. Дербента Абрамов рассказал о своих выступлениях, в которых он клеймил сионистов. Он подчеркнул, что к выступлениям готовился сам. По-видимому, показания Абрамова (он – горский еврей, или тат) должны были послужить доказательством клеветнического характера одного из писем отказников, в котором говорилось, что выступления на митинге в Дербенте были заранее подготовлены. На вопрос судьи, что ему известно о еврейской культуре, ответил, что до войны были еврейские школы, но так как желающих учиться в них нет, то нет и школ. Лично ему татский язык не нужен.

На суд была вызвана дочь полковника Давидовича С.Е. Гаськова. Сейчас, вернувшись из неудачной эмиграции в Израиль, она живет в Минске. Во время допроса Гаськова почти все время молчала и плакала, поэтому судья огласил ее показания на предварительном следствии. В этих показаниях говорилось о плохой жизни в Израиле, о том, что их семью спровадили в эмиграцию такие "сионистские эмиссары" как Полячек, Овсицер, Липавский, Рубин, Зайцев, Ратнер. Прокурор задал Гаськовой вопрос о коллективном письме памяти Давидовича (Хр. 40; это письмо инкриминируется Щаранскому по ст. 70).

Прокурор. Щаранский и другие возложили ответственность за смерть Давидовича на Советскую власть. (В письме сказано: "Убит органами КГБ" – Хр.)

Гаськова. Это их личное мнение.

Видя состояние Гаськовой, Щаранский сказал ей: "Если Вы не хотите отвечать на мои вопросы, я не стану спрашивать". Гаськова отвечать согласилась, но часть вопросов Щаранского были сняты судьей, а на остальные она не ответила. О письме Щаранский сказал, что в нем из-

ложена позиция друзей и поэтому с родственниками оно не согласовывалось.

Показания Рябского, Цыпина, Липавского по стилистике были близки к Обвинительному заключению и речи прокурора.

Рябский. Деятельность Щаранского сводилась к искажению эмиграционной политики Советского Союза. ... Щаранский был ответственен за контакты с иностранцами. Сначала он выполнял функции переводчика, а затем стал организатором различных националистических сборищ для дискредитации эмиграционной политики СССР ... Еврейские активисты присваивали себе деньги, предназначенные сионистскими организациями для всех отказников.

Цыпин. Деятельность Щаранского многопланова, он – автор многих писем, собирал подписи к воззваниям по поводу поправки Джексона, изготовил письмо, в котором утверждалось, что евреи довольны этой поправкой ... На встрече с сенаторами настаивал на более жестком курсе и остался ею недоволен.

Цыпин рассказал о том, что Щаранский составлял письмо о Малкине и Ройтбурде. Щаранский намеревался "поставить в тяжелое положение" на XXV съезде КПСС руководителей итальянской и французской компартий, т.к. хотел передать корреспондентам письмо отказников к руководству этих компартий.

Цыпин сказал, что конспиративные встречи Щаранского проходили в кафе на Кутузовском проспекте. Упомянул о знакомстве Щаранского с Натансон, Левицки, Кримски. Сказал, что к Щаранскому обращались многие отказники, его часто искали у синагоги. Щаранский, по словам Цыпина, собирался с несколькими приятелями создать организацию "Шерут Алия" с президиумом и секретариатом. Цыпин сообщил, что Щаранский был связующим звеном между алией и "группой Сахарова", был переводчиком у Сахарова; Цыпин дал показания, что Щаранский читал "провокационные книги на английском языке", "Ленин в Цюрихе" и как учебник изучал "Архипелаг ГУЛаг". Подсудимый давал свидетелю читать книги "злобного антисоветчика" Д. Минни, просил наладить передачу книг диппочтой.

Липавский. Щаранский предложил операцию с письмом итальянской и французской компартиям... Щаранский по совету с Запада сфабриковал письмо отказников по поводу намечающегося закрытия еврейской организации ХИАС. (По мнению Липавского, именно благодаря этому письму ХИАС не был закрыт.)

Липавский сказал, что письмо о Ройтбурде и Малкине нужно было для того, чтобы хоть с чем-нибудь обратиться к претендентам на пост президента США.

Липавский много говорил о съемках фильма "Рассчитанный риск". По его словам, Щаранский в этом фильме – режиссер, комментатор и главное действующее лицо. Щаранский ездил со съемочной группой по Москве и показывал, где происходили демонстрации "хунвейбинов". После съемок этого фильма Щаранский стал "кинозвездой",

его хотели пригласить на съемки других таких же фильмов. Отвечая на вопрос Щаранского, Липавский сказал, что все это ему известно по рассказам.

Так же много рассказывал Липавский и о поездке в колхоз "Россия". Он возил туда на своей машине Слепака и Щаранского, которые везли "срочно заготовленные в американском посольстве" вызовы для колхозников. При подъезде к Ильинке их машину задержали, был сделан обыск и изъяты все бумаги.

Липавский утверждал, что Прессел и Левицки, секретари американского посольства, – агенты ЦРУ; Щаранский же дружил с обоими.

Все три свидетеля не жалели красок:

Рябский. Рубин и Щаранский – это троянский конь для нагнетания антисоветских настроений на Западе.

Цыпин. Щаранский получал лестные отзывы от злобно настроенных корреспондентов.

Липавский. Я прихожу к выводу, что основная цель, которую преследовал Щаранский в своей деятельности, – изменение существующего в СССР строя. Анатолий Борисович, неужели при вашем аналитическом уме, при вашей памяти на цифры и даты вы могли забыть, что неоднократно делались такие попытки нашими врагами? ... Все безуспешно. Неужели вы думали, что вам позволят поднять руку на Советскую власть?

Липавский неоднократно обращался к подсудимому с риторическими вопросами, но однажды ему удалось задать вопрос и судье.

Липавский. Щаранский, работая в Хельсинкской группе, много говорил о разьединенных семьях... К кому же собирается ехать сам Щаранский?

Судья. Он утверждает, что к жене.

Липавский (разводя руками). Позвольте, о какой жене идет речь? Никакой жены у него нет!

Во время допросов эти свидетели вольно обращались с фактами, цифрами и датами:

Рябский. Пайпс советовал создать Хельсинкскую группу.

Щаранский. Но Хельсинкское соглашение было подписано только через два месяца после приезда Пайпса.

Щаранский (Цыпину). Приходилось ли Вам присутствовать на конспиративных встречах с иностранными корреспондентами в кафе?

Цыпин. Мне – нет. Но я знаю об этих встречах по рассказам.

Щаранский (Липавскому). Я все-таки вынужден вернуться к цифрам и фактам. 12 марта 1977 г. вы в своих показаниях утверждали, что приехавший в Москву конгрессмен Брук привез отказникам от Джексона проект письма. В связи с этим я спрашиваю, были ли вы на этой встрече с Бруком?

Липавский. Нет, не был.

Щаранский. Почему же на предварительном следствии вы заявляли, что были на встрече?

Этот и многие другие вопросы Щаранского к этим трем свидетелям остались без ответа.

12 июля, по мере допроса свидетелей, обстановка становилась все более нервной. Судья часто обрывал Щаранского, снимал его вопросы свидетелям. В то же время он подбадривал Рябского, Цыпина, Липавского. Если они останавливались, помогал им вопросами. Молчавшая в первый день публика оживилась, в зале начали раздаваться смех и реплики слушателей.

В конце судебного заседания судья сообщил, что для дачи показаний была вызвана мать Щаранского, но она до сих пор не явилась. Он обратился за разъяснением к сидящему в зале брату подсудимого. Леонид Щаранский ответил, что мать неоднократно сообщала Верховному суду РСФСР и данной выездной сессии о мотивированном отказе от участия в суде в качестве свидетеля. Он добавил, что в зале есть свободные кресла и место матери здесь, а не на улице, у здания суда. Судья отправил распорядителей в переулочек за матерью обвиняемого. На приглашение выступить в суде мать Щаранского ответила, что согласна на это только в том случае, если ее вызывает сам Анатолий, в противном случае она, как и прежде, отказывается быть свидетелем и требует пропустить ее в зал, чтобы присутствовать на процессе. Когда распорядитель сообщил об отказе И.П. Мильгром явиться, судья заявил, что по закону можно доставить свидетеля приводом, но к пожилой женщине и матери обвиняемого эту меру применять не будут.

* * *

Утром 13 июля суд приступил к осмотру вещественных доказательств. Сначала был рассмотрен ряд материалов, служащих доказательством шпионажа: анкета для отказников с запиской к Щаранскому на обороте, "инструктивное" письмо Рубина к Щаранскому (оба эти документа оглашены не были), показания Липавского о его, Липавского, связи с ЦРУ, заявление МИД посольству США по поводу задержания Р. Тота после встречи с Петуховым. Было зачитано заявление Липавского со списком вещей Щаранского, переданных Липавским в КГБ из квартиры, которую он снимал с Щаранским (Хр. 44). Щаранский заявил, что анкету он впервые увидел на следствии и что во время предварительного следствия он неоднократно ходатайствовал об очной ставке с Петуховым, но ее так и не провели.

Затем были представлены коллективные документы отказников, инкриминируемые Щаранскому по ст. 64 и по ст. 70 (ни один документ оглашен не был). Щаранский возражал против утверждения, будто письмо от 12 января 1976 г. (о поправке) составлено по указанию сенатора Джексона.

По поводу заявления еврейских активистов о телефильме "Скупщики душ" Щаранский заметил, что в деле имеются также пришедшие на телевидение отзывы зрителей на этот фильм. Они носят антисемитский

характер, а в инкриминируемом ему заявлении говорится именно о том, что фильм возбуждает ненависть к евреям.

Затем были продемонстрированы английские телефильмы "Рассчитанный риск" и "Человек, зашедший слишком далеко". Демонстрация фильмов сопровождалась синхронным переводом. Щаранский отметил, что переводчик опережал текст фильма и в переводе много неточностей. На вопрос прокурора, знал ли он, что фильм "Рассчитанный риск" будет демонстрироваться на Западе, Щаранский ответил, что дал английскому телевидению обычное интервью для открытого использования. Прокурор спросил, почему Щаранский, говоря о выехавших из СССР немцах, называет число 10 тысяч. Щаранский ответил, что в официальных справках о выезде немцев сказано даже, что их около 20 тысяч. Он добавил, что ходатайствовал о приобщении этих справок к делу, но ему в этом отказали. На вопрос прокурора, откуда у Щаранского сведения о плохом положении немцев в Средней Азии, Щаранский ответил, что не говорил об этом; этот вопрос – результат неаккуратности перевода: дикторский текст приписали ему.

Затем прокурор ходатайствовал о приобщении к делу писем Давидовичей из Израиля. Кроме того, он просил привлечь в качестве вещественных доказательств информацию из Внешпосылторга о сумме переводов, пришедших на имя Щаранского. (Все переводы относятся к концу 1973 г. – началу 1974 г., они присланы из Англии и Швейцарии, их общая сумма около 500 инвалютных рублей; в справке суммы переводов указаны в иностранной валюте без учета пошлины.) Затем прокурор попросил приобщить в качестве вещественного доказательства копировальную бумагу, переданную Липавским следствию из их с Щаранским квартиры. Экспертиза показала, что на ней имеются отпечатки части списков, найденных во дворе дома, где жил Р. Тот. Щаранский заявил, что и сам этот список, и копировальную бумагу он впервые увидел во время следствия. Суд удовлетворил все ходатайства прокурора.

* * *

13 июля в 14.30 начались прения сторон.

Прокурор Солонин говорил около 3 часов. Пересказ Обвинительного заключения он комментировал в духе газетных статей на тему идеологической борьбы и прав человека.

Под крики публики "Правильно" и аплодисменты Солонин заявил, что государственное обвинение считает Щаранского виновным – виновность его вытекает из всего фактического материала, рассмотренного на судебных заседаниях. Кроме того, Щаранский субъективно враждебно настроен, о чем свидетельствуют Цыпин, Липавский, Рябский. Об этом говорит и его устойчивая связь с враждебно настроенными корреспондентами и дипломатами. Прокурор отметил, что Щаранский призван к ответу не за взгляды, а за нарушение законов. Сказал, что Щаранскому терпеливо разъясняли уголовную наказуемость его дей-

ствий, но это не помогло. Прокурор заявил: "Государственному обвинению совершенно ясна преднамеренность и наличие умысла на подрыв военной мощи СССР в действиях Шаранского". Исходя из того, что Шаранский не раскаялся, прокурор считает справедливым применить к нему "самое суровое наказание", но, учитывая смягчающие обстоятельства – его возраст и первую судимость, предлагает 15 лет лишения свободы в лагерях строгого режима с отбыванием первых трех лет в тюрьме.

* * *

Защитительную речь Шаранский начал словами: "Я прекрасно понимаю, что защищаться в таком полуоткрытом суде со специально подобранной публикой совершенно безнадежная задача. Тем более что я был обвинен в официальной прессе – газете "Известия" – еще за полтора года до суда, за десять дней до ареста и даже за неделю до открытия моего дела. Моя общественная деятельность была трансформирована в классовую, а моя открытая информативная деятельность – в измену и шпионаж. У меня нет никаких сомнений в том, что суд поддержит требование прокурора."

Отметив, что жизнь людей не исчерпывается наличием разных экономических систем в современном мире, Шаранский перешел к теме национального возрождения еврейского народа. В свое время дело Дрейфуса послужило толчком к возникновению сионистского движения, а события, пережитые советскими евреями в 1948-1952 гг., в особенности "дело врачей", привели к появлению среди них желающих эмигрировать в Израиль. В пятидесятые годы такие люди оказались в тюрьмах и лагерях, но в шестидесятые движение евреев за эмиграцию возродилось. Шаранский считает выезд евреев из СССР естественным явлением и связывает его с возникновением у советских евреев национального самосознания. Шаранский заявил, что именно движение евреев за выезд было той почвой, на которой основывалась вся его деятельность.

Далее Шаранский вновь повторил, что не будет вести защиту по каждому отдельному факту и коснется только некоторых, чтобы показать, каким образом придавалась окраска его делу.

Говоря об эпизоде с сенатором Бруком, Шаранский указал, что здесь обвинение полностью основывается на показаниях Липавского, особенно сбивчивых в этой части. Помимо хронологических неувязок в показаниях Липавского, необходимо учесть, что Брук – республиканец и не мог помогать в предвыборной кампании демократу Джексону. У отказников с Бруком состоялась единственная двухчасовая встреча, Липавский на этой встрече не присутствовал, его показания по этому пункту лживы.

Сопоставляя даты, Шаранский продемонстрировал ложность показаний Рябского о встрече с Ричардом Пайпсом. Шаранский сказал, что действительно виделся с Пайпсом и беседовал с ним о его книге по

истории, но фигурирующие в обвинении подробности этой встречи выдуманы Рябским.

На закрытом заседании суда Липавский показал, что Щаранский и Рубин якобы добивались, чтобы знакомый им дипломат Майлс использовал свои связи для прекращения поставок зерна в СССР. Щаранский особо подчеркнул, что в этом вопросе его позиция была полностью противоположной. Он сказал: "Я считал и считаю, что позиция, приписываемая мне Липавским, антигуманна."

Щаранский указал, что все, о чем говорит Липавский, известно ему с чужих слов. "Наиболее зловецца роль Липавского как свидетеля в показаниях, связанных со шпионажем. Жаль, что эти показания давались в закрытом судебном заседании." Щаранский сказал, что "улики" – копия, переданная Липавским, кусок списка, найденный дворником Захаровым, анкета с запиской от жены Рубина – не имеют никаких пометок, сделанных его рукой, и он впервые увидел их во время следствия. Затем Щаранский заявил, что, несмотря на то что Липавский неоднократно предлагал ему обращаться к машинистке Запылаевой, он никогда ни лично, ни через Липавского, ни в присутствии Липавского никаких материалов для перепечатывания Запылаевой не передавал.

По поводу статьи Роберта Тота "Советский Союз косвенно раскрывает центры секретных работ" Щаранский сказал, что в ней идет речь о тех отказниках, которые сами передавали информацию о себе для открытого использования на Западе. О показаниях Р. Тота на предварительном следствии Щаранский рассказал, что в их русском и английском текстах имелись большие расхождения. Он неоднократно указывал на это следствию. Согласился с ним и переводчик. Потребовалось более месяца, чтобы добиться внесения корректив в русский текст. Тем не менее в Обвинительном заключении фигурирует старый искаженный текст.

Щаранский высказал уверенность, что за всеми этими фактами стоит одна цель – скомпрометировать его обвинением в шпионаже, поставить вне закона.

Перейдя к обвинению по ст. 70, Щаранский сказал: "Я считаю аморальным привлекать к уголовной ответственности за то, что человек выступает в защиту другого." Повторив о документах Хельсинкской группы все, что он говорил в начале процесса, Щаранский добавил: "Хочу сказать, что я лично познакомился с пятидесятниками. Это честные, открытые люди. Они хотят продолжать жить в своей общине, жить так, как подсказывают им их религиозные воззрения".

Щаранский подчеркнул, что его деятельность была открытой и он ни в коей мере от нее не отрешивается. Он считает, что все документы, которые он составлял, правдивы и никакой клеветы в них не было.

Кончая защитительную речь, Щаранский вновь заявил, что считает себя невиновным, а обвинения, выдвинутые против него, тенденциозными и абсурдными.

* * *

14 июля Щаранский произнес последнее слово:

На допросах в марте-апреле 1977 г. руководители следствия предупреждали меня, что при позиции, занятой мной во время следствия, — такой же, какой я придерживался в суде, — мне грозит расстрел или, как минимум, 15 лет. Мне говорили, что, если я соглашусь сотрудничать с органами для уничтожения еврейского эмиграционного движения, меня ждет небольшой срок, скорое освобождение и даже встреча с женой.

5 лет назад я подал заявление на выезд в Израиль. Сейчас, как никогда прежде, я далек от своей мечты. Казалось бы, следовало сожалеть о случившемся, но это не так — я счастлив.

Я счастлив, что жил честно, в мире со своей совестью, никогда не кривил душой, даже тогда, когда мне угрожали смертью. Я счастлив, что помогал людям. Я счастлив, что познакомился и работал с такими честными и смелыми людьми, как Сахаров, Орлов, Гинзбург — продолжателями традиций русской интеллигенции. Я счастлив, что являюсь свидетелем возрождения евреев в СССР. Надеюсь, что абсурдные обвинения мне и всему еврейскому эмиграционному движению не помешают освобождению моего народа.

Мои близкие и друзья знают, как я хотел сменить свою деятельность активиста эмиграции на жизнь со своей женой в Израиле.

Более двух тысяч лет мой народ рассеян, но, где бы ни находились евреи, они каждый раз повторяли: "В следующем году — в Иерусалиме!" Сейчас, когда я как никогда далек от моего народа, моей Авиталь и мне предстоит многие тяжелые годы заключения, я говорю моему народу, моей Авиталь: "В следующем году — в Иерусалиме!"

Суду же, который должен лишь утвердить заранее вынесенный приговор, мне сказать нечего.

* * *

Суд совещался более 4 часов. Приговор практически повторял Обвинительное заключение. Чтение его заняло около двух часов.

Суд приговорил Щаранского к 13 годам лишения свободы с отбыванием первых трех лет в тюрьме, а последующих — в лагерях строгого режима. Приговором предусмотрена конфискация имущества. Кроме магнитофона, калькулятора, фотообъектива и двух пишущих машинок, принадлежащих Щаранскому, в число конфискованных вещей попали 3 пишущие машинки, изъятые на обысках 4 марта у других отказников.

Зал встретил приговор аплодисментами и криками "Повесить надо!". Во время процесса мать Щаранского по несколько раз в день обра-

щалась к коменданту и другим распорядителям с просьбой пропустить ее в зал. Ей или не отвечали, или обещали передать просьбу членам суда. Не пустили ее и на чтение приговора. За время процесса она направила несколько телеграмм выездной сессии, слушавшей дело Щаранского, в Верховный суд РСФСР, в Верховный Совет СССР с просьбой вмешаться и дать ей возможность присутствовать на суде.

* * *

Ежедневно у здания суда собирались родные и друзья подсудимого. Ближе к суду их не подпускали — для них было отведено место в глухом переулке по соседству.

На время слушания дела власти приняли чрезвычайные меры предосторожности. Переулок, в который выходит здание суда, был с двух сторон перегорожен цепями милиционеров и дружинников; был перегорожен также перпендикулярный переулок. Все подходы к суду со дворов и переулков были перекрыты железными загородками или проволочными сетками. Со стороны суда вдоль этих заграждений толпились оперативники. В радиусе нескольких кварталов во всех дворах стояли оперативные машины и прогуливались агенты. По минимальным подсчетам, в окрестностях одновременно находилось не менее 300 оперативников. Милицейскую охрану привозили на нескольких вместительных автобусах. В день приговора в переулке стоял еще и автобус с дружинниками, но наружу их так и не выпустили.

Тщательно охранялось здание суда — его патрулировало около полусотни милиционеров, в зале заседаний кроме охраны было несколько десятков оперативников. Леонида Щаранского по пути в зал несколько раз останавливали часовые и проверяли паспорт. Перед входом в зал его проверяли портативным прибором, реагирующим на металлические предметы, затем прощупывали одежду. Несколько раз охрана подходила к Леониду с прибором прямо в зале.

Ничего подобного не было ни в октябре 1968 г., когда в этом же здании судили "демонстрантов" (Хр. 4), ни в июне 1978 г. во время суда над И. Бегуном (см. наст. вып.).

Не менее бдительно охранялся и сам подсудимый — в здании суда постоянно находился либо начальник, либо зам. начальника Лефортовской тюрьмы. Привозили и увозили Щаранского в специальном фургоне с сиреной и световой сигнализацией. Вблизи здания суда обязательно включали сирену, чтобы Анатолий не услышал приветствия друзей.

В переулке, где стояли друзья Щаранского, оперативники вели себя корректно. "Народ" почти не собирался, немногие "представители" были, в основном, молчаливы. Даже в день приговора, когда к суду собралось больше сотни людей, в переулке было относительно спокойно. Особое внимание оперативников сосредоточилось лишь на людях с нееврейской внешностью и на тех, лица которых еще не примелькались возле судов. Таких людей иногда задерживали, проверяли у них документы, а порой — сумки и портфели, обещали сообщить на рабо-

ту. Досталось и нескольким случайным прохожим. С ними оперативники не старались быть слишком вежливыми.

Многие иностранные корреспонденты и дипломаты просили у властей разрешение присутствовать на процессе. Такой возможности им не дали — они стояли вместе с советскими гражданами на улице, но во время процесса для них работал пресс-центр, дважды в день выдававший информацию о судебных заседаниях. Адекватно в этих сообщениях отразились лишь процедурные моменты, общая часть Обвинительного заключения и речь прокурора.

* * *

В августе А. Шаранский прибыл во Владимирскую тюрьму.

СУД НАД ПЯТКУСОМ

С 10 по 13 июля Верховный суд Литовской ССР рассматривал дело Виктора Пяткуса, обвинявшегося по ч. 2 ст. 68 ("Антисоветская агитация и пропаганда"), ст. 70 ("Организационная деятельность ..., а равно участие в антисоветской организации"), ч. 2 ст. 122 ("Мужеложство") и ч. 3 ст. 241 ("Вовлечение несовершеннолетних в ... пьянство") УК Лит. ССР. Состав суда: председательствующий — Игнотас (Хр. 32, 38, 39, 40), народные заседатели — Е. Бедульская и Ю. Дабулявичус. Государственный обвинитель — прокурор Бакученис (Хр. 32, 36, 37, 38, 44), общественный обвинитель — директор Вильнюсской средней школы им. А. Веноулиса А. Дзиска ("Хроника" сообщала об исключении семи юношей из этой школы — см. Хр. 42, 43). Защитника на суде не было.

* * *

В. Пяткус (1928 г.р.) в первый раз был арестован в 1948 г. и осужден за "антисоветскую агитацию и пропаганду". Второй раз его арестовали в 1957 г. и по такому же обвинению дали 8 лет. Наказание Пяткус отбывал в Мордовии.

После освобождения Пяткус работал в Обществе народного искусства Литовской ССР, некоторое время служил ризничим в церкви, перед арестом был техником в больнице.

Пяткус хорошо знал литовскую литературу, историю, искусство. В течение нескольких лет он работал над переводом Библии. (До сих пор нет полного перевода Библии на литовский язык.)

Вокруг Пяткуса постоянно собиралась молодежь, с которой он занимался историей Литвы и литовской культуры, вел религиозные беседы. КГБ принимал меры, чтобы прекратить общение Пяткуса с молодежью (Хр. 40, 42, 43).

Пяткус — один из основателей Литовской группы "Хельсинки" (Хр. 43). 23 августа 1977 г. его арестовали (Хр. 47). О следствии по его делу см. Хр. 47, 48, 49.

* * *

В большом зале (более 100 мест) присутствовало человек 40 "специалистов". Тем не менее многочисленным друзьям Пяткуса и сочувствующим сказали, как обычно, что "мест нет". В здание суда войти можно было; в фойе, у самых дверей зала заседаний, собиралось человек 50 и более. Многие приехали на суд из других городов.

У В. Пяткуса из родственников в живых остался только один брат Чесловас, живущий в деревне и работающий пастухом. Ч. Пяткус узнал о суде над братом случайно и только в последний день суда.

Пяткус, не принимавший никакого участия в предварительном следствии, отказался также от всякого участия в судебном процессе: он демонстративно игнорировал судебную процедуру, конвоиры ввели его в зал, держа ему руки за спиной, он не вставал, когда входил суд и когда к нему обращался судья, не отвечал на вопросы, не делал никаких заявлений. Даже приговор он выслушал сидя.

В первый день было оглашено обвинительное заключение. Как можно понять из приговора, по ст. 68 УК Лит. ССР Пяткусу инкриминируются 12 документов Литовской группы "Хельсинки" (Хр. 43, 47) и хранение "антисоветской" литературы, в том числе — четырех номеров журнала "Бог и Родина" (Хр. 43, 46); по ст. 70 — попытка организации "Главного комитета национальных движений Эстонии, Латвии, Литвы" ("Комитета Эс-Ла-Ли"; см. Хр. 47) и, возможно, участие в создании Литовской группы "Хельсинки"; про обвинение по ст. 122 в приговоре написано, что 15 марта 1973 г. Пяткус, подпоив Римантаса Чивилиса, "грубо совершил с ним половой акт".

На суд было вызвано 30 свидетелей, явились 25 человек.

* * *

11 июля с утра были допрошены свидетели по ст. 122 — Римантас Чивилис и его мать. На время их допроса заседание было официально объявлено закрытым. Р. Чивилис сейчас служит в армии. В суд он был доставлен в сопровождении двух сержантов. Накануне суд был прерван, по-видимому, из-за его неявки. По просьбе Чивилиса ему разрешили удалиться, не дожидаясь конца судебного заседания. Его выпустили через другой выход.

* * *

Затем были допрошены свидетели по ст. 241.

Дайнюс Шепутис на вопрос "Приходилось ли Вам распивать с подсудимым спиртные напитки?" ответил:

— Да, по большим праздникам.

- Пили по многу?
- Грамм по 200-300 сухого вина.
- Пили и коньяк?
- Нет, коньяка не пили.
- Оставались ночевать в доме подсудимого?
- У меня свой дом есть.

Шепутис сказал, что в его присутствии у Пяткуса пил вино также Регимантас Пауленис.

Мать Дайнюса на суде показала, что сын начал пить вино только после окончания школы, когда с Пяткусом уже не встречался.

Были допрошены также братья Регимантас и Эдмундас Пауленисы. Они показали, что о Пяткусе ничего плохого сказать не могут; знают его по церкви, где они прислуживали; пьяным никогда его не видели. По просьбе судьи были зачитаны показания Р. Паулениса на предварительном следствии: "Пяткус предлагал выпивать. Я праздновал у него свой день рождения 9 марта. Я иногда бывал пьяным. Видел, что Пяткус спаивает и Шепутиса." Р. Пауленис сказал, что на тот допрос его привезли со свадьбы брата; он был нетрезв, запуган и показал то, что приказывали.

Тем не менее суд посчитал верными его первые показания и сослался на них в приговоре. В приговоре сказано, что Шепутис с 1971 по 1977 гг. выпивал с Пяткусом "12 или 13 раз"; вместе с ним выпивал Регимантас Пауленис.

По ст. 241 были допрошены также отец братьев Пауленисов, М. Бурчяс и М. Габрис. Они не подтвердили обвинение.

* * *

Примерно в пять часов вечера начали допрашивать свидетелей по "политическим" статьям. В связи с Комитетом Эс-Ла-Ли были допрошены 6 бывших политзаключенных – 2 эстонца, 3 латышпа и Бируте Пашилене (Хр. 45, 47, 48).

Эстонец Энн Тарто (Хр. 2, 47, 48) попросил суд объяснить ему, в чем обвиняют Пяткуса.

- Свидетелю это знать не обязательно.
- В таком случае я отказываюсь от участия в процессе.

Эстонец Март Никлус (Хр. 42, 43, 47, 48) вначале долго пытался добиться приглашения эстонско-литовского переводчика (в зале присутствовали только литовско-русский, латышско-русский и эстонско-русский). Он обратился к суду с той же просьбой, что и Тарто.

– Вы в зале суда. Здесь не спрашивают, а отвечают. Когда Пяткус последний раз был в Тарто?

- Около года назад, летом.
- Экспертиза установила, что некоторые документы, изъятые у Пяткуса, напечатаны по-русски на Вашей машинке. Что Вы скажете об этом?
- Дело в том, что КГБ уже несколько лет горячо интересуется моими

пишущими машинками. Кроме того, во время одного из обысков пропали ключи от моей квартиры. Я подозреваю, что сотрудники КГБ за просто заходят ко мне домой, когда я отсутствую, и могут напечатать на моей машинке что угодно. Когда же машинку у меня изымали, то ее забыли опечатать. Это, кстати, серьезное нарушение порядка проведения обыска. Обсуждаемые документы, таким образом, могли быть напечатаны и после изъятия у меня машинки.

– Каким путем ваша автобиография попала к Пяткусу?

– Напечатал ее я сам. Как она попала к Пяткусу, не знаю, не помню.

– Летом 1977 г. при обыске у Вас найдены билеты Пылва – Москва. Зачем Вы собирались в Москву?

– Хотел путешествовать во время отпуска.

В тот же день Никлус подал в суд заявление:

Руководствуясь ст. 159 новой Конституции СССР, прошу выступления участвующих в деле лиц переводить с литовского на эстонский или на русский. Находящиеся в зале свидетели – нелитовцы заинтересованы в этом, они имеют право на полную информацию о судебных заседаниях, на которых присутствуют.

(Через два дня судья Игнотас заявил Никлусу: "Ответ получите через месяц, как полагается".)

Латыш Интс Цалитис (Хр. 47) охарактеризовал Пяткуса как доброго, честного и ответственного человека и сказал, что по его делу ему ничего не известно.

– Однако на предварительном следствии во время очной ставки с Калниньшем (Хр. 41, 46-48) вы подтвердили его показания.

– Да, я подтвердил, что во время обыска у меня забрали материалы, касающиеся Комитета национальных движений Эстонии, Латвии и Литвы, но, по моему мнению, эти материалы не являются антисоветскими и не могут быть использованы против Пяткуса по ст. 68. Поэтому говорить о них я не намерен.

– Встречались ли у вас на квартире Пяткус и Калниньш?

– Кто бы с кем ни встречался у меня дома, это не имеет отношения к обвинению Пяткуса.

Судья зачитывает показания, данные Цалитисом на предварительном следствии: Пяткус привез тексты Комитета Эс-Ла-Ли, Калниньш перевел их на латышский, а Цалитис напечатал их на своей машинке.

– Прошу суд считать эти мои показания недействительными, ибо на предварительном следствии меня шантажировали.

Латыш Юрис Зиемелис (Хр. 47, 48) также хорошо охарактеризовал Пяткуса и тоже сказал, что по его делу ему ничего не известно.

– В документах Комитета Эс-Ла-Ли есть и ваше имя.

– О создании Комитета и о том, что я числюсь в нем, я узнал уже после ареста Пяткуса со слов Калниньша. О роли Пяткуса в Комитете я ничего не знаю, а идея Комитета принадлежала Калниньшу.

Судья ссылается на показания Зиемелиса на предварительном следствии о его разговоре с Калниньшем по поводу роли Пяткуса в создании Комитета.

– Рижское КГБ получил эти показания незаконным путем – меня и других шантажировали. Калниньш согласился дать нужные следствию показания и этим купил себе выездную визу, сейчас он в США. (Нездолго до суда Калниньш выехал из СССР; тем не менее он был вызван на суд свидетелем и секретарь суда каждый день, приглашая свидетелей, называл и его фамилию. О Калниньше см. также "Суд над Гинзбургом".) Если суд считает возможным строить обвинение, основываясь на таких доказательствах, я отказываюсь принимать участие в таком суде.

Латыш Ивар Жуковскис (Хр. 32, 33) сказал, что ему по делу Пяткуса ничего не известно.

– Когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с подсудимым?

– В Риге, в 1976 году.

– В 1977 г. вам позвонил Калниньш, сказал, что приехали литовцы, и попросил, чтобы вы пришли.

– Затрудняюсь ответить, не помню.

Зачитываются показания Калниньша: летом 1977 г. Пяткус приехал в Латвию, чтобы договориться о создании Комитета Эс-Ла-Ли; вскоре после этого состоялась еще одна встреча – в Тракай; 15-17 августа Пяткус был в Риге, где под его руководством готовились документы Комитета.

Член Литовской группы "Хельсинки" о. Каролис Гаруцкас приветствовал Пяткуса от имени тех, кто не смог попасть в зал суда, и заявил о солидарности с ним. Он отказался подписаться под предупреждением об ответственности за дачу ложных показаний: "Истинно верующий не может солгать". Судья, сославшись на показания, данные Гаруцкасом на предварительном следствии, попросил его подтвердить, что не со всеми документами Группы, под которыми стоит его имя, он был знаком. Гаруцкас ответил, что следователь допрашивал его 7 часов и он очень устал; от показаний, данных им на предварительном следствии, он отказывается.

– К Хельсинкской группе принадлежу и я. Наши заявления основаны на фактах. Если хотите, можете судить и меня. Я буду счастлив, если моя судьба будет такой же, как судьба погибших в лагерях епископа Райниса, ксендза Андришки и других мучеников.

Член Литовской группы "Хельсинки" Она Лукаускайте-Пошкене сказала: "Члена Литовской хельсинкской группы Виктораса Пяткуса знаю, сама состою ее членом. Пяткуса знаю как человека честного, доброго, культурного. Прошу восстановить законность и дело прекратить. Я писала протест и повторяю: здесь судят невинного человека – поэтому от участия в этом процессе отказываюсь".

Бывший политзаключенный Йонас Волунгявичюс (Хр. 47) также заявил, что суд незаконный и он отказывается принимать в нем участие.

— Вы действительно подписывали заявление относительно Альгимантаса Жипре (Хр. 32, 34, 47)?

— Да, заявление, касающееся Жипре, незаконно помещенного в лагерьный психбарак, я подписал. Это первый и последний вопрос, на который я отвечаю.

Ядвига Пяткявичене, медсестра из г. Шяуляй (Хр. 44, 47), как и два предыдущих свидетеля, заявила, что суд незаконный, и отказалась давать показания. Идя на свое место, она достала из-за корсажа розу и отдала ее Пяткусу, но охранник отобрал у него цветок и вернул Ядвиге.

Бируте Пашилене сказала, что Пяткуса не знает и ничего показать не может.

— Во время обыска у вас изъяты документы так называемого Комитета Эс-Ла-Ли, аналогичные найденным у Пяткуса. Более того, и те и другие отпечатаны на одной машинке, принадлежащей вам. Что вы на это скажете?

— Ничего сказать не могу. Машинку в мой дом принесли в мое отсутствие не известные мне лица. В дни, которыми датированы документы, меня не было дома, так что печатать я их не могла.

— А кто-нибудь был дома, когда неизвестные принесли машинку?

— Да, моя мама. Она умерла в апреле.

— Документ об Альгимантасе Жипре вы подписывали?

— Да, и я рада была услышать, что его выпустили из психиатрического отделения. Значит, я вела себя правильно. Жипре нужно было защищать.

Бывший политзаключенный Ромас Рагайшис, техник-оптик из Вильнюса, отказался давать показания в суде. (Он был вызван в связи с его заявлением в Литовскую группу "Хельсинки", касавшимся помещения в психбольницы.)

Были допрошены также жена и дочь Генрикаса Яшкунаса (Хр. 44, 48) по поводу их заявления в его защиту. Обе они показали, что подсудимого не знают. Ина Яшкунайте показала, что заявление писала она.

— Кто вам посоветовал так поступить?

— Незнакомые мужчины пришли и так сказали.

— Посмотрите, был ли среди них подсудимый?

— Нет, подсудимого среди них не было.

— Почему вы считали, что отца могут поместить в психбольницу?

— Я слышала, что многих политических помещают.

* * *

12 июля свидетелей предыдущего дня в зал не пустили. В этот день в зале суда, в фойе и около здания суда вели киносъемку, фотографировали. Продолжался допрос свидетелей.

Показания давали сестры Мария и Она Пошкоте, у которых Пяткус снимал комнату (при входе в зал человек с красной повязкой спросил их: "Какие будете давать показания?"; они ответили: "Будем отвечать, что спросят").

Мария Пошкоте сказала, что Пяткуса все любили и молодежи к нему приходило много.

– Пяткус и его гости часто выпивали?

– Господи избави, да я у него в комнате каждый день убирала – там не то что бутылки, пробки ни разу не нашла. (При этих словах прокурор Бакученис всплеснул руками и воскликнул по-русски: "Ну, вот!")

Она Пошкоте, как и сестра, отказалась подписать предупреждение об ответственности за ложные показания: "Я верующая и потому неправды никому не скажу".

– Дай Бог, чтобы у Литвы было побольше таких сынов, как Викторас!

– Выпивал ли ваш постоялец с молодыми людьми?

– Он у нас жил более 10 лет, и ни разу такого не было.

Чесловас Кавалаускас, два года работавший с Пяткусом над переводом Библии, хорошо охарактеризовал его.

– Выпивали с подсудимым?

– По праздникам случалось.

– Ребята пили с вами?

– Нет, этого не было.

– Кто-нибудь из школьников ночевал у Пяткуса?

– Бывало, что по праздникам ночевали двое-трое.

В качестве свидетеля был также вызван член Литовской группы "Хельсинки" Эйтан Финкельштейн, однако на суд он не пошел. В данном им в суд заявлении сказано:

Я, как и В. Пяткус, являюсь членом Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Как и В. Пяткус, я несу ответственность за деятельность Группы, за все изданные ею документы. Отказываясь от дачи свидетельских показаний по делу Пяткуса, заявляю, что мое участие в процессе возможно лишь в качестве обвиняемого.

* * *

13 июля у входа в здание суда (из фойе в этот день почти всех выгнали) столпилось около 100 человек. Молодые люди раздавали сочувствующим по красной гвоздике. На широком крыльце суда человек сорок, в основном – молодежь, читали совместно молитвы. Как и накануне, внутри и снаружи велась киносъемка. К Мечисловасу Юрвичусу (Хр. 36, 40, 44) подошли несколько сотрудников КГБ и попытались увести его, но их окружили друзья Пяткуса, и чекисты отошли.

Около трех часов дня в зал на чтение приговора пустили К. Гаруцкаса, О. Лукаускайте-Пошкене, сестер Пошкоте и Антанаса Терляца-

каса (Хр. 38, 40, 43, 47-49). Однако приехавшую из Москвы Т. Великанову подполковник КГБ Балтинас остановил: "А вам тут делать нечего!"; в ответ на ее возражения: "Приговор всегда должен слушаться при открытых дверях!" он швырнул ее на пол. В заявлении, направленном прокурору Лит. ССР, Великанова пишет:

Действия подполковника Балтинаса я могу расценивать либо как превышение власти и хулиганство, либо как сознательное намерение вызвать ответную реакцию и тем самым беспорядки в здании Верховного суда.

В приговоре сказано, что Пяткус "под предлогом Хельсинкской группы занимался антисоветской агитацией"; что Т. Венцлова был уполномочен представлять Группу за границей (Хр. 44) "и использовал ее документы для клеветнических статей в эмигрантской прессе".

Эпизоды, связанные с Комитетом Эс-Ла-Ли, обоснованы в приговоре показаниями Калниньша, Цалитиса (суд игнорировал отказ Цалитиса от своих показаний на предварительном следствии) и, частично, Зиемелиса, а также ссылкой на передачу радиостанции "Свобода" от 25 августа 1977 г. В приговоре сказано, что Пяткус агитировал за создание Комитета Эс-Ла-Ли "с целью восстановления буржуазной власти" в прибалтийских республиках.

Приговор: по ст. 241 – 3 года лагерей, по ст. 122 – 4 года, по статьям 68, 70 – 10 лет лагерей особого режима, из них первые три года в тюрьме, плюс 5 лет ссылки. Итоговый приговор совпадает с приговором по статьям 68, 70. Суд признал Пяткуса особо опасным рецидивистом. Суд вынес также частные определения о возбуждении уголовного дела за отказ от дачи показаний против Р. Рагайшиса (5 сентября его осудили на 6 месяцев исправительных работ) и о том, что командование воинской части не обеспечило своевременной явки Р. Чивилиса в суд.

* * *

16 июля газеты "Советская Литва" (на русском) и "Тiesa" (на литовском) опубликовали статью Б. Балтрунаса "По пути лжи и преступлений" о Пяткусе и суде над ним.

СУД НАД ЛУКЪЯНЕНКО

С 17 по 20 июля в г. Городня Черниговский областной суд рассматривал дело Левко Лукьяненко, обвинявшегося по ч. 2 ст. 62 УК УССР (=ст. 70 УК РСФСР).

* * *

Лев Григорьевич Лукьяненко родился в 1928 г. в с. Хриповка Городнянского района Черниговской области, где и сейчас живут его родители. (В Хр. 48 указан год рождения 1927. Так же в его документах.)

С 1944 г. по 1953 г. служил в армии, там вступил в партию. В 1958 г. окончил юридический факультет Московского университета. Работал в Винницкой и Львовской областях — сначала в советском и партийном аппарате, затем — адвокатом. В 1960 г. разработал проект программы марксистской партии "Украинский рабоче-крестьянский союз", содержащий, в частности, предложения о референдуме по вопросу отделения Украины и о социально-политических реформах (допуск частной инициативы в мелком производстве и в сельском хозяйстве). В январе 1961 г. группа из 7 человек (среди них юрист Иван Кандыба), обсуждавшая проект, была арестована. Закрытый суд в апреле 1961 г. за "измену Родине" приговорил Лукьяненко к расстрелу, через два месяца приговор был заменен на 15 лет лагерей. Срок отбывал в Мордовии и во Владимирской тюрьме.

После освобождения (в 1976 г.) жил в Чернигове под надзором (Хр. 43, 46). Л. Лукьяненко вел обширную переписку с бывшими и нынешними заключенными и ссыльными, писал заявления и публицистические работы в защиту репрессируемых. Он — один из основателей Украинской группы "Хельсинки" (Хр. 43).

12 декабря 1977 года Лукьяненко был арестован. Следствие вело Черниговское УКГБ. Об обысках и допросах по его делу рассказывалось в Хр. 48, 49.

* * *

Родственники и друзья Лукьяненко узнали о суде лишь в конце первого дня суда, когда некоторые из них (в частности, его жена и брат) получили свидетельские повестки на 18 июля.

По традиции зал был занят спецпубликой. Против желающих присутствовать на суде были приняты меры даже на подступах к городу: в окрестностях вдруг обнаружилась эпидемия ящура, поэтому въезд в Городно был загорожен дезинфекционным пунктом — пассажиров рейсовых автобусов высаживали и проводили по одному через полосу опилок. Машине, которая везла члена Украинской группы "Хельсинки" Оксану Мешко, пост ГАИ предложил вернуться в Киев. Мешко вышла из машины и, хотя ее силой пытались посадить обратно, вырвалась и пошла пешком. Ей удалось нанять частную машину и проскочить еще два поста, на каждом из которых кроме милиционера стояли по двое в штатском. Но у въезда в город очередной пост задержал Мешко: "Вот вы-то нам и нужны". Трое людей отвезли ее на задержанной машине в Киев и там высадили.

Свидетельница Звенислава Вивчар перед допросом спросила судью, открытый суд или закрытый. Судья ничего не ответил, прокурор выразил неудовольствие. После перерыва Вивчар в зал суда не пропустили. Она хотела ждать в коридоре, но ей было приказано ехать домой в Киев. Вивчар подчинилась наполовину: вышла на улицу и села на скамейку. Этого оказалось недостаточно — двое в штатском под руки затащили ее в машину и увезли в Чернигов, на автовокзал.

Лукьяненко отказался отвечать на вопросы суда и объявил голодовку. Он несколько раз ходатайствовал о рассмотрении дела в его отсутствие, но получал отказ. Ходатайство от 19 июля мотивировано тем, что холод и голые доски в его камере вместо постели не дают спать.

* * *

В Обвинительном заключении сказано, что Лукьяненко, выйдя в январе 1976 г. на свободу, не встал на путь исправления, а продолжал заниматься антисоветской деятельностью — переписывался с заключенными и уже освободившимися, распространяя в письмах заведомо ложные измышления, порочащие ...; систематически нарушал надзор, под которым находился до дня ареста, за что неоднократно подвергался штрафу; на работе никакого участия в общественной жизни не принимал, не ходил на Первомайскую и Октябрьскую демонстрации.

В Обвинительном заключении говорится, что "под видом участия в так называемой Хельсинкской группе Лукьяненко занимался антисоветской деятельностью". Ему инкриминировались документы Украинской группы "Хельсинки" (декларация и 8 меморандумов), статьи "Остановить кривосудие!" (в защиту художника Петра Рубана — Хр. 44, 45), "Год свободы" (о годе своей жизни после выхода на свободу), "Рождественское обращение к занятым атеистам" и "Проблемы инакомыслия", открытое письмо профессору Владимиру Рубану (Хр. 45), обращение к Киевскому экзарху (с просьбой выступить по поводу "религиозной" статьи в проекте новой Конституции), два заявления о желании эмигрировать (об одном из них см. в Хр. 47), письма друзьям и устные высказывания. Упомянулось, что свои статьи Лукьяненко высылал в редакции советских газет и журналов и в письмах посылал друзьям. Говорилось, что статья "Год свободы" попала за границу и была использована разными радиостанциями как пропагандистский документ, порочащий советский строй.

* * *

На суд были вызваны 25 свидетелей, явились 20 — жена Льва Лукьяненко Надежда Лукьяненко и его брат Александр, член Украинской группы "Хельсинки" А. Бердник, Евгений Обертас (Хр. 45, 46, 48, 49), жена Петра Рубана Лидия Рубан (Хр. 48), жена Александра Сергиенко Звенислава Вивчар, бывшие политзаключенные Игорь Кичак (сидел с Лукьяненко в Мордовии, отсидел 15 или 20 лет), Владимир Затворский (Хр. 49), Иван Покровский и Игорь Кравцов (Хр. 48), сослуживцы Лукьяненко (он работал электриком в детской больнице) — главврач, инженер Кальченко, бывший завхоз Козырь, зав. отделением Лисовая и председатель месткома, а также семья Петра Свитайло (Хр. 48) из пяти человек, в гостях у которых Лукьяненко вел "антисоветские разговоры".

Основное внимание при допросе первых десяти свидетелей было уделено статье "Остановить кривосудие!". Несмотря на просьбу Лукьяненко, на суде она зачитана не была.

В. Затворский дал на суде такие показания, что заслужил реплику из зала: "Его рядом (с Лукьяненко – Хр.) посадить надо!" И. Покровский сказал, что он читал декларацию Украинской группы "Хельсинки" и не нашел в ней ничего антисоветского. Аналогичные заявления о декларации и о статье "Остановить кривосудие!" сделала Н. Лукьяненко. Лидия Рубан объяснила суду, что восемь экземпляров статьи "Остановить кривосудие!" у нее было потому, что Лукьяненко просил ее разослать статью в киевские журналы. А. Бердник, отвечая на вопрос, сказал, что авторами меморандумов Украинской группы "Хельсинки" являются все, кто их писал. Он сказал также, что предлагал протоколировать обсуждение и подписывание меморандумов, но Лукьяненко сказал: "Не надо". Н. Лукьяненко показала, что слышала статью "Год свободы" по радио.

– Как было, так там и написано.

– Вы его спрашивали, как он передал статью на Запад?

– А разве это он сделал?

Ослуживцы Лукьяненко тепло отзывались о нем, только – не написал Стокгольмское воззвание (некоторые говорили "Хельсинкское") и не ходил на демонстрацию (Н. Лукьяненко, давая показания, напомнила, что каждый праздник ее мужа заставляли дежурить на работе).

Члены семьи П. Свитайло рассказали, что, будучи у них в гостях, Л. Лукьяненко хвалил Петлюру и ругал Богдана Хмельницкого.

* * *

19 июля прокурор произнес обвинительную речь; она была похожа на политическую лекцию.

Четырехчасовую защитительную речь, произнесенную самим Лукьяненко (он отказался от адвоката), судья постоянно прерывал, требовал, чтобы он говорил, не пользуясь записями. В последнем слове подсудимый сказал, что не ждет для себя лучшей участи, чем выпала Руденко и Тихому.

Приговор: 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки. Суд признал Лукьяненко особо опасным рецидивистом. Спецпублика встретила приговор аплодисментами.

* * *

12 сентября Верховный суд УССР, рассмотрев в кассационном порядке приговор Лукьяненко, оставил его без изменения.

20 октября Лукьяненко прибыл в 1 мордовский лагерь.

СУД НАД АЛЕКСАНДРОМ ПОДРАБИНЕКОМ

Настоящий раздел составлен, в основном, по материалам "Информационного бюллетеня" Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях № 9 (9 июня), № 10 (10 августа) и № 11 (спецвыпуск о суде).

Арест и следствие

Александр Подрабинец был арестован 14 мая, накануне начала суда над Юрием Орловым, на квартире своих друзей. Арест сопровождался обыском. А. Подрабинека поместили в следственный изолятор МВД на ул. Матросская Тишина.

* * *

Александр Пинхосович Подрабинец родился в 1953 г. в г. Электросталь Московской области. В 1970 г., по окончании средней школы, он поступил в медицинский институт, но после 1 курса ушел из него. В 1974 г. А. Подрабинец окончил фельдшерское училище. В 1974-77 гг. он работал в "Скорой помощи", перед арестом несколько месяцев работал медбратом в больнице. А. Подрабинец — один из организаторов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (Хр. 44, 45, 47-49). О преследованиях Александра Подрабинека рассказывалось в Хр. 44-48.

* * *

На следующий день после ареста по его делу было проведено еще 4 обыска — у Татьяны Великановой, у члена Московской группы "Хельсинки" Татьяны Осиповой, у члена Рабочей комиссии Вячеслава Бахмина и у Леонарда Терновского (24 мая Л. Терновский стал членом Рабочей комиссии).

Дело против А. Подрабинека, как стало известно после его ареста, было возбуждено Московской областной прокуратурой по ст. 190-1 УК РСФСР в конце декабря 1977 г. (В те же дни был арестован Кирилл Подрабинец — Хр. 48.) Следователь — В.М. Гуженков. Вскоре после ареста Гуженков сказал, что обвинение А. Подрабинека связано только с его книгой "Карательная медицина" (Хр. 44-46).

20 мая было опубликовано открытое письмо "К соотечественникам и мировой общественности" (127 подписей), протестующее против ареста Александра Подрабинека и призывающее бороться за его освобождение. 22 мая аналогичный документ опубликовала Московская группа "Хельсинки" (документ № 51), 24 мая — Рабочая комиссия (подписались В. Бахмин и Л. Терновский). 24 мая с обращением

”Ко всем людям доброй воли!” выступил отец Александра и Кирилла Пинхос Абрамович Подрабинек.

29 мая В. Бахмина вызвали на допрос. Бахмин отказался отвечать на вопросы, касающиеся А. Подрабиника и его книги, заявив, что обвинение, выдвинутое против А. Подрабиника, абсурдно и участвовать в следствии по его делу он считает безнравственным.

Уже 2 июня Гуженков сообщил В. Бахмину, как доверенному лицу А. Подрабиника, что следствие заканчивается и необходимо найти адвоката. Зная желание А. Подрабиника, Бахмин обратился к адвокату Е.С. Шальману – Шальман согласился. Но он находился в тот момент в отпуске. Руководство юридической консультации, несмотря на его согласие, отказалось отозвать его из отпуска, а Гуженков не пожелал отсрочить закрытие дела.

13 июня следствие по делу А. Подрабиника закончилось. 19 июня следственные органы предложили адвоката – А. Подрабинек отказался от него.

В сложившейся ситуации В. Бахмин, в соответствии с желанием А. Подрабиника, пригласил для его защиты на процессе английского адвоката Блом-Купера. Одновременно для помощи А. Подрабинек при ознакомлении с материалами был приглашен адвокат Л.Г. Мачковский.

21 июня Мачковский приступил к чтению дела (4 тома, из них один – ”Карательная медицина”).

30 июня был подписан протокол об окончании ознакомления с делом. Дело было передано в суд.

В середине июня президент английского Королевского колледжа психиатров проф. Ринс (Хр. 49) направил письмо Брежневу:

Уважаемый президент Брежнев!

На собрании Колледжа меня попросили написать Вам, чтобы выразить нашу озабоченность в связи с сообщением об аресте А. Подрабиника.

...

Мы надеемся, что Вы могли бы лично заинтересоваться этим делом и обеспечить открытость судебного процесса, если Подрабинек предстанет перед судом.

Обстоятельства этого дела приводят нас в недоумение. Мы осознаем, что законы наших двух стран различны, но на основании сведений, которые нам известны, трудно понять, что Подрабинек сделал такого, что хоть в какой-то мере можно считать преступлением.

В июне при Колледже был организован Комитет, занимающийся проблемами злоупотребления психиатрией. Был создан также международный Комитет по защите А. Подрабиника, в который, в частности, вошли английский историк П. Реддавей и английский психиатр Г. Лоубер (Хр. 49).

Бывшие политзаключенные психиатрических больниц Юрий Белов (Хр. 48) и Михаил Кукобака (Хр. 43), заметки которых использованы в книге А. Подрабиника, обратились в Московскую областную прокуратуру с просьбой допросить их в качестве свидетелей по делу А. Подрабиника, но им было отказано. Ю. Белову устно было сказано, что вина Подрабиника уже доказана и в его показаниях следствие не нуждается.

13 июля в Лондоне под председательством Блом-Купера состоялось слушание свидетельских показаний по делу А. Подрабиника. Выступили пять свидетелей (в частности, бывший сотрудник Института Сербского психиатр Ю. Новиков – см. Хр. 46), были исследованы письменные свидетельства и магнитофонные записи.

15 июля М. Кукобака предложил Блом-Куперу приобщить в качестве свидетельских показаний его заметки о Сычевской СПБ. 20 июля член Московской группы "Хельсинки" Виктор Некипелов послал Блом-Куперу выдержки из четырех писем Кукобаки о Владимирской и Могилевской психбольницах; кроме того, он попросил использовать в качестве свидетельских показаний его книгу "Институт дураков" (Хр.42).

Блом-Купер объявил в Лондоне, что советское посольство обещало выдать ему визу для поездки в СССР. Ко времени суда над А. Подрабиником он визу так и не получил.

18 июля для ведения защиты А. Подрабиника был заключен договор с Е.С. Шальманом.

С у д

15 августа выездная сессия Московского областного суда под председательством заместителя председателя Московского облсуда Р.В. Назарова рассмотрела в г. Электросталь (Ногинский р-н Московской области) дело Александра Подрабиника, обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинителем на суде выступил зам. прокурора Московской области Суворов, защитником был адвокат Шальман.

Суд начался в 9 час. утра, но уже с 6 час. часть здания, в которой находится суд, была окружена цепью милиционеров и людей в штатском. Друзьям Подрабиника, приехавшим за полчаса до начала процесса, сказали, что мест нет. "Мы уже заполнили зал, чтобы сохранить порядок", – заявил с провинциальной откровенностью молодой милиционер. Накануне В. Бахмин обратился к судье Назарову с просьбой, чтобы его, как доверенное лицо подсудимого, пустили в зал суда. Назаров выразил недоумение: это – обычное уголовное дело, присутствовать может кто угодно. Однако на следующий день самому Назарову пришлось стоять перед охраной под дождем и искать в портфеле удостоверение, пока выбежавший "в штатском" не провел его через оцепление. За несколько минут до начала процесса в зал пропустили отца подсудимого П.А. Подрабиника с женой (в середине дня она ушла, чтобы покормить ребенка, и больше в зал ее не пустили). Больше никого из

родных и друзей А. Подрабинека в зал суда не пропустили. В 10 час. 30 мин. друзья Подрабинека позвонили с почты, которая находится в том же здании, что и суд, в Москву – после этого связь с Москвой прекратилась.

В начале заседания А. Подрабинек обратился к суду с рядом ходатайств:

Приобщить к делу "Положение о психиатрических больницах", инструкцию Министерства здравоохранения о питании в больницах, международный классификатор болезней, обвинительные заключения и акты экспертиз 30 бывших политзаключенных психиатрических больниц, акты экспертизы, проведенной Г. Лоубером в отношении П. Старчика и Ю. Белова, историю болезни Радченко и медицинское заключение о его смерти, посмертную экспертизу Дехнича;

пригласить в суд в качестве свидетелей психиатра Федорова, Ю. Белова, М. Кукобаку, П.Г. Григоренко, Н.Я. Шатуновскую (мать Ольги Иофе (Хр. 11, 15), отбывавшей принудительное лечение в Казанской СПБ);

предоставить ему двухтомник Машковского "Лекарственные средства", некоторые номера "Хроники текущих событий" и "Информационного бюллетеня" Рабочей комиссии, книги Блоха и Реддаева о психиатрических больницах в Советском Союзе, номера "Журнала невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова", в которых освещается Международный конгресс психиатров в Гонулулу (Хр. 47);

пригласить в суд переводчика с итальянского языка, т.к. в деле имеются документы на итальянском языке (материалы Сахаровских слушаний);

ознакомить его (Подрабинека) с магнитофонными записями его допросов;

пригласить в суд в качестве защитника английского адвоката Блом-Купера;

обеспечить трансляцию данного процесса для всех желающих.

Каждое из ходатайств А. Подрабинек мотивировал, почти все ходатайства поддержал адвокат. Суд отклонил все ходатайства.

Затем А. Подрабинек сказал, что он отказывается от адвоката Шальмана и будет защищать себя сам. После некоторых препирательств суд удовлетворил это ходатайство.

Далее А. Подрабинек заявил, что в судебном заседании не соблюдены ст. 18 ("Гласность судебного разбирательства") и ст. 20 ("Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела") УПК РСФСР; прокурор и члены суда привержены коммунистической идеологии и вынуждены выполнять задания партии, чтобы не потерять работу; таким образом, они – люди, заинтересованные в данном деле. На этом основании А. Подрабинек дал отвод всему составу суда. Суд отклонил отвод.

Тогда А. Подрабинек сделал следующее заявление:

Я не желаю иллюзии правосудия.

Адвокат на самом деле лишен возможности защищать меня, и по этой причине я отклонил его в суде как своего защитника.

Более того, с этого момента я и сам не принимаю участия в суде. В такого рода спектаклях я не участвую. У меня нет артистических способностей, и поэтому даже в роли статиста участвовать в этом спектакле я не буду.

Требую, чтобы меня вывели из зала суда.

Суд пробовал игнорировать требование А. Подрабиника, но тот демонстративно повел себя так (курил, насвистывал), что, когда начался допрос свидетелей, судья был вынужден на основании ст. 263 УПК РСФСР удалить его из зала. При этом судья предупредил, что в любой момент А. Подрабинек может подать ходатайство и вернуться в зал. Подрабинек сразу же заявил, что хочет вернуться, когда настанет время произносить последнее слово. Однако в зал его вернули только на чтение приговора.

Согласно Обвинительному заключению,

Подрабинек А.П. ... обвиняется в том, что в 1975-1977 гг., проживая в г. Электросталь Московской области и работая в Москве, он изготовил в нескольких экземплярах и распространил документ под названием "Карательная медицина". В нем Подрабинек клеветает на советскую демократию, внутреннюю политику страны, отождествляя власть в СССР с тоталитарным фашизмом, высказывает утверждения о применении в нашей стране "психиатрических репрессий", о преднамеренном помещении в психиатрические больницы заведомо здоровых людей за их убеждения, заявляет об их истязании в психиатрических учреждениях. Изготовленный документ Подрабинек адресовал международным организациям, распространил в Москве среди знакомых. Документ был использован империалистической пропагандой для разжигания клеветнической кампании против Советского Союза.

В Обвинительном заключении приводятся утверждения из книги "Карательная медицина", которые якобы не соответствуют действительности.

В книге сказано, что в июле 1975 г. пациент Сычевской СПБ Анатолий Иванович Левитин по приказу врача Н.П. Смирнова был убит, после того как был схвачен при попытке к бегству. В Обвинительном заключении об этом говорится: "Материалами дела, однако, установлено, что такого больного в Сычевской СПБ никогда не было". Главврач Сычевской СПБ М.М. Федоров, выступая на суде в качестве свидетеля, заявил, что в Сычевской СПБ не было случаев убийства больных и больного Левитина в ней не было. Выступая непосредственно после него,

врач-ординатор Сычевской СПБ В.В. Москальков сказал, что в 1975 г. при попытке к бегству был убит один больной, но его фамилии он не помнит.

В книге приведено письмо М. Кукобаки, в котором он рассказывает, что в Сычевской СПБ санитар Саша Дворенков садистски избивал больных. В Обвинительном заключении об этом говорится: "На стр. 141 упоминается некий Саша Дворников, который якобы избивал больных. Из справки, полученной из Сычевской СПБ, следует, что такой человек в больнице никогда не работал."

В качестве свидетелей в суде были также допрошены главврач Ленинградской СПБ В.Д. Стешкин (он сказал, что "в больнице применяются обыкновенные методы лечения, другие методы не применяются, если в них нет нужды"), начальник Смоленской СПБ Абрисимов, начальник одного из отделений Орловской СПБ Т.А. Котова, бывший главврач Черняховской СПБ Ф. Святский и главврач Днепрпетровской СПБ А.Г. Семиряжко, а также В.Г. Введенский и его жена Г.И.Жабина, после доноса которых 14 марта 1977 г. был проведен обыск на квартире Е.В. Бобрович (Хр. 44; фамилия там – с ошибкой) и рукопись книги "Карательная медицина" впервые попала в КГБ.

В отсутствие защитника и подсудимого суд допросил свидетелей очень быстро.

Прокурор кончил свою речь словами:

Следовало бы его приговорить по высшей мере, установленной по ст. 190-1 УК РСФСР. Ему, конечно, очень бы хотелось быть политическим. С этой целью он и разыграл спектакль, который мы здесь видели. Он думал получить по ст. 70 семь лет, но даже мера наказания его подвела. Не 7, а 3 года ему положено. Однако, учитывая, что преступление совершено им впервые, что ему всего 25 лет, я прошу приговорить его к ссылке на 5 лет, чтобы он в трудовом коллективе мог перевоспитаться.

После двухчасового перерыва был объявлен приговор: с применением ст. 43 УК РСФСР 5 лет ссылки.

* * *

Суд над Александром Подрабинеком подробно описан в 11-м выпуске "Информационного бюллетеня" Рабочей комиссии. Там же помещены "Непроизнесенная в Верховном суде РСФСР защитительная речь при кассационном рассмотрении дела по жалобе А. Подрабинека" С.В. Каллистратовой, "Показания" Ю. Белова, которые он хотел дать на суде, заявление В. Некипелова и отрывки из 4 писем М. Кукобаки (см. выше).

* * *

В начале своей "Непроизнесенной речи" С.В. Каллистратова заявляет:

Доступные мне материалы по делу Подрабинека дают основные утверждать, что действующие в нашей стране законы нарушались и нарушаются непрерывно и неуклонно с момента возбуждения уголовного дела против Подрабинека и до сегодняшнего дня.

Это не голословное утверждение, и в меру своих сил и возможностей я постараюсь доказать это.

Рукопись книги Подрабинека была изъята КГБ еще в марте 1977 г. (Хр. 44). Считая ее криминальной, следственные органы обязаны были, согласно ст. 3 УПК РСФСР, немедленно возбудить уголовное дело. Однако, "действуя вне всяких предусмотренных законом процессуальных норм", власти подвергли Подрабинека слежке и угрозам и шантажировали его, пытаясь заставить уехать из СССР.

Суд, грубо нарушив ст. 276 УПК РСФСР, согласно которой

подлежат обязательному удовлетворению все ходатайства об истребовании и проверке доказательств, имеющих значение для дела,

... отклоняет все ходатайства и этим самым полностью лишает Подрабинека возможности защищаться.

Незаконной, в частности, была ссылка на "невменяемость" ряда свидетелей, о вызове которых просил Подрабинек. Каллистратова разъясняет, что ни невменяемость человека, установленная некоторым судом в прошлом, ни факт его лечения в психбольнице не определяют его недееспособности в качестве свидетеля; в соответствии со ст. 79 УПК РСФСР при наличии сомнений суд должен проверить дееспособность свидетеля с помощью экспертизы.

В свете ст. 20 УПК РСФСР суд должен был бы "исследовать морально-этические стороны характера подсудимого".

Если бы были допрошены люди, знающие Сашу, то стало бы очевидным, что ... Александр Подрабинек и клевета — несовместимы.

Впреки смыслу ст. 43 УК РСФСР суд, сославшись на нее, приговорил А. Подрабинека к ссылке. С.В. Каллистратова напоминает, что такое нарушение, впервые допущенное в 1968 г. на суде над "демонстрантами" (Хр. 4; Каллистратова была тогда одним из защитников — Хр.), постоянно практикуется в политических процессах.

С.В. Каллистратова отмечает, что суд невольно показал высокую степень достоверности собранных Подрабинеком материалов: из 300 конкретных фактов, приведенных в его книге, только 13 фигурируют в Обвинительном заключении. Учитывая совершенные судом процессуальные нарушения, " ... и в отношении этих 13 эпизодов несоответствие действительности изложенных в рукописи Подрабинека фактов не может быть признано установленным".

Нарушения закона продолжают и после вынесения приговора.

В соответствии со ст. 319 УПК РСФСР человек, осужденный к наказанию, не связанному с лишением свободы, подлежит немедленному освобождению из-под стражи в зале судебного заседания. Но Сашу Подрабиника под конвоем уводят в тюрьму. ... И более того, до истечения кассационного срока Саша уже переведен в пересыльную тюрьму № 3 на Красной Пресне. ...

Ст. 320 УПК РСФСР устанавливает, что осужденному, содержащемуся под стражей, копия приговора должна быть вручена не позднее трех суток с момента провозглашения.

... На 30 августа есть точные сведения, что копия приговора еще не вручена.

С.В. Каллистратова заключает:

Александр Подрабинец — инакомыслящий. Он в соответствии со своими убеждениями боролся за права психически больных и за права здоровых людей, объявленных сумасшедшими в политических целях. Но он не клеветник. Он действовал в пределах закона и не совершил преступления.

Вот те правовые основания, которые позволяют мне утверждать, что приговор по делу Подрабиника подлежит отмене, а уголовное дело — прекращению за отсутствием состава преступления.

* * *

17 августа на свидании с отцом А. Подрабинец рассказал, что во время предварительного следствия он не подписал ни одного протокола и следователь Гуженков угрозами пытался добиться его участия в следствии.

В тот же день А. Подрабиника перевели в Краснопресненскую пересыльную тюрьму.

* * *

16 августа на пресс-конференции иностранным корреспондентам были переданы "Обращение к психиатрическим ассоциациям мира" членов Рабочей комиссии В. Бахмина и Л. Терновского и "Обращение к психиатрам всего мира" чл.-кор. АН СССР С.М. Поликанова (Хр. 47). На той же пресс-конференции объявил себя до того анонимный психиатр-консультант Рабочей комиссии Александр Александрович Волошанович (работает в психбольнице под Москвой). Волошанович рассказал, что по просьбе Рабочей комиссии он провел 27 экспертиз (некоторые из его заключений цитировались в "Хронике" — см. Хр. 48, 49). Ни в одном случае оснований для принудительного лечения он не нашел.

* * *

Копию приговора А. Подрабинец вручили только в начале сентября. С протоколом судебного заседания ему дали ознакомиться лишь 17 октября (согласно статьям 264, 265 УПК РСФСР это должно произой-

ти не позднее, чем через 6 суток после суда). Кассационную жалобу А. Подрабиника Верховный суд РСФСР рассмотрел 23 ноября – приговор был оставлен без изменения. (Как и в маѳ, В. Бахмин был отправлен в срочную командировку.)

СУДЫ НАД ЕВРЕЙСКИМИ АКТИВИСТАМИ

Демонстрации

Московские еврейки-отказницы продолжают свою борьбу (Хр. 47-49).

Утром 23 мая Ида Нудель, Наталия Хасина, Фаина Коган, Елена Чернобильская, Галина Нижникова и Наталья Жулей отправили телеграмму Брежневу и Косыгину:

В течение многих лет мы добиваемся разрешения на выезд в Израиль. Наши обращения к Вам лично и в различные советские организации, ведающие вопросами эмиграции евреев, не дали никаких результатов. С 10 по 12 мая мы добивались приема в ПВС и в Совмине. Результатом явилось избиение некоторых из нас в приемной ПВС. Не видя иной возможности выразить свой протест, мы решили выйти на демонстрацию с требованием срочного и объективного пересмотра наших ходатайств о выезде в Израиль и выдачи незамедлительно нам виз, так как не существует законных причин для отказа нам в выезде.

Днем они семь минут простояли у кремлевской стены, возле Боровицких ворот, с плакатами "Визы в Израиль!" и "Отпустите нас в Израиль!"

* * *

25 мая двадцать четыре еврейки-отказницы направили в Президиум Верховного Совета СССР и в Моссовет сообщение о том, что 1 июня, в Международный день защиты детей, они, протестуя против насильственного удержания их в СССР, собираются вместе с детьми выйти в 16 часов на демонстрацию к зданию ПВС СССР. Поскольку с ними будут дети, они просили обеспечить им безопасность.

30 мая женщины, подписавших сообщение, через райисполкомы (к некоторым пришли домой) предупредили – на демонстрацию не ходить!

31 мая женщины начали собираться в квартирах Натальи Розенштейн и Галины Цыриной.

* * *

К вечеру 31 мая у Натальи Розенштейн собрались Гюзель Хаит с дочерью Диной (3 года), Ирина Гильденгорн с дочерью Мариной (12 лет),

Роза Иоффе с дочерью Аней (5 лет), Галина Кремень с сыном Сашей (13 лет), Ольга Серова с сыном Анатолием (6 лет), Галина Нижникова, Лидия Лихтерова, Хана Елинсон и Людмила Черкасская.

Тотчас же у дверей квартиры и на улице встали милицейские посты и люди в штатском.

Утром 1 июня в квартиру удалось прорваться еще Майе Ребкиной с дочерью Аллой (13 лет).

С 13 часов движение на улице Бутлерова было перекрыто, проезжали только рейсовые автобусы и милицейские машины. Из шестнадцатизэтажных общежитий, стоящих напротив дома № 2, не выпускали людей. У прохожих проверяли документы. Всех отгоняли прочь.

Видя, что квартира заблокирована, собравшиеся решили провести демонстрацию, не выходя из квартиры. Они открыли окна и выставили плакаты "Визы в Израиль!", "Отпусти народ мой!", "Родину – нашим детям!", "Хватит издеваться!". Дети размахивали вырезанными из бумаги шестиконечными звездами и ветками тополя. В ту же минуту в окна посыпались удары палок с крюками, которыми изорвали плакаты, звезды, ветки. Тогда женщины принялись скандировать: "Визы в Израиль!", "Родину – нашим детям!". "Квартирная демонстрация" продолжалась минут 20. Все это время в дверь квартиры звонили и стучали.

В 19 часов, собираясь разойтись по домам, женщины открыли дверь. Тотчас толпа людей в штатском и милиционеров, не дав никому выйти, ворвалась в квартиру. В 20 час. 40 мин. Наталья Розенштейн заявила, что если ее гостей не выпустят, то они уложат детей спать и объявят голодовку. В 21 час начальник отделения милиции распорядился выпустить собравшихся. При этом он заявил, что "народ разгневан" и поэтому нужно "идти тихо". До метро женщин с детьми сопровождал эскорт милиционеров и людей в штатском – всего человек сто.

2 июня вечером к Наталье Розенштейн приехали корреспонденты четырех иностранных газет. Туда же пришла часть участниц вчерашних событий. Через час, когда собравшиеся захотели разойтись, милиция выпустила только корреспондентов. Остальных продержали в квартире еще полтора часа.

Утром 3 июня на тротуаре перед окнами квартиры появилась выведенная черными полуметровыми буквами надпись "Евреев – в гробы!". Наталья Розенштейн и ее муж Григорий Розенштейн вышли и, встав по обе стороны надписи, стали читать псалмы и тору. К ним присоединились отказники, живущие по соседству. Через пять минут подъехали машины с людьми в штатском и с милиционерами, которые, однако, не вмешивались. Когда евреи разошлись, милиционеры закрасили надпись.

На следующий день надпись проступила из-под краски. Наталья Розенштейн отправила начальнику отделения милиции телеграмму с требованием немедленно выломать кусок тротуара с надписью. 6 июня она отправила аналогичные телеграммы в УВД и в Моссовет, заявив, что в противном случае евреи в ожидании погрома организуют самооборону. В то же утро надпись была выломана.

* * *

К вечеру 31 мая у Галины Цырлиной собрались Елена Чернобыльская, Батшева Елистратова и Виня Белкина. Дом окружили лица в штатском и несколько автомашин. На следующий день квартира была блокирована. Тогда женщины в одном окне повесили шестиконечную звезду, в другом – плакат "Визы в Израиль!". Лица в штатском, приготовившиеся заранее на соседнем балконе, тут же сорвали звезду и плакат. Женщины написали новые плакаты и выставили их с внутренней стороны стекла. Лица в штатском сначала попытались взломать дверь квартиры, затем стали лить с верхнего этажа на стекла с плакатами раствор мела. Примерно через два с половиной часа, когда уже стемнело, женщины сняли плакаты и были выпущены.

* * *

Днем 31 мая у подъезда дома, где живет Михаил Кремень, начала дежурить машина с четырьмя "в штатском". Жена Михаила Галина со старшим сыном Сашей уехала в этот день в квартиру Н. Розенштейн (см. выше). Дома остался Михаил с младшим сыном Женей (7 лет).

Утром 1 июня Михаил Кремень хотел выйти с сыном на утреннюю физзарядку, но милиционер и еще два человека не выпустили их. Позднее мальчику не разрешили даже сходить за продуктами. В 12 час. 50 мин. М. Кремень вывесил на балконе плакат "Да здравствует Израиль!" и включил магнитофон с записями песен "Фараон, отпусти народ мой" и "Израиль, Израиль". После песен М. Кремень записал на магнитофон свое обращение:

Граждане! Сегодня, 1 июня, в Международный день защиты детей, моя семья подвергается превентивному домашнему аресту безо всякого постановления и решения судьи. Моей семье запрещено выходить из дома. Мои дети также являются домашними арестантами – им запрещено выйти во двор погулять. Они голодны, дома нет продуктов, и нам не разрешили выйти в магазин. Моих детей морят голодом.

И такое происходит в СССР с самой демократической конституцией в мире и в наше мирное время. Вы посмотрите еще раз в лицо сотрудникам КГБ, спросите у них, что за причина таких репрессий против моей семьи, а ведь такое с моей семьей происходит 4 года.

Да здравствуют Советский Закон и Свобода!

В 15 час. в квартире отключили свет (телефон был отключен с 8 час.). Тогда Михаил записал то же обращение на магнитофон, работающий на батарейках, и снова пустил его с балкона. В 16 час. пятиметровым шестом с балкона этажом выше сбили плакат. "Концерт" с балкона продолжался до 19 час. Блокирование квартиры продолжалось до позднего вечера.

5 июня и.о. начальника 139 отделения милиции Кудинов вызвал М. Кремня и прочитал ему заявление соседей, в котором они выражали свое возмущение его поведением. Затем М. Кремня отвезли в народный суд Перовского р-на г. Москвы; там им по очереди занимались четверо судей, но ни один из них не пожелал вынести решения по его делу.

8 июня Кудинов снова вызвал М. Кремня. Пришедшим с ним жене и друзьям Кудинов заявил, что М. Кремня отвезут в райотдел УВД, где с ним "побеседует начальство". Вместо этого М. Кремня отвезли в народный суд Перовского р-на, где какой-то судья за 30 секунд приговорил его к 15 суткам ареста за "мелкое хулиганство".

* * *

23 мая Ида Нудель приняла участие в демонстрации у кремлевской стены (см. выше). С этого дня КГБ установил за ней постоянную слежку. С 30 мая слежка стала открытой – автомобиль с четырьмя работниками КГБ постоянно стоял у ее подъезда и повсюду следовал за ней.

С утра 1 июня Иду Нудель блокировали в ее квартире. С 11 час. под ее окнами был установлен трактор, мотор которого работал, не переставая, до 22 час. В 18 час. Ида выставила на балконе плакат "КГБ! Отдай мою визу!". Люди, расположившиеся на соседнем балконе, металлическим прутом сбили плакат и стали бросать в Иду камни. В ответ она начала плескать в них заранее приготовленной водой – они ушли. Ида написала новые плакаты и прикрепила их на балконе и в окне кухни. Из окна смежной квартиры длинной палкой с гвоздем снова сорвали плакат с балкона. Из окна этажом выше спустили веревку с привязанным гаечным ключом. Раскачав веревку, разбили окно кухни – плакат упал. Ида заставила окно с пробитым стеклом картоном с изображением желтой шестиконечной звезды и вывесила на балконе новый плакат. В 19 час. 30 мин. "сражение" закончилось – нападавшие ушли, плакаты остались висеть. Когда стемнело, Ида сняла их сама.

* * *

Утром 1 июня была блокирована также квартира Слепаков. В 4 часа дня Мария и Владимир Слепаки повесили на балконе своей квартиры, выходящей на улицу Горького, плакаты "Отпустите к сыну в Израиль!" и "Виза сыну!" (Их старшего сына выпустили из СССР (Хр. 47), младшего (Хр. 47) – не выпускают.) Через две минуты плакаты сорвали баграми с балкона 7 этажа (квартира Слепаков – на 8 этаже). Слепаки сделали такие же плакаты и вышли с ними на балкон. Через 10 минут люди в штатском с соседнего балкона начали бить Слепаков шестами. Одновременно из окна 9 этажа техник-смотритель Максимова начала поливать их кипятком. В. Слепак получил сильные ожоги. Примерно в 15 час. люди в штатском, взломав дверь в квартиру и дверь в комнату, ворвались на балкон. Слепакам дали переодеться в сухое и увезли их в милицию.

* * *

Вечером 2 июня Ида Нудель, жена Иосифа Бегуна (см. ниже) Алла Другова, Леонид Шаранский, Наталья Хасина, Виня Белкина, Елена Дубьянская, Виктор Елистратов, Оскар Менделеев, Яков Рахленко, Евгений Цырлин, Борис Чернобыльский (Хр. 43) и Яков Шмаевич собрались на Пушкинской площади, чтобы идти в милицию выяснять, где находятся Мария и Владимир Слепаки. Площадь оказалась запружена людьми в штатском, которые схватили собравшихся и затолкали их в автобус. Евреев отвезли в ближайший опорный пункт милиции, где продержали несколько часов, после чего всех, кроме Иды Нудель, по одному выпустили.

Иду Нудель доставили в милицию. Там зам. начальника следственного отдела Волгоградского РУВД г. Москвы ст. лейтенант В.П. Иванов объявил ей, что против нее возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР ("злостное хулиганство"). И. Нудель отвезли домой, где при ней провели обыск. Изъяли обрывки плакатов, кисть, бумажный рупор, а также книги по ивриту, литературу об Израиле, фотографии, визитные карточки друзей и другие бумаги.

После обыска ст. лейтенант Иванов написал рапорт:

...

Во время обыска в окна квартиры И.Я. Нудель ее сообщниками кидались кирпичи и камни с целью воспрепятствовать проведению обыска у гр. Нудель. В результате хулиганских действий сообщников гр. Нудель у нее в квартире на кухне были выбиты окна.

Принятыми мерами со стороны сотрудников 72 о/м группа хулиганов была разогнана, а дом во время проведения обыска был оцеплен нарядом милиции.

* * *

Вечером 4 июня Ида Нудель, Наталья Хасина, Елена Чернобыльская, Галина Нижникова, Наталья Розенштейн, Гюзель Хаит, Галина Кремень, Галина Цырлина и супруги Борис Кац и Наталья Жулей с восьмимесячной дочерью Джессикой (семья Кац в течение полугода добивается разрешения на выезд в США, где живет мать Бориса, для лечения тяжело больной дочери; см. также "Литературную газету" от 24 мая 1978 г.) провели демонстрацию на Трубной площади. Демонстранты подняли плакаты "Визы в Израиль!", "Отпустите в Израиль или кладите в гробы!", "Отпустите детей!", "Евреи выживут!". Через 5 минут сотрудники КГБ и милиция сорвали плакаты и отвезли участников демонстрации в 18 отделение милиции. Там им было предложено письменно объяснить свои действия — они отказались. Через три часа всех отпустили.

9 июня в 14 часов Ида Нудель, Наталья Хасина, Елена Чернобыльская, Галина Нижникова, Наталья Розенштейн, Галина Кремень с тринадцатилетним сыном Сашей и супруги Кац с дочкой встали на площади Дзержинского с плакатами: "Отпустите нас в Израиль!", "Отпустите детей!". Саша Кремень держал плакат "Отпустите моего отца из тюрьмы!" (см. выше). Едва демонстранты успели поднять плакаты, как к ним подбежали люди в штатском, отняли плакаты и окружили их плотным кольцом, выкрикивая: "Заелись советским хлебом!", "Предатели!", "Сионисты!", "Жида вонючие!", "Гитлер вас не добил!", "Сталин не дорезал!". Подъехал милицейский микроавтобус. Милиционеры пошвыряли в него демонстрантов (в том числе – Бориса Каца с ребенком на руках) и отвезли их снова в 18 отделение милиции. Там демонстранты отказались подписать протокол об "избиении ими десятка мужчин". Ида Нудель заявили, что демонстранты собрали толпу в 150 человек, которая "могла загородить тротуар и стать причиной дорожной аварии". Вечером 5 милиционеров отвезли ее домой. В течение вечера всех из милиции отпустили.

Суд над Идой Нудель

Ида Яковлевна Нудель (1931 г.р.) находится "в отказе" с декабря 1971 г. Все это время она была активной участницей движения евреев за выезд. В 1972 г. дважды отбыла по 15 суток.

В ее деле имеется заявление начальнику 72 отделения милиции г. Москвы, подписанное жильцами ее дома Новиковым, Кургузовой, Фомицевым:

В квартире 28 нашего дома проживает гражданка Нудель, которая своим поведением позорит звание советского гражданина. Вывешивает на своем балконе антисоветские флаги и лозунги, делает клеветнические выкрики в адрес советского строя. В результате этого в доме создаются ненормальные условия для жизни.

Просим принять решительные меры и оградить нас от гражданки Нудель.

с резолюцией от 2 июня "Тов. Власенко Н.Г. Возбудите уголовное дело по ст. 206, ч. 2 УК РСФСР и расследуйте его."

Вечером того же дня Иде Нудель было объявлено о возбуждении дела и у нее был проведен обыск (см. выше).

12 июня следователь Власенко объявил Иде Нудель "Постановление о привлечении в качестве обвиняемой":

Нудель И.Я. совершила злостные хулиганские действия, грубо нарушающие общественный порядок, выражающие явное неува-

жение к обществу, отличающиеся по своему содержанию особой дерзостью, связанной с сопротивлением властям, выполняющим обязанности по охране общественного порядка, и гражданам, пресекавшим ее хулиганские действия.

Так, 1 июня 1978 г. примерно в 11 часов утра по месту своего жительства — Москва, ул. Юных Ленинцев 79-6-28 — И.Я. Нудель на окнах и балконе своей квартиры, расположенной на 4-м этаже дома, изготовила и вывесила плакаты с клеветой в адрес государственных учреждений, с помощью самодельного бумажного рупора выкрикивала с балкона оскорбления в адрес госучреждений и граждан, длительное время нарушая покой и отдых жильцов дома. На замечания граждан и участкового инспектора Токарева В.В. о прекращении хулиганских действий не реагировала, вела себя крайне вызывающе, а когда последние попытались снять с балкона и окон ее квартиры плакаты, то она, действуя с особой дерзостью, оказала им сопротивление и, мешая снятию плакатов, из хулиганских побуждений обливала указанных лиц горячей водой. Свои хулиганские действия Нудель И.Я. продолжала до 22 часов 01.06.78 г., нарушая общественный порядок во дворе дома и мешая нормальному отдыху жильцов дома, т.е. совершила преступление, предусмотренное ст. 206, ч. 2 УК РСФСР.

Кроме этого, она же 04.06.78 г., примерно в 18 час. находилась на Трубной пл. г. Москвы, должных выводов для себя не сделала и, нарушая общественный порядок, вывесила плакаты с клеветой и оскорблениями в адрес государственных учреждений, вела себя крайне вызывающе, на требования граждан, возмущенных ее хулиганским поведением, и работников милиции о прекращении хулиганства не обращала внимания. Будучи доставлена в 18 о/м г. Москвы, продолжала хулиганские действия, вела себя вызывающе, оказывала явное неуважение к работникам милиции, отказывалась пройти в кабинет для дачи объяснений, мешала нормальной работе сотрудников милиции, т.е. совершила преступление, предусмотренное ст. 206, ч. 2 УК РСФСР.

С И. Нудель была взята подписка о невыезде. 14 июня Ида Нудель сделала заявление:

В 1971 г. я обратилась к советским властям с просьбой разрешить мне уехать в Израиль. Мое решение было продиктовано обстановкой крайнего антисемитизма, который я стала особенно остро ощущать после 1948 г. На протяжении моей сознательной жизни и, главным образом, после окончания института я постоянно на работе, на улице, в газетах и книгах встречала откровенную ненависть, презрение, клевету и изощренные формы унижения моего национального достоинства.

Как человек эмоциональный, с выстраданным пониманием судьбы моего народа и моего личного долга перед ним, я сразу

же после подачи документов на выезд активно участвовала в жизни московских евреев, разделявших мои чувства и убеждения.

Я была отселектирована органами КГБ и получила отказ в своем ходатайстве на выезд в декабре 1971 г.

. . .

12 июня мне было объявлено, что следствие закончено, материала, подтверждающего обвинение, достаточно и дело передается для судебного разбирательства. Мне было позволено ознакомиться с материалами следствия. Поскольку все свидетельские показания писались следователем Власенко лично, они довольно однообразны, и я выписала только несколько из них или части из них. Особо обращаю внимание на рапорт В.П. Иванова, производившего у меня обыск, использовавшего свое служебное положение в преступных целях, выразившихся в том, что он дал заведомо ложные показания с целью скрыть факт хулиганства КГБ и нанесения мне материального ущерба. Вместо разбитого стекла в окне моей квартиры с 7 июня с.г. висит желтая звезда как символ моего страдания и преследований.

О ложных показаниях ст. лейтенанта Иванова Ида Нудель телеграфировала Брежневу, министрам внутренних дел и юстиции, пленуму Верховного Суда СССР, в Волгоградский райком КПСС и в народный суд Волгоградского р-на.

15 июня судья этого суда А.А.Анашкин назначил слушание дела И. Нудель на 21 июня.

16 июня И. Нудель послала телеграмму в посольство Нидерландов:

... как гражданка Израиля с 1972 года (документ, подтверждающий мое гражданство, находится в КГБ, номер сертификата 642 от июня 1972 г.) прошу консула, представляющего интересы Израиля в СССР, обратиться с ходатайством к Советским властям о присутствии в зале суда во время судебного разбирательства.

. . .

В тот же день она послала телеграмму Брежневу, Генеральному Прокурору СССР, главному редактору газеты "Правда" и в корреспондентский пункт агентства "Рейтер" в Москве:

. . .

В знак протеста против проводимого террора я повесила на окне желтую шестиконечную звезду. Сегодня я получила ультиматум от КГБ – снять звезду. И вот уже в течение более двух часов по моим окнам идет пальба и бьются стекла.

Требую немедленного вмешательства ...

Одновременно Ида Нудель телеграфировала в ЦК КПСС и в Совет по делам религий:

Прошу срочно сообщить мне, является ли вывешивание религиозного знака евреев — шестиконечной звезды — в окне своей квартиры основанием для преследований и выселения из квартиры.

24 активиста движения евреев за выезд отправили Брежневу, Андропову, Щелокову телеграмму с требованием прекратить террор против Иды Нудель.

* * *

17 июня В.Г. Кургузова (см. выше) подала председателю правления ЖСК заявление:

В течение недели июня месяца 1978 г. каждый день с наступлением темноты бросали камни в плакат, который вывешен в окне квартиры 28 гражданки Нудель и один раз выкрикивали слова: "Падла еврейская, показывайся". 16 июня 1978 г. в 23 часа камнем разбили мне оконное стекло. Прошу Вас принять необходимые меры и застеклить мне разбитое окно.

* * *

17 июня И. Нудель потребовала от прокурора Волгоградского р-на, чтобы он отозвал из суда ее дело. 18 июня она обратилась с аналогичной просьбой к прокурору Москвы.

20 июня И. Нудель направила в народный суд Волгоградского р-на несколько ходатайств (о вызове в качестве свидетелей целого ряда лиц; о создании экспертизы для установления факта, является ли призыв "КГБ! Отдай мою визу!" клеветой "в адрес государственных учреждений" и т.п.):

Лишь при удовлетворении судом всех этих ходатайств может быть установлена истина, намеренно фальсифицированный следствием.

В тот же день Ида Нудель сделала заявление:

. . .

Вот уже 7 лет я добиваюсь разрешения на выезд из СССР.

В течение этих 7 лет мне ни разу не удалось встретиться с людьми, которые решают мою судьбу.

Неоднократно я обращалась прямо в КГБ с отчетом о работах, в которых я принимала участие. Это были работы по выбору площадок для будущего строительства заводов микробиологической промышленности, заводов по производству средств защиты растений или ферментов для пищевой промышленности.

Никогда я не принимала участие в разработке секретных препаратов и никогда не была информирована о том, что кто-либо из работников этого института принимал участие в подобных работах.

Необоснованный отказ без указания срока его окончания превращает жизнь человека в сплошное страдание. Многие люди не могут вынести эту пытку неизвестностью. Они готовы на самые решительные шаги, чтобы знать, когда же конец ожиданию.

Семь лет я жду разрешения. Я не могу сказать, что я спокойно и послушно ждала своей выездной визы. Нет, скорее я была беспокойна для властей.

Они трижды сажали меня в тюрьму на короткие сроки, в 1973 г. сфабриковали медицинское заключение о том, что я алкоголик, и намеревались запихнуть в сумасшедший дом. В моей квартире с 1972 г. пробит потолок, и каждое мое слово, вздох и стон транслируется в КГБ. Вся моя переписка, зарубежная и местная, идет под усиленной цензурой. Почти постоянно за мной тайно или открыто следуют агенты КГБ.

За эти 7 лет ожидания разрешения на выезд я стала известна широкому кругу людей благодаря тому, что все эти годы старалась активно сопротивляться насилию властей.

...
... всем далеким и близким друзьям я глубоко и искренне благодарна.

21 июня состоялся суд. В зал суда никого из знакомых и друзей Иды Нудель не впустили. Ида Нудель заявила, что, пока их не впустят, она в зал не пойдет. Тогда суд изменил ей меру пресечения — ее взяли под стражу. Не вызвали в суд в качестве свидетелей ни тех, о ком ходатайствовала Ида Нудель, ни тех, кто заранее посылал в суд просьбу об этом (напр., Абрама Нижникова). Ида Нудель не давала никаких показаний ни во время дознания, ни на суде. Она отказалась от назначенного адвоката, но суд не принял ее отказ. Адвокат Гавин просил оправдать подсудимую за отсутствием в ее действиях состава преступления. В последнем слове Ида Нудель сказала:

Итак, я должна подвести итог своему действию. Последнее слово — эта фраза звучит очень торжественно и как бы уже потусторонне: потом уже не будет слов или слова уже не будут иметь значения.

1 июня сего года я совершила действие — отчаянием утвердила я свое право на публичное выражение протеста. Но меня судят не за это, хотя формально мне предъявлено: демонстрация на балконе 1 июня и демонстрация 4 июня на Трубной площади. Меня судят за 7 предыдущих лет, самых славных в моей жизни. И если через многие годы мне нужно будет еще раз последнее слово, я абсолютно уверена, что и тогда я повторю, что эти 7 лет моей жизни, за которые я сегодня сижу на скамье подсудимых, — самые тяжелые и самые славные в моей жизни.

В эти семь лет я научилась ходить с гордо поднятой головой — как человек и как еврейка. Эти 7 лет жизни были наполнены

борьбой как за себя, так и за других. И каждый раз, как только мне удалось сохранить живой очередную жертву, мое сердце наполнялось необычайным чувством, которому нет равных. Возможно, оно близко к чувству женщины, давшей новую жизнь. Даже если остальную жизнь я проживу серо и однообразно, никто из вас, мои судьи, не может придумать мне кару, чтобы взять реванш за торжество победы этих семи лет.

Эти семь лет дадут мне сознание, что моя жизнь прожита не зря, и будут согревать мне сердце.

Суд, применив ст. 43 УК РСФСР, приговорил Иду Нудель к 4 годам ссылки. И. Нудель отказалась подавать кассационную жалобу.

Для отбывания ссылки Иду Нудель этапировали в село Кривошеино Томской области. Расконвоировали ее 1 августа. (Таким образом, конец ее ссылки 1 апреля 1982 года.) Работает она уборщицей.

Суд над Владимиром Слепаком

Владимир Семенович Слепак (1927 г.р.) находится в отказе с апреля 1970 г. Активный участник движения евреев за выезд. Член Московской группы "Хельсинки".

1 июня его арестовали в его квартире и увезли в милицию (см. выше). Против него возбудили уголовное дело по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Вечером 2 июня его перевезли из КПЗ в Бутырскую тюрьму.

6 июня Мария Слепак (ее выпустили из-под стражи в ночь со 2 июня на 3-е — см. ниже) дала телеграмму в Президиум Верховного Совета СССР:

. . .

В соответствии со ст. 58 Конституции СССР я апеллирую к верховному органу государственной власти по поводу явно незаконных действий должностных лиц, ставших на путь фабрикации искусственного дела, грозящего несправедливым наказанием Владимира Слепака и меня, а также наносящего ущерб престижу Советского Союза в глазах мировой общественности.

. . . Призываю вернуть свободу Владимиру Слепаку, предотвратить расправу надо мной.

7 июня она послала прокурору Фрунзенского р-на г. Москвы заявление:

Прошу срочно изменить моему мужу Слепаку Владимиру Семеновичу, находящемуся в Бутырской тюрьме, меру пресечения в связи с его плохим состоянием здоровья (хронический холецистит, варикозное расширение вен нижних конечностей, дифрагмальная грыжа).

Зам. прокурора Фрунзенского р-на М.И. Червов ответил ей отказом.

8 июня М. Слепак опубликовала "Обращение к людям", кончающееся словами: "Спасите нас! Требуйте освобождения Владимира Слепака! Помогите нам уехать из этой страны!". 10 июня она обратилась с просьбой о помощи к Президенту США Дж. Картеру.

К Генеральному Прокурору СССР обратились 18 евреев из Ленинграда:

.....
Мы выражаем свою солидарность с Владимиром Слепаком и его женой Марией, мужественно борющимися за свое право уехать в Израиль.

.....
Мы настоятельно просим Вашего срочного вмешательства с тем, чтобы положить конец преступным действиям КГБ в отношении этой семьи.

Свободу Владимиру Слепаку!

21 июня народный суд Фрунзенского р-на г. Москвы рассмотрел дело Владимира Слепака. Председательствовал на суде Е.М. Киселев. Обвинитель – прокурор Н.В. Холявченко. Защитника не было.

В зал суда никого из родственников и знакомых В. Слепака не пустили. Мария Слепак (ее дело было выделено из их "общего" дела 9 июня) лежала в это время в больнице. Утром 21 июня в больницу приходил работник МВД – и Марию целый день водили по кабинетам, чтобы она не сбежала на суд.

Из приговора:

Подсудимый Слепак В.С. 1 июня 1978 г. совершил злостное хулиганство, отличающееся по своему содержанию особой дерзостью, при следующих обстоятельствах: 1 июня 1978 г., около 16 часов, совместно со Слепак М.И., Слепак В.С., из хулиганских побуждений, вывесил на выходящем на центральную улицу гор. Москвы – улицу Горького – балконе своей квартиры № 77, расположенной в доме № 15 по ул. Горького, несколько полотен с провокационной надписью и продолжал демонстрировать эти полотна, держа в руках, несмотря на неоднократные требования работников милиции и ЖЭК о прекращении этих действий.

Когда сотрудник милиции Маринченко В.С. пытался с соседнего балкона снять шестом полотно с провокационной надписью, то Слепак схватил этот шест и сломал его, сопровождая свои действия, которые носили длительный и упорно не прекращающийся характер, угрожающими жестами, дерзкими и вызывающими выкриками, содержащими явное неуважение к обществу. Своими действиями Слепак вызвал большое скопление народа на обеих сторонах и проезжей части улицы Горького, а также временное прекращение нормальной деятельности общественного транспорта, грубое нарушение порядка на улице и возмущение граждан.

В предъявленном обвинении Слепак В.С. виновным себя не признал и пояснил, что он демонстрировал плакаты с целью привлечь как можно больше людей и обратить на себя внимание, но это он делал не из хулиганских побуждений, а из желания таким образом добиться для себя и жены определенных результатов, связанных с действиями административных органов.

Суд, применив (без всякой мотивировки) ст. 43 УК РСФСР, приговорил В. Слепака к 5 годам ссылки.

23 июня Мария Слепак послала из больницы телеграмму в Президиум Верховного Совета СССР:

Человеческой совести противно молчать при чудовищной расправе, учиненной над невиновным человеком.

Поэтому вновь во всеулышание призываю из больничной палаты покончить с незаслуженными преследованиями нашей семьи, проявить гуманность, разрешить нам покинуть страну в целях воссоединения разрозненной семьи.

19 июля Московский городской суд отклонил кассационные жалобы В. Слепака и адвоката Д.М. Аксельбанта, оставив приговор без изменения.

В конце июля В. Слепака отправили по этапу в ссылку. 28 августа его расконвоировали (таким образом, конец срока у него в декабре 1982 г.). Его адрес — с. Цокто-Хангил Агинского р-на Читинской обл. Работает он механиком в колхозе.

Суд над Марией Слепак

Мария Исааковна Слепак (1926 г.р.) была задержана у себя на квартире вместе с Владимиром Слепаком 1 июня, примерно в 17 час. Ее отвезли в милицию. В 22 час. у нее был приступ панкреатита, сопровождающийся болями в сердце. Милиция вызвала "Скорую помощь".

2 июня следователь Фрунзенского РУВД г. Москвы Н.А. Насыко предъявила Марии Слепак обвинение по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР и допросила ее. Мария Слепак вручила следователю требование об изменении меры пресечения в связи с плохим состоянием здоровья (в этот день у нее был второй приступ панкреатита и милиция еще раз вызывала "Скорую помощь"). Через два часа Насыко объявила Марии Слепак, что районный прокурор отклонил ее просьбу. Вечером Марию Слепак перевезли из КПЗ в Бутырскую тюрьму.

Однако уже в первом часу ночи ее вернули в отделение милиции, возвратили изъятые при аресте вещи, взяли подписку о невыезде и отвезли домой.

6 июня М. Слепак послала прокурору Фрунзенского района г. Москвы заявление о допросе 2 июня:

• • •
Протокол допроса я не могла прочитать, т.к. находилась в КПЗ без очков для чтения и была в тяжелом болезненном состоянии по поводу приступа панкреатита (в связи с чем сотрудники милиции дважды вызывали "Скорую помощь"). Я механически подписала прочитанный мне следователем протокол, который прошу считать недействительным.

9 июня из уголовного дела № 2598 (В. Слепак и М. Слепак) было выделено уголовное дело № 2598а (М. Слепак). В тот же день Мария Слепак послала начальнику следственного отдела РУВД Фрунзенского района заявление, в котором написала: "... от дачи показаний по незаконно возбужденному в отношении меня делу отказываюсь ..."

12 июня следователь Насыко объявила Марии Слепак об окончании дознания и предъявила ей обвинение:

Слепак Мария Исааковна совершила злостное хулиганство, то есть умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, отличающиеся по своему содержанию особой дерзостью, а именно: 1 июня 1978 г. около 16 часов она совместно со Слепаком Владимиром Семеновичем из хулиганских побуждений вывесила на балконе своей квартиры по ад.: г. Москва, ул. Горького 15-77, выходящем на центральную улицу гор. Москвы – ул. Горького – несколько полотен с надписью "Отпустите к сыну в Израиль" и, несмотря на неоднократные требования работников милиции и ЖЭК прекратить свои действия, продолжала демонстрировать, держа в руках полотно с надписью "Отпустите к сыну в Израиль", сопровождая свои действия, носящие длительный, упорно не прекращающийся характер, жестами угрожающего характера, выкриками антисоветского содержания, плевками, тем самым вызвала большое скопление народа на обеих сторонах и проезжей части улицы Горького, временное прекращение нормальной деятельности общественного транспорта, грубое нарушение порядка на улице и возмущение граждан, т.е. совершила преступление, предусмотр. ст. 206 ч. 2 УК РСФСР.

В середине июня М. Слепак легла в больницу, где пробыла примерно две недели.

25 июля Марии Слепак привезли домой копию Обвинительного заключения и повестку в суд на 26 июля (согласно ст. 237 УПК РСФСР "рассмотрение дела в судебном заседании не может быть начато ранее трех суток с момента вручения подсудимому" копии обвинительного заключения).

26 июля народный суд Фрунзенского р-на г. Москвы рассмотрел дело Марии Слепак. Председательствовал на суде А.В. Кузьмин. Обвинитель – прокурор И.М. Демешук. Защитника не было.

В зал суда пустили только близких родственников подсудимой. В начале судебного заседания Мария Слепак обратила внимание суда на то, что копия Обвинительного заключения была вручена ей только накануне. Суд игнорировал это обстоятельство. Тогда Мария Слепак зачитала заранее подготовленное заявление:

Сегодня в этом зале меня собираются судить за "преднамеренные хулиганские действия", совершенные якобы мной и моим мужем.

Никаких преднамеренных и, тем более, хулиганских действий на самом деле не было.

В 1970 г. моя семья – я, мой муж В. Слепак и двое наших детей – подала в установленном законом порядке заявление на выезд к родственникам в Израиль.

Мы получили отказ. С тех пор мы неоднократно обращались во все официальные советские инстанции с просьбой разрешить выезд нашей семье в Израиль, где живут моя мать, мой сын и сестра.

Рано утром 1-го июня с. г. не известные мне лица, подъехавшие к нашему подъезду еще накануне в 12 часов ночи на машине с государственным номером, привязали нашу дверь и таким образом лишили нас возможности выходить из дому. Доведенные до отчаяния я и мой муж В.С. Слепак написали плакат "Отпустите к сыну в Израиль" и вышли на балкон своей квартиры.

У меня нет сомнений, что судьба нашей семьи заранее предreshена, а вам в этом зале предстоит лишь оформить это решение приговором и таким образом завершить восьмилетние страдания нашей семьи новыми мучениями.

На основании сказанного я отказываюсь от участия в этом судебном процессе.

Прошу приобщить данное заявление к делу.

Больше в суде она никакого участия не принимала.

Из приговора:

При назначении Слепак М.И. наказания суд учитывает как тяжесть содеянного, так и данные о ее личности и все конкретные обстоятельства дела. Слепак М.И. ранее не судима, преступление совершила впервые, является пенсионеркой, в целом факта своих действий не отрицает в своем заявлении от 26 июля 1978 г., поданном в судебном заседании. В связи с этим суд находит возможным не лишать Слепак М.И. свободы и применить к ней условное осуждение.

"Выкрики антисоветского содержания" и "плевки", выдуманные следователем Насыко (см. выше), в приговоре не упоминаются.

Суд приговорил Марию Слепак к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в течение 3 лет.

Подать кассационную жалобу М. Слепак не стала.

Суд над Иосифом Бегуном

Кандидат технических наук Иосиф Зиселевич Бегун (1933 г.р.) находится "в откате" с 1971 г. Активист движения евреев за выезд. В 1977 г. Бегун был осужден по ч. 1 ст. 209 УК РСФСР ("ведение в течение длительного времени паразитического образа жизни") на 2 года ссылки (Хр. 44, 46). Ссылку он отбывал в Магаданской области. Ввиду длительного пребывания под стражей срок ссылки кончился у Бегуна 15 февраля 1978 г. (Хр. 48).

5 марта Иосиф Бегун вернулся в Москву.

10 марта Алла (Этя) Другова обратилась в 84 отделение милиции с просьбой прописать на ее площади Иосифа Бегуна — ее мужа и отца двух ее детей (12 и 14 лет).

16 марта И. Бегун попросил прописать его у жены хотя бы временно, пока будет решен вопрос о его постоянной прописке. В ответ работники 84 отделения составили протокол о нарушении Бегуном паспортных правил и взяли с него подписку о выезде из Москвы в 72 часа.

В тот же день Бегун получил отказ и из 37 отделения милиции — на просьбу прописать его по *прежнему* месту жительства: "... дом № 14 по ул. Мельникова выселен на капитальный ремонт. Прописка в нем не осуществляется".

17 марта А. Другова получила отказ "на основании ст. 27 Положения о прописке и выписке населения в г. Москве". (Позднее в милиции И. Бегуну сказали, что согласно новому "Положению" с 27 мая 1977 г. ст. 209 УК РСФСР входит в число "запрещенных" для прописки в Москве.)

И. Бегун обратился с заявлением к начальнику ГУВД Мосгорисполкома:

...

На территории 84 о/м проживает моя семья, и я обратился в паспортный стол вышеуказанного о/м о восстановлении московской прописки. Я получил официальный ответ 17 марта с.г. Однако 16 марта я был задержан работниками милиции, и в том же 84 о/м мне дали административное взыскание за нарушение паспортного режима.

Полагаю, что это — явная нелепость, и прошу принять необходимые меры.

18 марта И. Бегун и А. Другова были на приеме у заместителя начальника ГУВД Мосгорисполкома генерала Пашковского, который сказал им, что вопрос о прописке Бегуна будет рассмотрен вновь и пообещал, что, пока он будет рассматриваться, никакие административные санкции к Бегуну применяться не будут.

21 марта И. Бегун был в паспортном отделе ГУВД Мосгорисполкома, где лейтенант Королева сказала ему, чтобы он явился 24 марта, имея

при себе документы, необходимые для его прописки в Москве. Однако 24 марта, когда И. Бегун шел туда, он был задержан работниками 93 отделения милиции, которые вторично составили протокол о нарушении им паспортных правил и снова взяли с него подписку о выезде из Москвы. Ссылки на обещание генерала Пашковского и на приглашение лейтенанта Королевой не помогли.

В тот же день по распоряжению зам. начальника Московского ОВИРа Зотова у Бегуна "в виде исключения" (т.е. несмотря на отсутствие прописки) приняли заявление на выезд в городском ОВИРе.

26 марта в заявлении ген. Пашковскому Бегун написал, что апелляция к его словам не избавила его от второй подписки о выезде.

... У Вас есть власть и, я надеюсь, чувство моральной ответственности, чтобы снять с меня две необоснованные подписки ... Не превращайте меня в уголовного преступника, не превращайте меня в бездомного бродягу, в то время как у меня есть семья и дом.

1 апреля И. Бегун получил приглашение явиться 6 апреля на заседание депутатской комиссии Моссовета, где будет рассматриваться вопрос о его прописке. Он обратился к председателю депутатской комиссии генералу Шутову с просьбой гарантировать безопасность его приезда в Москву. Не получив ответа, он 6 апреля на заседание не пошел.

В эти дни он послал заявление с протестом против действий милиции Брежневу, Щелокову, Шутову и начальнику паспортного отдела МВД СССР.

11 апреля И. Бегун обратился за помощью к западным профсоюзам, 15 апреля – в Комиссию по правам человека ООН.

20 апреля И. Бегун и А. Другова были на заседании депутатской комиссии Моссовета, где рассматривался вопрос о прописке Бегуна. Комиссия оставила вопрос на дальнейшее рассмотрение.

26 апреля И. Бегун обратился в депутатскую комиссию с просьбой разрешить ему прописаться у жены хотя бы временно, чтобы он мог помочь ей ухаживать за ее больной матерью.

28 апреля И. Бегун получил от заместителя начальника паспортного отдела МВД СССР М.И. Гусева сообщение, что вопрос о его прописке направлен для рассмотрения в ГУВД Мосгорисполкома. 17 мая Бегун получил следующее сообщение – ГУВД рассматривает его заявление, о принятом решении он будет извещен.

17 мая И. Бегун провел несколько часов возле здания, в котором судили Юрия Орлова. Когда он ехал оттуда, сотрудники 84 отделения милиции арестовали его на улице. Ему предъявили обвинение по ст. 198 УК РСФСР ("Нарушение паспортных правил"). Бегун объявил голодовку.

19 мая В. Кувакин (Хр. 48) телеграфировал Генеральному Прокурору СССР и министру внутренних дел:

Категорически протестую против незаконного задержания Иосифа Бегуна. Мера пресечения избрана абсолютно необоснованно. Состав преступления не усматривается, ибо подписка о выезде из г. Москвы отобрана до того, как вынесено решение о прописке в г. Москве.

На основании ст. 47 УПК РСФСР требую решить вопрос о допуске меня в качестве защитника Иосифа Бегуна.

В тот же день Бегуна перевели в следственный изолятор МВД на ул. Матросская Тишина.

Через несколько дней родственники Бегуна получили из паспортного отдела ГУВД Мосгорисполкома открытку с сообщением, что в прописке ему отказано на основании "Положения о прописке и выписке по судимости". Открытка была адресована самому Бегуну и датирована 19 мая.

22 мая А. Другова послала в Московскую прокуратуру заявление с изложением событий.

29 мая в защиту И. Бегуна выступил Христианский комитет защиты прав верующих в СССР.

18 июня А. Другова обратилась к Президенту МОКа:

Г-н Президент, когда через два года Вы будете любоваться ярким красочным зрелищем спортивных парадов и соревнований, может быть, Вы вспомните о страданиях насильственно разделенных семей, о тех, кого убрали с Ваших глаз в тюрьмы и лагеря.

Остается надежда, что Вы поднимете свой авторитетный голос против бесчеловечной жестокости, позорящей и извращающей смысл и дух Олимпийского движения.

28 июня народный суд Пролетарского р-на г. Москвы рассмотрел дело И. Бегуна. Председательствовала на суде Р.А. Новицкая. И. Бегун отказался от назначенного адвоката, но суд игнорировал его отказ. А. Другова обратилась с ходатайством, чтобы защитником Бегуна был С. Альбер (еврейский активист, физик, доктор физ.-мат. наук, профессор) — суд отклонил ее ходатайство.

Единственными свидетелями на суде были сотрудники милиции и филеры, следившие за Бегуном.

Иосиф Бегун был доставлен в суд после 42-дневной голодовки. Он находился в полубессознательном состоянии. Просьбы И. Бегуна, его жены и назначенного адвоката вызвать врача и отложить суд были отклонены. Судья Новицкая заявила, что суд произойдет при любом состоянии подсудимого. Она заставляла Бегуна вставать, хотя стоять он мог только облокотившись или при поддержке конвойных. Когда он, почти потеряв сознание, упал, на него по распоряжению судьи надели наручники. В дальнейшем его поднимали за наручники.

Не выдержав вида мужа, ушла из зала А. Другова. В знак протеста ушел из зала и С. Альбер. Больше никого из родственников и друзей подсудимого в зале не было.

В 13 час. Брежневу и Руденко была отправлена телеграмма:

В нарсуде Пролетарского района Москвы сегодня происходит суд над Иосифом Бегуном по обвинению в нарушении правил прописки. Подсудимый находится в крайне тяжелом физическом состоянии. Назначенный судом адвокат потребовал медицинской экспертизы и отложить суд. Судья заявил, что суд будет происходить при любом состоянии подсудимого.

Просим срочно вмешаться.

С. Альбер, В. Браиловский, А. Другова, В. Сорин, И. Циговский, Б. Чернобыльский.

Приговор узнали только на следующий день: 3 года ссылки (применена ст. 43 УК РСФСР).

25 июля Московский городской суд, рассмотрев в кассационном порядке дело Бегуна, оставил приговор в силе.

27 июля И. Бегун прекратил голодовку.

10 августа его отправили на этап. В начале сентября он прибыл в ссылку (в то же место, где отбывал предыдущую ссылку, – в г. Сусуман Магаданской области). Конец ссылки у него в октябре 1980 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абанькин В.	12,13,32	Бердник А.	77,78	Гайоз	28
Абрамов	58,59	Беридзе Р.	22,26	Галансков Ю.	29,31,32,35
Абросимов	84	Берия Л.	26	Гамсахурдиа З.	22-28
Адамский П.	45,47,57,58	Блом-Купер	80,81,82	Гамсахурдиа К.	22
Аксельбант Д.	99	Блох С.	82	Гамсахурдиа М.	22
Аксельрод И.	45	Блохина В.П.	11	Гаруцкас, о.К.	72,74
Александров	13	Бобрович Е.	84	Гаськова С.Е.	58,59
Александрян А.	15	Боннэр Е.Г.	19-20	Гегель	5
Алексеева Л.	43	Браилковский В.	105	Георгиевская Н.М.	11
Алиханов А.И.	5,6	Брандт С.М.	28	Гильденгорн И.	87
Алиханян А.И.	6	Брежнев Л.И.	6,8,9,10,16,37,80,87,94,95,103,105	Гинзбург А.	7,10,13,16,19,28-42,43,59,66,72
Алмазов Л.	20	Брук	47,50,61,64	Гинзбург Л.И.	30,36,37
Алхазышвили М.В.	22	Буковский В.	6,13,14	Глданели Г.	26
Альбер С.	104,105	Булгаков	42	Глузман С.	14
Альбрехт В.	7	Буравов	42	Гольдштейн И.	27
Альтман А.	14	Бурачяс М.	70	Гольфанд Ю.	18
Анашкин А.А.	94	Ваганов В.	30	Гомер	26
Андролов Ю.	37,95	Валитова (Орлова) И.	6,16,18,20,21	Градобоев А.	7,8,30,33,35,37
Андрюшка, ксендз	72	Варна В.	10	Григоренко П.	7,22,82
Анисимов В.Н.	12-14	Варна Я.	10,31	Гуженков В.	79,86
Антонова	7,8,10	Введенский В.Г.	84	Гусев	35
Антонюк З.	35	Великанова Т.	18,75,79	Гусев М.И.	103
Арманд Е.	19	Венцлова Т.	75	Дабулявичюс Ю.	68
Арцимович Л.А.	6	Вивчар З.	76,77	Давидович Е.	48,59
Бакученис	68,74	Власенко Н.Г.	92,94	Давыдов Г.	13
Балахонов В.	35	Волошанович А.	86	Давыдович Т.	30
Балтинас	75	Волунгявичюс Й.	73	Даниэль Ю.	29
Балтрунас Б.	75	Вольвовский Л.	44	Дворенков С.	84
Бахмин В.	18,79,80,81,86,87	Воробьев	20	Дворников С.	84
Бегун	55	Воронель А.	6	Демещук И.М.	100
Бегун И.	19,67,91,102-105	Воронина Л.	58	Демидов Д.	31,36
Бедульская Е.	68	Габрис М.	70	Дехнич	82
Бейлина Д.	52	Гавин	96	Джавитс	46
Белкина В.	89,91	Гайдельцов	35	Джексон Г.	46,47,60,61,62,64
Белов Ю.	81,82,84	Гайдук Р.	13		
Белоусович И.	24				
Бергер И.	30				

Дзиска А.	68	Иоффе Р.	88	Лашкова В.	29
Дзоппелли М.	7,10	Кавалюскас Ч.	74	Лебедев А.В.	14-15
Дижбит	32	Каллистратова С.В.	84,85,86	Лебедев А.Н.	5
Дилеев	31,32,33	Калниньш В.	30,71,72,75	Левашов	35
Добровольский А.	29	Кальченко	77	Левитин А.И.	83
Довганич	12,14	Кандьба И.	76	Левицки А.	47,50,60,61
Дойников А.	13	Караванский С.	7,11,15	Леонтьев Д.	19-20
Доронина	45,57	Картер Дж.	46,49,98	Леров	32,38
Дрейфус	64	Кац Б.	91,92	Липавский С.	7,45,47-49,52,53,57-65
Другова А.	91,102-105	Киселев Е.М.	98	Лисовая	77
Дубровская С.	42,44	Кичак И.	77	Лихтерова Л.	88
Дубянская Е.	91	Кобахидзе А.В.	22	Лоубер Г.	80,82
Елинсон Х.	88	Ковалев С.	8,9,15,35	Лубенцова В.Г.	5,7,8,12,15,17-20
Елистратов В.	91	Коган Ф.	87	Луканов П.	42
Елистратова Б.	89	Кожокин Е.Я.	14	Лукаускайте-Пошкене	О. 72,74
Емельянов С.А.	5,16	Козырь	77	Лукьяненко А.	77
Емельянова И.	11,58,59	Конквест Р.	30	Лукьяненко Л.	13,75-78
Ермолаев С.	18	Константиновский	13	Лукьяненко Н.	77,78
Жабина Г.И.	84	Королева	102,103	Льсенков В.	34
Жипре А.	73	Коротич В.	19	Любарская Л.А.	11
Жолковская (Гинзбург) И.	29,30,36,37	Костава И.	22,26	Любарский К.	13
Жуковский И.	72	Костава М.	22-28	Маглакелидзе	25-26
Жулей Н.	87,91	Косыгин А.	87	Майлс	65
Зайцев	59	Котов	11	Макаренко М.	13
Залмансоны И. и В.	14	Котова Т.А.	84	Макдональд Дж.	7
Запылаева	45,49,52,57,65	Кравцов И.	77	Максимова	90
Затворский В.	77,78	Кранов	31-32	Малкин А.	46,53,56,60
Захаров	45,52,57,65	Краснов-Левитин А.	6	Маневич	57
Здоровый А.	12-14	Кремень Г.	88,89,91,92	Маринченко В.С.	98
Зиемелис Ю.	71-72,75	Кремень М.	89-90	Марченко А.	8
Зосимов В.	8,10	Кримски Дж.	47,50,60	Мачковский Л.Г.	80
Зотов	103	Кронрод А.С.	15	Машков Ю.	32
Иванов А.	47,54	Кувакин В.	37,103	Менделеев О.	91
Иванов В.П.	91,94	Куудинов	90	Мешко О.	7,9,76
Иванов И.	30	Кузьмин А.В.	100	Мигулин В.	7,10,11
Иванов Ю.	59	Кузьмичева	32,36	Мильгром И.П.	44,62
Игнотас	68,71	Кукобака М.	81,82,84	Мини Дж.	60
Игольников	45,57	Кургузова В.	92,95	Моро А.	24
Илюхин М.	43	Курдюмов	16	Мороз В.	11
Иофе О.	82	Ланда М.	18-19	Москальков В.В.	84

Мурженко А.	11	Печерникова	32,36	Рябский	45,47,57,58, 60-65
Назаров Р.В.	81	Платонов В.	35,48, 58,59		
Насыко Н.А.	99-101	Плющ Л.	7,9,11,15	Саакадзе Г.	26
Натансон А.	47,50,60	Подобайлов В.	30,36	Савкин В.В.	28
Некипелов В.	81,84	Подрабинек А.	18, 79-87	Самсонов Г.	42
Нижников А.	96			Сапожникова И.А.	11
Нижникова Г.	87,88, 91,92	Подрабинек К.	79,80	Саушкин	35
Никифоров	35	Подрабинек П.	80,81	Сафронов А.	13,35
Никлус М.	70-71	Покровский И.	77,78	Сахаров А.	6,19-20,22, 25,29,35,37, 39,41,60,66
Николаишвили О.	22	Полячек	59	Светличная Н.	7
Новиков	92	Помозов В.	35	Свитайло П.	77,78
Новиков Ю.	81	Попова	45	Святский Ф.	84
Новикова П.	30	Половский М.	50	Семиряжко А.Г.	84
Новицкая Р.А.	104	Пошките М. и О.	74	Сергиенко А.	9,11,13, 35,77
Нокин	19	Прессел Дж.	47,50,61	Серова О.	88
Нудель И.	87,90-97	Пронюк Е.	12	Серый Л.	7,9
		Пяткус В.	68-75	Сидорков А.	28,37
Обертас Е.	77	Пяткус Ч.	69	Синицын Б.	15
Обрубов Н.А.	13	Рагайшис Р.	73,75	Синявский А.	29
Овсицер	59	Радченко	82	Слепак В.	7,47,61,90, 91,97-101
Орлов Ю.	5-21,22,26, 27,37,43,58, 59,66,79,103	Райнис, епископ	72	Слепак М.	90,91, 97-101
Орловы А. и Д.	6-7,20	Раслин	45,47,57,58	Смирнов Н.П.	83
Оселков	35	Ратнер	59	Смирнова	45,57
Осипова Т.	18,79	Рахленко Я.	91	Снежневский А.	7,8,9, 11,15
Оснос П.	47,50	Ребкина М.	88	Солженицын А.	6,8, 24,29,41
Отген	41	Реддавей П.	80,82	Солженицына Н.	33
		Резникова Е.	28,35,38	Солонин П.	42,63
Павлов В.	7,9	Рибиков	46	Сорин В.	105
Пайпер Х.	26	Риис	80	Старчик П.	8,11,22,82
Пайпс Р.	47,50,61,64	Розенштейн Г.	88	Стаханов	16
Панченко	47,57,58	Розенштейн Н.	87,88, 91,92	Стешкин В.Д.	84
Парушев	35	Ройтбурд Л.	46,53, 56,60	Строкатова Н.А.	7
Паршина Н.П.	28			Суворов	81
Пауленис Р.	70	Ронкин В.	35,37	Суперфин Г.	11,13,35
Пауленис Э.	70	Рубан В.	77	Сусихина И.	58
Пашилене Б.	70,73	Рубан Л.	77,78	Сусленский Я.	11
Пашковский	102,103	Рубан П.	77	Сухачева Л.	11,58
Пестов В.	30	Рубин В.	45,49,53, 57-59,61,62,65	Сучков	35
Петквяичене Я.	73	Руденко Н.	78		
Петлюра	78	Руденко Р.	105		
Петров Л.	42	Рухадзе	45,57		
Петров-Агатов А.	34	Рцхиладзе В.	26		
Петухов В.	45,50,58,62				

Тарасов В.Д.	14	Фишман	57	Шальман Е.	5,7,16,
Тарто Э.	70	Фомичева	92		21,80,81,82
Твердохлебов А.	6,9,	Форд Дж.	46	Шатуновская Н.	82
	18	Френдли А.	24,47,50	Шафаревич И.	22,24
Терляцкас А.	74-75			Шелия Ю.	12
Терновский Л.	18,79,	Хаит Г.	87,91	Шеметов А.	30,41
	86	Хайло В.	7,19	Шепутис Д.	69-70
Тихий А.	78	Ханженков С.	30	Шернборн М.	47,53,58
Ткачев	33	Хасина Н.	87,91,92	Шиплер Д.	24
Токарев В.В.	93	Хвоцков М.	30	Шмаевич Я.	91
Тот Р.	45,47,50,52,	Хмельницкий Б.	78	Штиглиц Н.	56
	53,58,62,63,65	Хнох Л.	35	Шутов	103
Трофимов	12	Холявченко Н.В.	98		
Туа Б.	36			Щаранский А.	7,14,
Тындюк	31-32	Цалитис И.	71,75		34,35,37,38,41,42-68
		Цветков Г.Н.	5	Щаранский Л.	43,44,
Угодин	31,32,36	Цитовский И.	105		62,67,91
Угулава Г.А.	22	Цьшин Л.	45,47-50,	Щеглов А.	38
Уильямс Э.Б.	28		57,58,60-63	Щелоков Н.А.	47,95,
Уитни К.	26	Цырлин Е.	91		103
Ушков	19	Цырлина Г.	87,89,91	Щербак	58
Федоренко В.	59	Червов	97	Эпельфельд	48
Федоров	82	Черкасская Л.	88	Эсхил	26
Федоров М.М.	83	Чернобыльская Е.	87,		
Федоров Ю.И.	31,33,		89,91,92	Юрявичюс М.	74
	35,36	Чернобыльский Б.	91,		
Федоров Ю.П.	11		105	Якунин, о.Г.	26
Фесенко Ю.	31,32,36	Чивилис Р.	69,75	Яншина	10
Филатов	41			Яшкунайте И.	73
Финкельштейн Э.	74	Шаехов	32	Яшкунас Г.	73
Фишер	30				

\$5.00

to all